

СНЕЖАНА АЛЬШАНСКАЯ

ПОЛЮБИТЬ
БЕЗДУШНОГО

16+

Annotation

Магическая академия осталась позади, теперь меня ждет практика. Как же я была рада, узнав, что буду проходить её на корабле! Далекие страны, иные культуры, настоящие приключения. Кто же знал, что мне предстоит попасть в плен к тому, кого боятся и мирные мореплаватели, и пираты? Тому, у кого нет души. Тому, кого называют проклятым капитаном...

- [Глава 1. Практика](#)
  - [Глава 2. Безбилетный пассажир](#)
  - [Глава 3. Предложение](#)
  - [Глава 4. Жертва](#)
  - [Глава 5. Оковы сломаны](#)
  - [Глава 6. Воспоминания бездушного](#)
  - [Глава 7. Почти на суше](#)
  - [Глава 8. Свидание](#)
  - [Глава 24. Конец света](#)
  - [Эпилог. Жена капитана](#)
-

Глава 1. Практика

– Вы слышали о Проклятом Капитане? – спрашивает Архиепископ, склонившись ко мне.

– Проклятый Капитан? – призадумываюсь я. – Персонаж какой-то морской легенды. А какое это имеет отношение к экзамену?

Архиепископ слегка нахмуривается, вокруг его глаз образовывается сеть из морщинок.

– Значит, вас не пугает встреча с ним?

– Существой он – может, и пугала бы. А раз его нет – не пугает, – спокойно отвечаю я. – Вы хотите, чтобы я отрабатывала практику в музее фольклора?

Архиепископ медленно подходит к окну, открывает его и душный кабинет наполняется приятным, прохладным воздухом. После всей нервотрепки с экзаменом – то, что надо.

Темно-синие атласные шторы с вышитой на них эмблемой академии начинают легонько трепетать. В комнату влетает пожелтевший листик и, мягко качаясь, опускается на начищенный до блеска паркет. Я смотрю на Его Святейшество. Ну пожалуйста, быстрее...

Он стоит какое-то время опершись о подоконник, а у меня лишь одна мысль "только не Северный порт".

Архиепископ церкви Безымянного бога, а заодно и самый сильный чародей из ныне живущих, смотрит на меня добродушным взглядом. В его пожилой внешности есть что-то, из-за чего он кажется почти родным. У меня он всегда ассоциировался с добрым дедушкой, который читает сказки своим внукам перед сном.

Он поворачивается, приглаживает давно поседевшие до белизны волосы, смотрит меня, уголки его рта слегка поднимаются. Кажется, он вот-вот вытащит из кармана сладость и протянет мне.

Только бы эта сладость мне понравилась!

– С ветром как управляешься? – спрашивает он.

– На отлично, – отвечаю я.

– А ментальное взаимодействие с животным миром?

– Выше среднего, – Мне немного стыдно. Могла тоже иметь "отлично", но прогуливала скучные лекции.

– В Проклятого Капитана, говоришь, не веришь...

Да что он заладил со своим капитаном?

– Нет. Не верю, – коротко отвечаю я.

– Что же, тогда я знаю, куда отправлю тебя на практику, – улыбаясь, архиепископ подходит к массивному, дубовому столу, достает из его ящика конверт, протягивает мне с улыбкой, будто действительно угощает сладостью. – Завтра в девять утра отправишься в Северный порт. У пятого склада, рядом с рынком, найдешь мистера Люциуса Молте. Он тебя узнает по знаку академии и будет твоим руководителем. Все документы с печатями здесь.

Так и знала. Северный порт! Самое грязное и вонючее место в городе. Теперь мне полгода привлекать чарами рыбу и вонять этой самой рыбой так, что люди будут меня десятой дорогой обходить. Ну почему? Я же не была самой плохой студенткой на курсе, хоть и самой лучшей тоже.

Еле сдерживаюсь, чтобы не заплакать.

– Спасибо, – поднимаюсь, покорно кланяюсь, хоть в душе полыхает грусть злорадия. Но все-таки он Архиепископ. Он общается с Высшими духами. Ему виднее.

– Ты разверни и глянь, – усмехается он, разглаживает длинную синюю мантию и садится в огромное, обитое синим бархатом кресло.

А то я не знаю что там. Но раз он просит...

Вскрываю конверт, вытаскиваю оттуда желтоватую бумагу с официальной печатью церкви.

Мисс Анесиенна Кордисьеры направляется на корабль "Южная Звезда"...

– Вы... Наверное с кем-то меня перепутали? – удивляюсь я.

– Ничуть, – отвечает Архиепископ. – Чародей с "Южной звезды" стар. Решил завязать с морем. Капитан просил меня подыскать ему нового мага. Молодого, несуетливого, хорошо управляющегося с ветром, умеющего чувствовать чудовищ. Практика на корабле длится всего месяц. За месяц решишь, подходит тебе море или нет. Если нет – работа на суше всегда найдется.

Архиепископ усмехается, а я застываю в ступоре. То есть выходит, что вместо полугода практики у меня будет всего месяц? Да еще и на корабле, где хорошо платят и есть возможность увидеть новые земли!

Безымянный Бог, да о таком только мечтать можно! Ведь на корабль обычно принимают людей постарше и поопытнее, а женщин – так и вовсе в исключительных случаях. Морские суеверия хоть в законах и не прописаны, но работают на всю катушку.

– Принимаете назначение? – спрашивает Архиепископ. – Если не

хотите – у меня есть еще вакансии в военной части и в библиотеке...

– Конечно, принимаю! – я аж подпрыгиваю от радости с желанием расцеловать Архиепископа с ног до головы.

– Тогда приятного плаванья. Завтра в девять утра в Северном порту корабль будет вас ждать. Не опаздывайте.

Я пулей вылетаю из кабинета, мчусь мимо других выпускников. Кто-то из них томится в предвкушении, кто-то уже обговаривает назначение. Меня сопровождают взглядами исподлобья, но мне плевать.

Плаванье! Настоящее плаванье!

Вприпрыжку поднимаюсь по винтовой лестнице на верхний этаж академии, где располагаются комнаты студенток. Влетаю в свою малюсенькую, зато одноместную обитель, к которой за три года я успела привыкнуть. Тут лишь узенькая кровать, небольшой шкаф да столик с разбросанными по нему бумагами для подготовки к экзамену. Ну и мой портрет на стене, который мне когда-то нарисовал уличный художник.

Принимаюсь собирать вещи. Их немного. Нижнее белье, темно-фиолетовое платье на особый случай, несколько заколок, косметика...

Зачем это все мне? Я что, всерьез буду ходить на корабле в платье?

Вряд ли. Но вот когда прибуду в Киренаку, куда и лежит мой путь судя из приложенной к рекомендательному письму карты...

Всяко, лучше взять, чем жалеть. Простой тренировочный костюм, в котором я ходила на занятия по фехтованию и активным магическим дисциплинам еле помещается. Синий сюртук академии надену на себя, как и черные брюки от него. А вот зеркало не влезает... Нужна еще одна сумка. Надо сбегать на рынок, купить.

Слышу стук в дверь. Кого там еще принесло? Подруг у меня нет, поздравлять некому...

Открываю и вижу Ника.

Мой уже бывший одноклассник Ник предстает передо мной в своем естественном виде – немного рассеян, в помятом пиджаке, с пятном на рубашке. Он милый, но совсем несимпатичный. Рыжие, как всегда торчащие в разные стороны волосы, выглядывающие из-под них большие уши, россыпь веснушек на лице. Ну почему в меня влюбился именно он, а не кто-то из тех парней, которые нравились мне?

– Анесс, я тут слышал, что тебя отправили на корабль, – говорит он с легкой грустью в тоне. – Поздравляю.

– Спасибо, – отвечаю я, не прекращая сборы. – А ты? Куда тебя отправили?

– Северный порт, – он опускает взгляд.

– Говорила тебе, лучше учиться надо.

Жалко парня. Даже не из-за практики в порту, а потому, что обычно туда на практику направляют самых неумелых, ленивых и недисциплинированных выпускников. Если у тебя в документах значится это место – это знак, что на хорошую работу такого чародея брать не стоит.

– Так куда поплывешь? – спрашивает он.

– В Киренаку, – отвечаю я и тыкаю ему приложенную к документам карту.

Он внимательно смотрит на неё. Хмурится.

– Туда обычно плывут прямым путем. В архипелаг Зари не заходят.

– И что?

– А то, что только за последний месяц там пропало три торговых корабля.

– Отговорить меня пытаешься? – ухмыляюсь я.

Конечно же, он попытается сделать так, чтобы я никуда не делась и приложит к этому все силы. Сейчас и чудищами пугать начнет, и еще не пойми чем.

– Вот тут, – он с видом знатока смотрит на карту, – так называемые мертвые воды. Там множество раз видели корабль с красными парусами...

О Безымянный Бог! Как же вы достали.

– Да нет никакого Проклятого Капитана, – я вырываю из рук Ника карту. – Это сказка! Торговые суда и вешают красные паруса, чтобы отпугнуть пиратов, пираты – чтобы навеять ужаса на своих жертв, а кто-то просто дурачится.

– А исчезновения кораблей как объяснишь? Слышала о том, что недавно пытались убить Архиепископа? Тот, кто хотел это сделать, сказал, что был на корабле-призраке. И что там он узнал...

– Обычный сумасшедший, – прерываю я, выхватывая из его рук карту. – Вот смотри, тут водятся кракены. Одного или нескольких из них могло занести сюда, к островам. И это они виноваты в пропаже кораблей, а никакой не какой-то корабль-призрак с проклятым капитаном.

– Думаешь, в пасть кракена попасть лучше...

– Уймись ты уже! – выкрикиваю я. – Понимаю, что ты с первого курса ко мне небезразличен. А сейчас прилагаешь все силы чтобы не дать мне отплыть. Учился бы лучше – может, сам попал бы на корабль.

Ник опускает взгляд и краснеет, становясь похожим на ушастую свеклу.

– Удачи тебе в плавании, – выпаливает он и быстро покидает мою комнату.

Ну и пусть идет. Мне он не мешает. Парень сам виноват в том, что остается здесь. То прогуливал, то приходил на экзамен ничего не зная, то неправильно смешал зелья, из-за чего чуть не спалил кабинет алхимии. А еще как-то случайно призвал духа плотских утех и вселил его в нашу толстушку Букки. Ох, что тогда творилось...

В документах вижу, что с собой можно взять только одну среднюю сумку. Зараза! И как мне все запихнуть?

Придется оставить платье, косметику и все остальное, что не особо нужно в плавании. Жалко, конечно, но вернусь – заберу. А с первого же жалования куплю в Киренаке новое. Мне всегда нравились их цветастые фасоны, жалко, что у нас такое не найти.

Выглядываю в окно, под которым располагается просторный и почти пустой двор Академии. Ковер из опавшей желтой листвы покрывает узкие мощенные камнем аллеи, лавочки, на которых собирались студенты после занятий, треугольное поле для спортивно-магических состязаний. Начинается легонький, морозящий дождик. Лишь Дерево Духов выделяется из осеннего пейзажа.

Оно не отбрасывает тени. В его полупрозрачной листве отражается две спиральные радуги из мира, принадлежащего не нам. Листья двигаются сами по себе, не повинаясь ветру. Иногда в них можно увидеть что-то совсем чуждое. Созданий из того мира, сюрреалистические пейзажи обратной стороны мира, и даже будущее. Когда-то давно я видела там человека. Высокого, темноволосого красавца, стоявшего на палубе корабля. Не знаю, кем он был, но я чувствовала, что мы с ним близки. Он показался всего на минуту, а потом исчез. Надеюсь, это было будущее. Может, завтра в порту или на корабле я увижу его?

Становится немного холодно, и я закрываю окно.

Если повезет, буду находиться в теплых водах, когда пойдет первый снег.

***

Северный порт – грязное и неприветливое место. Везде сплошная серость, уныние и вонь. Покрытая слизью серая брусчатка блестит под ногами. От впивающегося иглами в кожу ветра меня всю трясет. Прикрываясь воротником от запахов и ветра, нахожу нужное мне место. К счастью, не опоздала.

Рядом сидит тощий, словно скелет, бездомный и просил милостыню. С невысоких зданий складов несет рыбой и отходами от чего хочется

перестать дышать.

– Крабы! Свежие крабы! – бледная, как вампир, неухоженная женщина, одетая в грязное серое платье пытается перекричать ветер.

– Заморские сувениры! – подпевает ей худой мужчина с обветренным лицом.

– Дер-р-ржи во-о-ора! Он украл мои ча-а-асы! – распинается толстяк в темно-коричневом пальто, пока ребенок непонятного пола, обхватив позолоченную добычу, мчится в направлении города.

Воришка проскальзывает мимо чародея с длинной, черной бородой, проверяющего каждого входящего сюда и выходящего отсюда на чуму, от чего возле выхода скопилась внушительная очередь. Рядом с ним инквизитор с красным моноклем на глазу ищет в толпе практиков запрещенных видов магии.

– Он заражен! – вскрикивает маг. – На карантин его.

– Чего? – отвечает невысокий мужчина в темном и грязном, как и все здесь, камзоле. – Я нормально себя чувствую.

– Заберите его!

– Что? Меня жена и дочь ждут...

Пара солдат с почти одинаковыми лицами, стоявших по обе руки от чародея, хватают зараженного и куда-то уволакивают. Тот громко кричит, сопротивлялся, роняет саквояж, из которого лицом в грязь выпадает искусно сделанная фарфоровая кукла. Не получит сегодня его дочь подарок, как и отца не дождется. С карантинном в городе строго. Любого, кто хоть немного похож на зараженного, мигом отвозят куда-то за город. Оттуда никто не возвращается.

– Пустите меня! Я не заражен. Отпустите!

Но солдаты с каменными лицами, не обращая ни малейшего внимания на вопли, волокут его куда-то за склад.

Мне хочется вмешаться. Жаль человека. Хотя бы проверить его ауру самостоятельно, чтоб удостовериться в его болезни. Но если влезу – могу прозевать Люциуса Молте. Тем более проверяющему чародею, судя по виду, опыта не занимать.

К счастью, ко мне с проверками не приставали. Маги не подвержены заражению.

Отворачиваюсь, боясь поддаться желанию вмешаться.

Вижу пару десятков одетых в лохмотья грузчиков. Громко матерясь, они таскают мешки и ящики на склад. Один из них поскальзывается, падает, громко взывает от боли. Ящик ломается и из него сыплются контрастирующие со всем вокруг ярко-оранжевые апельсины.

Кто-то сразу же бежит собирать фрукты. Высокий, широченный мужик подходит к упавшему грузчику, смотрит на него свысока.

– Ты уволен! – говорит он.

Лицо грузчика выглядит так, будто ему только что вынесли смертный приговор.

– Мне семью кормить...

– Больше чтоб я тебя тут не видел.

Как бы не старался Архиепископ и Церковь Безымянного Бога, но разрухи, насилия, несправедливости и страданий все больше и больше. Их сил недостаточно чтобы справляться с этим. Как же от этого больно – принеся клятву бороться со всем этим, видеть подобную картину.

Мое внимание привлекает пронесшаяся перед носом летающая рыба. Она левитирует через весь порт и с плеском падает в воду.

– Сколько раз говорил, проверяй мертвы ли они! – орет торговец на своего помощника – мальчика лет десяти в большой, натянутой на глаза клетчатой кепке. – Иди выдрай склад. Чтоб к вечеру был чист...

Такие картины тут происходят ежедневно. Одна сменяется второй, вторая третьей. Не могу на это спокойно смотреть. Прикрывая нос платком, спасаясь от удушливой вони, смотрю на расположенную неподалеку часовую башню. Часы показывают десять минут десятого.

Опаздывает этот Люциус Молте. Не удивлюсь, если в последний момент меня заменили кем-то другим, а в академии меня ждет другое назначение.

– Мисс Анесьенна, – слышу низкий, хриплый голос и поворачиваюсь, встретившись взглядом с Люциусом Молте.

Сразу же понимаю, что это он. Совсем не похож на окружавших нас людей. Одет в новый зелёный сюртук с манжетами, а не в рванье. Голову венчает широкополая шляпа с пером, купленная явно не в наших краях. Из-под неё виднеются завязанные в хвост русые волосы.

На вид ему было лет сорок-сорок пять. Крепкий, высокий, с густой бородой. Нет, не тот это человек, которого я видела в листе Древа Духов.

– Анесс, если можно, – отвечаю я и кланяюсь. – А вы капитан Молте?

– Собственной персоной. И лучше без поклонов. В море нет места этикету, – усмехается он. Идемте.

Я хватаю свой стоявший рядом саквояж, который непонятно как успел испачкаться грязью и слизью, и направляюсь вслед за ним.

– Дайте понесу, – он берет из моих рук саквояж, смотрит мне в глаза и спрашивает: – Знаете, что входит в обязанности корабельного чародея? Объяснять не придется?

– Направлять ветер, чувствовать чудовищ, предвещать штормы, развеивать туман, обнаруживать блуждающие острова и рифы...

– Небольшой экзамен, – говорит он. – Кто такой синебрюх?

– Летающий ящер, водящийся в районе архипелага. Обычно питается рыбой, но не откажется полакомиться и матросом, – отчеканиваю я.

– Почувствуете такого? Из-за окраски его трудно заметить.

– Да, конечно.

– И что сделаете, когда почувствуете?

– Навею ему иллюзию прыгучей акулы. Синебрюхи страшно их боятся.

– А если почувствуете прыгучую акулу. Что тогда?

– Ничего. Они не едят людей и если подплывают близко к кораблям, то лишь ради интереса. К тому же моряки считают хорошим знаком её прыжок через корабль.

– Что-то вы знаете, – вздыхает он. – Чему-то научитесь на практике. Если будете хорошо справляться, понравитесь мне и команде, получите постоянную работу на моем корабле. Единственное что...

– Да, знаю. Женщина на корабле – к беде, – вздыхаю я. Ненавижу подобные предрассудки.

– Да, старая моряцкая байка, – отвечает Молте. – Которую уже давно следует развенчать. Но у вас будет отдельная каюта. Я велел установить закрывающийся изнутри замок, так что по поводу матросов не беспокойтесь. К тому же это не оборванцы какие-то, а люди чести.

Кажется, мне начинает нравиться руководитель моей практики. Джентльмен, аристократ с хорошими манерами. Был бы он хоть лет на десять младше – вряд ли какая девушка отказалась бы от знакомства с ним.

Но еще большей симпатией я пропитываюсь, когда моему взору предстает его корабль.

Галеон "Южная звезда" выделялся среди серой унылости порта, как пришелец из другого мира. Над корпусом из светло-кофейного дерева высятся три мачты с висящими на них светло-синими парусами. Благодаря таким корабль в море заметят далеко не сразу. Сверху трепыхается желто-зеленый флаг торговой федерации. Нос корабля украшает огромная фигура Сахелис – дочери Безымянного бога, покровительницы путешественников. Одной рукой она держится за борт, а вторую тянет вперед, будто указывая куда плыть.

По приставленному к кораблю мостику матросы закатывают на палубу бочки и заносят ящики с провизией.

– Давайте быстрее, через полчаса отплываем, – командует Молте. – В

районе острова Башни шторм, придется обходить.

Матросы шевелятся, капитан же поворачивается ко мне.

– Эликсиры от морской болезни взяли?

– Да, – киваю я, пожалев об оставленных ради них и магических гримуаров платьях.

– Тогда прошу на борт, – мистер Молте жестом приказывает матросам на мгновение остановиться, подал мне руку. Один из моряков так и пялится на меня своими узкими глазами, указывающими на восточное происхождение. От его взгляда мне слегка не по себе.

Отвернувшись, поднимаюсь на корабль, и чувствую, как он качается на волнах. Слегка кружится голова. Похоже, мне уже нужно принять эликсир от морской болезни.

– Вон там место корабельного чародея, – капитан указывает на огороженное заборчиком место справа от штурвала и открывает кормовую дверь. – А тут, справа – каюта корабельного чародея. Прежний маг оставил кое-какие книги, заметки, записи. Советую с ними ознакомиться. Как-никак он проработал в море больше тридцати лет.

Я согласно киваю.

– Здесь – моя каюта. Если что – стучись, – капитан показывает на дверь в дальней части, а затем открывает передо мной мою обитель и протягивает саквояж. – Милости прошу. Располагайся. Когда выйдем из порта, зайду к тебе. На ночь лучше закрывайся. В команде несколько новых матросов, они еще не привыкли к дисциплине.

– Спасибо, – киваю я и провожаю взглядом удаляющегося Молте.

Каютка совсем небольшая, но уютная. Чем-то она напоминает мою комнату в академии. На прибитой к стене полке стоит десяток книг. Под ней находится маленький столик, по которому разбросаны записи и чертежи. Над узкой кроватью висит испещренная метками морская карта. Но больше всего мне нравится выходящее на море окно. За толстым стеклом виднеются белогривые волны, то и дело накатывающие на корпус галеона. Вдали, словно цветок, развевается белый парус рыбацкой шлюпки. Неподалеку из воды выпрыгивает стая летающих рыб, проносится над морем и уходит в воду прямо рядом с торчащей из воды вершиной Древа Духов.

Таких деревьев много, они есть по всему миру и все связаны одним корнем. Благодаря им и возможна магия.

Какое-то время всматриваюсь в Древо, а оно, кажется, всматривается в меня. Оно чувствует магов и всегда смотрит на нас.

Насмотревшись, распаковываю саквояж, сразу же принимаю немного

эликсира, собираю разбросанные по столу бумаги.

Ничего важного. Стандартные для корабельного мага заметки о движении штормов, терявшие актуальность со временем, начерканные корявым почерком личные записки, пара неизвестных мне магических формул. Это оставлю, потом разберусь.

Последний лист оказывается рисунком. На нем рассекает волны трехмачтовый фрегат с кроваво-красными парусами и надписью на борту "Вендетта".

Мифический корабль Проклятого Капитана. Рисунок довольно талантливый. Судно на нем прямо оживает, бьется о волны, трепещут подобные крыльям летучей мыши красные паруса. Его автор явно долго трудился над ним. Решаю его оставить. Прицеплю на стену рядом со своим портретом, который я все-таки не забыла. Пусть будет украшение.

В этот момент в каюту врывается легкий ветерок. Он вырывает рисунок из моих рук и плавно опускает на кровать тыльной стороной кверху. Там большими буквами написано всего два слова "Он существует".

Глава 2. Безбилетный пассажир

Северный порт исчез за горизонтом. Серые склады, часовая башня, исполинский маяк все это осталось позади и, надеюсь, в прошлом. Здесь лишь волны, скрип досок корабля и мягкое покачивание, крики чаек и голоса моряков.

Я стою опершись на кормовое ограждение и смотрю как в горизонте растворяется моя прошлая жизнь. Мне её ни капли не жаль. На сердце приходит радость.

– Поднять марсея, брамсея, трюмсея! Идем полным ходом! Бурген, ты сегодня за дозорного, полезай на мачту, – кричит капитан.

– По правому борту рыбацкий шлюп! – отвечает кто-то.

Вокруг сколько хватает взгляда простирается бесконечное море. Немного страшно осознавать, что лишь конструкция из досок отделяет меня от безжалостной природы.

Ничего, привыкну.

– Пора приступать к работе, – Молте хлопает меня по плечу, заставляя подпрыгнуть от испуга.

– Да, конечно.

Встаю на свое рабочее место, усиливаю ветер и, закрыв глаза, соединяюсь с корнями Древа Духов. Перед глазами темнеет, звуки прекращаются, палуба исчезает.

Я словно вишу в пустоте, где нет ни света, ни тьмы, ни верха, ни низа. Плыву в бесконечных волнах пустоты, чувствуя лишь духовные сущности всего, что меня окружает. Вижу магическим взором две пересекающиеся друг с дружкой спиральные радуги и миллионы снующих вокруг душ. Больших, маленьких, ярких, тусклых. Одни из них похожи на людей, другие на животных, третьи на птиц, четвертые постоянно меняются, принимая все новые причудливые формы.

У всего живого есть духовная частица, начиная с человека и заканчивая мелкой рыбешкой. Кусочек Безымянного бога, живущий во всем, кроме созданий бездны. По ним-то мне и предстоит находить все, что так или иначе могло угрожать кораблю.

Слева от нас что-то действительно было. Что-то большое, раза в три крупнее корабля.

– Кажется, кобинер в миле справа, – говорю я, вынырнув в реальность.

Эти исполинские животные на суда не нападают, но нечаянное столкновение с громадиной вполне может перевернуть корабль.

– Лево руля! – командует Молте, уходя от нежеланной встречи подальше.

Я снова проваливаюсь в Изнанку – измерение душ. Чувствую, как колышутся водоросли на дне, как мимо проплывает стайка небольших рыбешек, как команда "Южной звезды" натягивает канаты и поднимает паруса, как крутится штурвал.

Мир меняется на глазах. Корабль становится похожим на летящее в пустоте крылатое животное с пятью лапами, двумя головами и единственным, расположенным между ними глазом. Море испаряется на глазах. На милях вокруг сияет желто-золотая пустыня. А над ней, прямо в воздухе, текут реки, висят деревья и трава, на стеблях которой резвятся насекомые. Облака же превращаются в бушующий исполинскими белогривыми волнами океан. Среди них мелькает огромный рыбий хвост, бушует черной, как смола, воронкой, ураган...

Изнанка – опасное место. Здесь легко потерять ориентацию в пространстве и времени. Забыться. Остаться тут навсегда.

Маги долго учатся находиться здесь без последствий.

На мгновение мне кажется, что я что-то чувствую вдали. Что-то...

...пустое. Будто из мира духов вырвали часть, оставив открытую рану. Но наваждение исчезает и я возвращаюсь в реальность.

– Путь чист, – говорю я.

– Хорошо. Молодец, – благодарит капитан. – Хорис, возьми штурвал.

Молодой высокий помощник занял место рулевого, Люциус Молт же подходит к кормовой ограде, опирается на неё и жестом подзывает меня к себе.

– Тебя что-то беспокоит? – спрашивает он.

Я вынимаю из кармана сюртука рисунок, который нашла в трюме, протягиваю ему.

– Прежний чародей сошел с ума?

Капитан всматривается в лист бумаги, вертит его, усмехается.

– Две недели назад плыли с Гersona, везли груз тамошней стали и напоролась на скалу. Пробоину быстро залатали, ничего страшного, но потеряли часть запасов пресной воды. Неподалеку был небольшой остров, решили поискать воду там. Торбен, наш прошлый чародей, отправился с нами. Мы разбились на пары пошли искать. Нашли быстро, но Торбена все не было. Ждали весь день. Ходили, звали его, но он не отвечал. И тут он примчался. Весь грязный, побитый, будто войну пережил. Сказал, что на

противоположной стороне острова увидел корабль с красными парусами. И тут же перестал улавливать ход времени. Сидел в кустах, считая, что прошло несколько минут, хоть на самом деле пролетел день. Матрос, который с ним пошел, направился посмотреть поближе, и не вернулся. А Торбен... Я решил, что он тронулся рассудком. У вас ведь есть болячка, когда вы перестаете различать Изнанку и наш мир?

– Да, синдром погружения, – отвечаю я. – Но я не слышала, чтобы кому-то с таким виделись целые корабли.

– Корабль там и в самом деле мог быть. Из-за дурацкой легенды много кто вешает красные паруса, делает их похожими на крылья летучей мыши. Думаю, Торбен что-то сделал с тем матросом. Может, он действительно тронулся рассудком, а может они поссорились, маг воспользовался этими вашими трюками и приказал ему пойти и утопиться. А потом придумал все это. Всяко, прибыв в порт, я первым делом обратился к церкви, подал рапорт о Торбене и запросил нового чародея.

А мне архиепископ другие причины ухода предшественника называл..

– Это я виноват, – буркнул Люциус Молт. – Я знал, что чародеям не рекомендуется работать на кораблях больше пятнадцати лет. А Торбен отработал все тридцать. Последние пять он был нелюдимым, даже на берег в портах не сходил, но работал хорошо, потому я закрывал на это глаза. Из-за меня чародей сошел с ума, а матрос погиб.

Я не нахожу что ответить, но на мгновение становится страшно. Что, если тот корабль действительно существует? Есть ведь множество магических аномалий, почему одной из них не быть сводящим с ума кораблем-призраком?

Нет, надо гнать от себя эти дурацкие мысли. Так и самой до сумасшествия недолго.

– Можешь отдохнуть, – говорит капитан. – Проверь на опасности раз в два часа. Раз в час в районах фенрских островов.

Я киваю, окидываю взглядом палубу, на которой работают матросы. Они подвязывают к мачтам какие-то веревки, при этом грязно матерясь.

К счастью, на меня никто не обращает ни малейшего внимания. Я спускаюсь в каюту и только открываю дверь, решаю, что у меня началась морская болезнь и появились галлюцинации.

На моей кровати сидит Ник. Он смотрит в окно и даже не замечает, как я вошла.

– Ты откуда здесь взялся?

Лишь после этих слов он оборачивается, смотрит на меня и прищуривается, будто удостоверяется, я ли это.

– Не хотел работать в порту...

– И?

– И пробрался на корабль, когда никто не видел. Сидел в трюме, пока не отплыли.

– И на что ты надеешься?

– Надеюсь добраться до Киренаки. А там посмотрим. Все же не работа в порту, – усмехается он.

Ох Ник-Ник! Всегда у тебя всякие глупости на уме. И что мне теперь с ним делать? Пойти к капитану, сказать, что на борту объявился заяц? Ну не велит же Люциус Молт выбросить парня за борт. Наверняка найдет ему какую-то работу. Если Ника найдут, а его точно рано или поздно кто-то обнаружит, то решат, что это я его привела...

– Пойду к капитану, – строго говорю я. – Пусть он решает, что с тобой делать.

– Не надо! – вскрикивает он. – Сам к нему схожу. Так и думал – как выплывем в открытое море, и возвращаться будет поздно – объявлюсь.

Он поднимается, медленно идет ко мне, смотрит невинным взглядом.

Ох, чувствует мое сердце, что он решился на это ради меня. Ладно, спрошу прямо.

– Ник, ты ведь затеял все это чтоб быть со мной рядом. Да?

– Ну, – он морщится, – Отчасти. А от второй части – в порту канючить полгода, еще и зимой – то еще удовольствие.

– Пойми ты, что мы с тобой не пара...

– А вдруг это не навсегда...

– Навсегда. И перестань питать несбыточные надежды. У нас с тобой ничего нет и быть не может.

– Я тебе не ровня?

– Нет. Просто ты не в моем вкусе, – он понемногу начинает меня злить.

– Вкусы иногда меняются.

– Не в этом случае! – почти кричу я, чувствуя желание приложить Ника чем-нибудь тяжелым.

– Ты такая упертая. Мне это нравится, – усмехается он.

– Иди уже! – почти крикнула я.

– А ты говорила, что проклятого капитана и корабля с красными парусами не существует, – говорит Ник.

– Что ты несешь? Иди уже к капитану!

– Я уже дважды его видел, – усмехается бывший студент. – Плывет параллельным курсом. Появится ненадолго и снова исчезнет за горизонтом.

Вот, смотрю. Вдруг опять появится.

– Не выводи меня из себя! – рявкаю я – Если не пойдешь к капитану сейчас же, скажу, что не знаю тебя. Молте решит, что ты бегущий от правосудия преступник и остаток путешествия ты проведешь взаперти.

Ник не реагирует на провокацию. Молча смотрит в окно, как замороженный. А потом резко хватает меня за руку, что я аж подпрыгиваю.

– Смотри.

Вот же дурачок, попугать решил. Но я все же наклоняюсь, смотрю вдаль и вижу там корабль с кроваво-красными парусами. Отсюда его не разглядеть. Не видно ни флага, ничего. Это ведь может быть кто угодно.

– Ну корабль. Подумаешь. Тут их много, – говорю я.

– Загляни в мир духов, не отрывая взгляда от таинственного судна, говорит Ник.

Я закрываю глаза и словно проваливаюсь вниз. Очертания каюты тают, исчезают, открывая вид на спиральную радугу. Вижу внизу землю, которая словно живая, и небо странного, зеленого цвета. Все размыто, словно рисунок акварелью. Вокруг множество духов. Они проплывают перед глазами, снуют то вверх, то вниз. А на горизонте виднеется рваная рана. Сплошная пустота. Полное ничего. Дыра в пространстве Изнанки, которой нет, да и быть не может.

Я пугаюсь, чувствую, как сжимаются мои зубы, как покрывается потом кожа. Горло сжимается в спазме. чувствую удар. вынырываю, и снова оказываюсь на полу в каюте. мгновенно поднимаюсь. несусь на палубу. Сердце разрывается от испуга. На пути чуть не сбиваю с ног какого-то матроса.

Бегу к Люциусу Молте, выхватываю подзорную трубу из его рук, и смотрю туда, где только что видела корабль. Но его уже нет. вокруг – лишь синее бесконечное море.

– Что ты там пытаешься разглядеть? – спрашивает Молт. В его взгляде скользит недовольство.

– Корабль с красными парусами, – отвечаю я, возвращая трубу, и тут же понимаю, что зря сказала правду. Могла отовратиться чем угодно. Сказать, что чувствую там редкое животное или магическую аномалию. Но почему-то ляпнула правду.

– Если ты веришь в подобный бред – на островах подыщем тебе корабль обратно, – строго говорит он.

Пару минут назад я и не верила. И ладно, если бы это просто корабль. Но нет. В мире духов что-то происходило. Будто его покалечили.

– У тебя, похоже, морская болезнь, – говорит Молте. – Сходи к

корабельному врачу, пусть проверит тебя.

Я его видела! И чувствовала!

Но, конечно же, признаться – значит, получить плохую оценку за практику. Впрочем, я уже и сама не уверена, был ли тот разрыв. У неопытных магов в мире духов часто начинаются галлюцинации. Кому-то кажутся несуществующие животные и люди, кому-то видятся картины прошлого. Возможно, и мне так же привиделось. Смена обстановки и все такое. Вот только у меня есть свидетель.

– Я тоже его видел, – говорит поднявшийся на палубу Ник.

– Ты кто такой? – спрашивает удивленный Молте. Его лицо выражает недоумение.

– Бывший сокурсник Анесс. Меня Ник зовут. Она меня не приводила, я сам пробрался.

Капитан хмурится, злится, хоть и старается этого не показывать.

– Маг, значит, – говорит он, скрипя зубами.

Ник в ответ только кивает.

– Сойдешь в Архипелаге. А пока что поработаешь её сменщиком.

Ник кивает.

– Я тоже видел тот корабль...

– С красными парусами? Безымянный Бог, да кто угодно мог их нацепить! Еще одно слово об этом – оставлю вас голодными. Обоих.

Я не понимаю, действительно он решил не кормить нас или пугает. Но Ник продолжает настаивать.

– Вы не маг. Вам не...

– Заткнись! – Молте переходит на крик. – Ты без спроса пролез на мой корабль. Другой капитан просто швырнул бы тебя за борт. Я не настолько жесток, но еще одно слово об этом – до конца нашего пути будешь драить палубу. И ты тоже.

Он переводит взгляд на меня, смотрит в глаза, будто пытается разглядеть там согласие.

– Спать будешь с матросами, – говорит он Нику. – Свободны. Оба.

***

Я молча стою на корме и выполняю свою работу. Направляю ветер, прочесываю измерение духов в поисках какой-либо опасности, но попадаются лишь мелкие рыбешки и рачки. Приятный, теплый южный ветер дует в лицо, да и вообще холод и промозглость родных краев понемногу сменяются красочными пейзажами с вечно зелеными

островами, кристально-чистым небом и изредка проплывающими белыми облачками.

Ник на носу корабля помогает матросам с заменой паруса на сероголубой, почти невидимый на расстоянии. Нейтральные воды как-никак, пиратов и прочих желающих полакомиться чужим имуществом тут полно.

Я даже рада, что Ник пробрался на корабль. Не будь его – приходилось бы подниматься с кровати раз в пару часов. А так работаем посменно и вполне высыпаемся.

Люциус Молте даже задумывается над тем, чтобы оставить его в команде.

Корабль с красными парусами еще раз появился и исчез. Больше ни я, ни Ник его не видели. Наверняка и вправду кто-то дурачился, а мы с моим бывшим сокурсником понапридумывали себе не пойми чего и получили галлюцинацию.

До архипелага остается не так много. К вечеру, максимум к ночи будем там. Появится возможность наконец-то сойти на твердую землю.

– Судно по правому борту! – кричит дозорный на мачте, а я сразу же ныряю в Мир Духов.

Нужно проверить кто там. Конечно, на их корабле может быть более сильный маг, который закроется от просмотра, но по инструкции проверять нужно всегда.

Я будто проваливаюсь сквозь палубу. На мгновение кажется, что нахожусь под водой, вижу проплывающих мимо рыбок, поднимающиеся со дна пузыри, пускающего их морского скунса...

А потом резко взлетаю и вижу уже привычную спиральную радугу. Наше судно здесь кажется размытым и нечетким. Людей на нем нет, только плавающие туда-сюда огоньки душ. А под кораблем простирается не море, а луг с высоченной травой, которая мягко колыхается, будто танцует.

Смотрю туда, где видела корабль, и снова вижу полную черноту. Дыру в мироздании, из которой смотрит полнейшее ничто.

Мне больно. Кажется, что эта рана где-то на мне. Зубы начинают скрежетать, тело трястись. Не в состоянии выдержать, возвращаюсь в твердый мир. Качаюсь от головокружения, почти падаю, но удерживаюсь, облокотившись на перила.

– Что там? – спрашивает Люциус Молте. – Тебе плохо?

– Не знаю, – отвечаю я. – Может, там сильный чародей. Или они перевозят каклий-нибудь артефакт...

Перед глазами темнеет. Начинает тошнить. Стук волн о борт кажется громом.

– Идет на нас! – кричит дозорный.

– Право руля! – командует капитан, и потом тихо добавляет, – уйдем от него...

– Не хочу пугать, но у него красные паруса, похожие на крылья летучей мыши, – слышится чей-то голос.

– Отставить панику! – Молте сам становится за штурвал.

Я поднимаюсь, встаю на свое место. Сердце трепещет, как загнанная в сеть птица. Не из-за страха, а из-за того, что я видела в Мире Духов.

– Ник, помоги мне направить ветер!

Он вмиг оказывается рядом. Вкладываю все силы в перенаправление и усиление, корабль значительно ускоряется.

– Отрываемся от него! – кричит дозорный.

Фух!

Магическая энергия, почерпнутая из Древа, струится сквозь меня. Чувствую пульсацию в висках. Кажется, что вот-вот упаду, но все же продолжаю.

– Ты побледнела, – говорит Ник.

– Заткнись и делай свою работу, – отвечаю ему...

– Сто-о-оп! – орет капитан.

Я останавливаюсь, поднимаю взгляд и вижу прямо перед нами красные паруса в виде крыльев летучей мыши. Как он там оказался? Мгновенно переместиться с места на место? А потом доходит – иллюзия. Чародей на их судне настолько силен, что смог навевать мне иллюзию, и я даже не заметила подвоха! Зараза!

– Право руля-я-я!

– Свистать всех наверх!

– Пушки к бою!

Я всматриваюсь в таинственный корабль, который уже однажды видела – на рисунке.

Те же странного вида паруса, фигура на носу, которую теперь можно разглядеть. Фигура архиепископа, из груди которой торчит меч.

Застыв в ступоре, вижу как судно поворачивалось к нам боком, как с него на наш корабль летит гарпун. Что-то грохает. В ушах пищит

Поворачиваюсь, замечаю поднимающегося с колен пирата с неестественно бледной кожей и изогнутой саблей в руке. Я не боюсь. Почему-то сейчас мне не страшно.

На палубу приземляется еще один пират, и еще. Они что, с неба падают?

Рядом раздается оглушительный грохот выстрела, от которого я чуть

не глохну. Пираты один за другим появляются на палубе из ниоткуда. Телепортация? Но как? Нельзя так точно высчитать направление перенесения...

Поворачиваюсь к Нику и нахожу его в толпе. Он изо всех сил удерживает магией шедшего на него огромного, похожего на скалу, разбойника.

Собираю все силы и ударяю его направленным ветром. Толчок получается даже сильнее, чем ожидала – громадный пират вмиг улетает за борт.

Краем глаза вижу нацеленный на меня ствол пистолета. Все, конец! Магов всегда убивают в первую очередь...

Грохот, крик.

Всем еще стою на ногах. Открываю глаза и вижу, как один из матросов отрубает пирату руку. Но в тот же миг сам гибнет от подошедшего сзади противника. Что-то вспыхивает. Вокруг крики, звон металла, выстрелы..

Несколько моряков горят и почти одновременно прыгают за борт. Хватаю немного огня, посылаю его в одного из нападающих, потом во второго... Не знаю, работает ли. Мое тело и разум действуют будто в отрыве от меня.

Слышу громкий стук.

В глазах резко мрачнеет, все двоится двоиться. Лишь теперь понимаю, что стук был по моей голове и чем-то тяжелым. Лица расплываются, а звон сабель превращается в монотонный протяжный гул. Где-то рядом зазвенит колокол. Слышится пушечный залп.

Палуба дрожит и трещит. Ощущаю как каменею от внезапно нахлынувшего холода. Что-то рычит. Совсем рядом. Нужно больше сил! Нужно встать! Необходимо встать! Хоть немного энергии!

Ныряю в мир духов.

Все вокруг мрачнеет, выцветает, перестает существовать. Исчезают звуки и запахи. Остаются лишь ауры. Своих, чужих, я не разбираю. Инстинктивно тяну силы со всех без разбору.

Мне хочется остановиться. Может, именно из-за меня мы проиграем бой. Но не могу. Инстинкты помноженные на магическую силу берут свое. Чувствую, что иссушила кого-то до нуля.

Вижу как ауры исчезают одна за другой. Живых становится все меньше. Еще! Еще немного...

Нет!

Огромная дыра здесь. Дыра в тонком мире делает свое. Она тоже поглощает энергию, как и я. Только куда быстрее. Она тоже не различает

своих и чужих, увеличивается с каждым поглощенным духом.

Открываю глаза и вижу огромную тварь. Она похожа то ли на огромного волка без шерсти, то ли на лишенную крыльев летучую мышь. Единственный глаз твари светится красным. Расположенные в несколько рядов зубы блестят. А из них торчат чьи-то ноги.

Рядом валяется окровавленный матрос. Он тянет ко мне руки, просит помощи, но я застываю как парализованная. Спустя секунду тварь единым движением лишает матроса жизни и оказывается рядом со мной.

Ощущаю ужасающую вонь, слышу рев из пасти, но не могу пошевелиться. Тварь открывает рот, а я надеюсь, что это будет быстро.

Грохот.

Ужасный грохот, от которого я почти глохну. Открываю глаза. Тварь лежит передо мной. У неё отсутствует половина головы.

– Беги! Прыгай в воду! Она сейчас восстановится! – кричит кто-то.

Тварь шевелится. Может, это конвульсия? Никто не живет без половины головы!

Но когда загорается единственный глаз, понимаю, что кое-кто или кое-что все-таки живет.

Вскакиваю на ноги. Краем глаза вижу корабль с красными парусами, растерзанных в клочья своих и чужих, сломанную мачту...

Что-то словно хватает меня и несет вперед. Тело двигается само по себе. Быстро преодолевает ограду и прыгает в воду. От сильного удара на миг кажется, что мой дух отделяется от тела.

Холодная, колючая вода впивается в меня хищными когтями. Тьма обступает со всех сторон. Все исчезает. Тварь, корабль, моряки. Наступает полное ничто.

А спустя миг я прихожу в себя и чувствую твердую поверхность под собой. Еще через секунду понимаю, что нахожусь на корабле и даже на мгновение верю, что все произошедшее – лишь жуткий кошмар.

А потом вижу сложенные красные паруса над головой и ощущаю веревки на запястьях. Я на "Вендетте"! В плену. И что-то блокирует мою магическую энергию. Изнанки будто вовсе не существуют.

– Расправить паруса! – слышу голос и алые полотна вмиг натягиваются. Они действительно напоминают перепончатые, подертые на краях крылья.

А потом вижу капитана

Проклятого капитана.

Он стоит за штурвалом подобно богу мореплавания из древних языческих картин. Высокий, в ярко красной повязке на голове, из-под

которой выглядывают черные, достающие до плеч волосы. Его лицо покрыто густой щетиной. Тело скрывает просторная темная рубаха.

Проклятого Капитана в байках описывают по-разному. Ожившим скелетом, получеловеком-полурыбой, созданием с тремя головами.

А этот – точно не он. Это тот самый человек, которого я когда-то видела в листве Древа Духов.

Глава 3. Предложение

По правую руку от проклятого капитана стоит полностью лысый чародей с желтым цветом кожи, узкими глазами и татуировкой на лице. Явно выходец из восточных земель с их странной артефактной магией.

По левую опрятный господин с усами в коричневом костюме, который ассоциируется с чиновником, адвокатом, ученым, кем угодно, но только не с пиратом.

– Они нас догоняют! – слышится чей-то голос.

– Можешь ускорить? – спрашивает капитан у своего мага.

Я все еще не могу поверить, что видела именно этого человека в листе Древа. Может, ошиблась? Может, кто-то просто похожий...

– Выжимаю что могу, – холодно отвечает чародей с явным фикинским акцентом.

– Не уйдем, – слышится еще чей-то голос.

Я слегка приподнимаюсь, чтобы увидеть преследующий нас корабль. Это же "Непокорный"! Флагман королевского флота. Громадный четырехмачтовый водный монстр, против которого это судно точно не устоит. Наверняка кто-то подал "сос" а этот корабль оказался рядом. Сейчас пиратам придет крышка.

– Потопим его, – говорит капитан и резко крутит штурвал. Я падаю, ударяюсь рукой о палубу.

– Ты с ума сошел? У него пушек раз в пять больше, чем у нас! – препятствует кто-то.

– Молчать, – отвечает капитан. – Полный ход на него. Айсен, твоя система смещения тяжести работает?

– Еще не тестировал, – говорит "аристократ".

– Сейчас узнаем, – капитан кивает и твердо смотрит вперед.

Он что, собирается идти на таран? Да этот корабль мигом развалится. Он псих?

– По моей команде усиль гравитацию и сделай воздушный пузырь, – обращается он к чародею. – А вы берите всплывающие ядра. Бросайте за борт, когда скажу.

Я снова подползаю к борту, выглядываю. Расстояние между кораблями сокращалось с каждой секундой. Уже вижу стоящих на борту "Непокорного" солдат с мушкетами в руках, готовых добить уцелевших

после тарана пиратов.

Только бы меня не приняли за одну из них...

Но до этого может и не дойти, если окажусь в воде со связанными руками и не смогу плыть. Ерзаю, пытаюсь ослабить веревки, но ничего не выходит. Корабль с каждой секундой набирает ход. Ничего не получится...

Спаси меня, Безымянный Бог...

Шепчу заученную в детстве молитву, а сердце с каждым мигом колотится все сильнее, словно часы, отсчитывающие секунды до рокового столкновения.

– Гравитацию! – кричит капитан. Восточный чародей взмахивает руками, и я намертво прирастаю к палубе. Ощущение такое, что вешу я как целый слон.

– Айсен, давай!

Аристократического вида человек ухватывается за рычаг, дергает на себя, и в тот же момент капитан резко крутит штурвал.

Корабль разворачивается почти мгновенно, на месте. Никогда не видела, чтоб судно поворачивало настолько быстро. Нос "Непокорного" оказывается прямо передо мной. Огромный военный корабль готов въехать в меня своим тараном.

Закрываю глаза. Слышу лишь собственный крик. Чувствую только холод и приходящую от своих же смерть.

Мир переворачивается. Умерла? Открываю глаза. Вижу закрытые тучами небеса, едва проглядывающее между облаков солнце, носящихся по небу птиц.

Затем начинает литься вода. Мы переворачиваемся!

Вода обнимает меня. Вижу проплывшую рядом стайку небольших рыбешек, на миг показывается всплывающая с морского дна бутылка, сверху щелкает пастью что-то большое.

Корабль перевернулся, но по воле пиратского чародея я не только удерживаюсь на палубе, но и дышу. Вокруг меня словно бы вырос воздушный пузырь, не ропускающий воду. Что это за магия?

Выглядываю за борт и вижу днище Непокорного. Мы под ним!

Чернокожий пират возникает рядом и сбрасывает в воду пару ядер, которые взмывают к днищу военного корабля. звучит приглушенный взрыв.

Все это длится пару секунд, кажушихся мне вечностью. А потом корабль снова переворачивается. Всплывают облака, небеса и "Непокорный", который находится уже по другому борту кормой ко мне.

– Залп! – кричит капитан.

От грохота пушек закладывает уши. Корма флагмана королевского

флота разлетается в щепки. С его палубы в воду прыгают солдаты. Кто-то пытается стрелять в нашу сторону, но этого мало.

Покоренный "Непокорный" идет ко дну..

Я смотрю на капитана, который усмехается, радуясь победе. Аристократа, у которого если и есть эмоции, то они прячутся внутри. И лежащего на трибуне чародея, из которого по доскам течет кровь.

– Кен Ло! – капитан тоже это замечает. Бросается к магу, зажимает рану. – Айсен, бери штурвал и выводи нас отсюда! Врача сюда! Срочно!

Звенит колокол. Корабль вприпрыжку несет по волнам. Краем глаза замечая Ника, который лежит на палубе со связанными за спиной руками. Веревка на его запястьях блестит, а значит, её пропитали противوماгическим зельем. Значит, никакой магии.

Безымянный Бог! Что со мной теперь будет? Пираты обычно продают пленных в рабство или сразу бросают за борт. И если в случае Ника или любого другого мужчины, тем более с магическими способностями, стать рабом – не худший вариант – может, удастся сбежать или попасть у хозяина на пост чародея, то для женщины лучше смерть.

– Чародей есть? Нужен чародей! – кричит рыжеволосая женщина, стоящая на коленях рядом с раненым магом.

Капитан быстро подходит ко мне, хватая за запястья, поднимает и единым движением перерезает мою веревку. А вскрикиваю от боли.

– Помоги ей. Что-то выкинешь – брошу за борт, – твердым, механическим голосом говорит он.

Подбегаю к распластавшемуся на досках пиратскому магу. Может, если помогу его спасти, меня отпустят?

– Не дай его духу уйти в Изнанку, – говорит женщина-врач, перевязывая рану.

Я киваю и ныряю в измерение духов. Мир выцветает. Растворяются цвета, за ними исчезают предметы. Остаются лишь пятна. Большие, маленькие, тусклые, светящиеся.

На мгновение замечая душу капитана.

Точнее её отсутствие. Только аура, души нет. Но это невозможно!

– Быстрее! – слышу чей-то крик и оборачиваюсь к падшему чародею.

Пытаюсь найти его душу. Лишь спустя какое-то время нащупываю небольшой осколок, который с каждой секундой становился все меньше.

Реанимационная магия никогда не была моим коньком. Общий курс проходила, но углубленно её изучают только на факультете лечебного колдовства. Да и никогда не думала, что мне придется кого-то реанимировать.

Душа пиратского мага все время ускользает. Она считает, что тело умерло, и спешит как можно скорее покинуть его и слиться с миром духов. Она проскальзывает между моих магических сетей, хаотично двигается, резко меняет направление.

Мир духов меняется в готовности принять в себя нового обитателя. Играет красками, блестит. Сейчас лежащему передо мной магу кажется, что он направляется в прекрасное место, где его жизнь пройдет без забот. Наверняка он не осознает, что это смерть. Он вырывается, сопротивляется, выскальзывается.

Душа мелькает последний раз и исчезает, растворяясь в мире духов. А я выхожу в реальность. Вся мокрая от пота, тело болит, во рту образовывается пустыня. Не могу понять холодно мне или жарко. Голова неистово кружится.

– Он умер, – говорит женщина-врач.

***

От запаха гнили слезятся глаза. По коже маленькими шажками бродит холод, от которого все внутри замерзает. В трюм, куда меня бросили как мешок с картошкой, постоянно прибывает. Я её не вижу, лишь чувствую. Вокруг сплошная тьма, лишь одинокий желтый фонарь вдали выглядит как свет в конце туннеля. Свет, до которого не добраться, потому что вокруг металлические прутья. Я в клетке. В одной из тех, которые используются для перевозки магических животных, чтобы те по дороге не выкинули какой фокус. Магии нет, будто её никогда и не было. Словно она была лишь в далеком, почти забытом сне. В реальности же остается лишь жгучий холод и мокрая камера.

Кто из команды кроме меня попал в плен? А кто погиб? что стало с Ником? Я не знаю. Мысли обрывочны и хаотичны. Стоит закрыть глаза, представляю, что нахожусь не тут. Где угодно, но не тут.

То я кружу в танце на выпускном балу в Академии, то летаю на аэроплане, то упражняюсь в магии. В моих видениях я – не я. У меня другое имя, другая внешность. Это все возникает в сознании словно ширма, пытаюсь скрыть ужасающую реальность.

Но долго это не продолжается.

Стоит открыть глаза и голову словно пронзает колом. Она в муках рождает мысли одну страшнее другой. Рабство, развлечение для команды. смерть от холода и голода...

Вот и закончилась моя практика. То, чему я так радовалась, обернулось

полным крахом. Зараза! Это действует мне на нервы еще больше, чем холодная решетка, постоянно прибывающая вода и пронизывающий холод.

Будьте прокляты, пираты! Будь проклят, красавчик-капитан, решивший посадить меня сюда.

– Здесь есть кто? – спрашиваю я у пустоты. Мой голос неистово дрожит и кажется мне чужим.

Отвечает лишь море, легонько качнув корабль на волнах, и тихий еле заметный скрип досок.

– Есть кто? – спрашиваю уже громче.

– Анес, ты? – слышится откуда-то из темноты голос. Сперва не узнаю его. Кажется, что это еще одна причуда, порожденная на свет моим разумом.

– Анесс, – слышу его снова, и теперь он кажется мне родным. Пахнувшим чем-то домашним.

– Ник? – бросаюсь в темноту и натыкаюсь на холодные прутья. – Ник, как ты?

– Голова раскалывается. Кажется, меня по ней чем-то огрели, – отвечает он, стараясь подавить нервозность в голосе, но она все равно ощущается.

Я всматриваюсь во тьму, стараясь рассмотреть Ника, но в свете фонаря замечаю только стоящие у стены ящики.

– Надо выбирать, – говорит он.

Надо бы. Только куда? Ну получится выйти из клетки. А что дальше? Вокруг на сотни миль лишь море.

– У пиратов нет чародея, – добавляет мой бывший одноклассник. – И если выйти отсюда и воспользоваться магией – может, получится привлечь сюда монстра покрупнее, например.

– И что тогда? Утонем вместе с разбойниками? – отвечаю я. – Попытаться сбежать лучше когда прибудем к какой-нибудь земле.

– Если не умрем тут от какой-нибудь болячки или не захлебнемся, – отвечает Ник. Слышится удар по чему-то металлическому, от чего по трюму расходится режущий слух звук.

– Чего тут шумите? – рывкает кто-то сверху, а спустя мгновение рядом с фонарем возникает фигура. Здоровенный, широкоплечий мужик, который одним движением мог бы убить что меня, что Ника.

От одного его громкого, хриплого голоса становится еще холоднее. Он берет фонарь и в его свете проявляется лицо. Уродливое, неприятное, чем-то напоминающее бычью морду. Пара небольших глаз, крупный сломанный нос, уродливый шрам на щеке, подобный корабельной корме квадратный

подбородок. Если представить себе воплощение уродства, то оно должно быть именно таким.

Краем глаза замечаю и Ника. Он сидит в такой же, как и я, клетке для перевоза магических животных. Уставший, побледневший, в разодранной рубашке, но, кажется, с ним все в порядке.

– Не трогай её! – кричит он, надвигающемся на меня громиле.

Тот не обращает на это никакого внимания. Громким шагом ступает вперед, прищуривается, разглядывая меня. От одного его взгляда становится не по себе. Сердце учащает бой.

– Альметукийские ханы за тебя хорошо накинута, – кричит громила. – Но чего бы мне не устроить себе эту... как его? Дегустацию!

До меня не сразу доходит, что он имеет в виду. Лишь когда делает еще шаг, достает ключ, начинает вертеть им в замке, внутри меня что-то передергивает. Сердце сжимается, дыхание почти исчезает. Я пачусь назад, цепляюсь за что-то, слышу треск рвущейся одежды, падаю на пол, почти не почувствовав удара. Ползу в угол, пока холодные прутья не врезаются в кожу.

– Может, давай без этого? – говорит он, одновременно расстегивая штаны. – Быстрее начнем, быстрее закончим.

Ник долбит чем-то по решетке, пытался отвлечь нависшую надо мной огромную, вонючую тушу. Но та не обращает на него внимания. Сгибается, забирается ко мне.

– Тут магические фокусы тебе не помогут, – хрипит он.

Мои пальцы до боли впиваются в ладони. В нос проникает вонь чеснока, идущая от громилы. Нога устремляется прямо в уродливую морду. Но он, кажется, не чувствует удара. Лишь кисло усмехается и тянет хищные лапищи ко мне.

Я начинаю задыхаться и плакать. Хочу оказаться где-то, кем-то, но не тут и не собой. Пусть это всего лишь фантазии. Но разум не хочет давать мне желанного. Лишь смешивает все в один ужасный шипящий клубок. Сопение тянущегося ко мне "монстра", крики Ника, стук волн о корпус корабля, скрип досок.

Хочется отдать все, чтобы вернуть время назад и отказаться от злосчастной практики.

Горло сжимается тисками. А может, это делает громила? Не знаю, но дышать труднее. Сердце стучит где-то в области горла. По щекам текут горячие слезы – единственное, что сохраняет тепло в этом промозгом и колючем мире.

– Рихрат! – слышится чей-то голос. Громкий, уверенный.

– Что? – монотонно отвечает громила.

Я приоткрываю глаз и вижу, что он смотрит во тьму, где виднеется другой силуэт. Высокий, статный. Зажигается фонарь, и я вижу покрытое щетиной лицо проклятого капитана. На его плече что-то сидит. Какой-то зверек, отдаленно напоминающий кота.

– Одень штаны и убирайся отсюда, – спокойно говорит он.

– Я лишь хотел попробовать. Мы ведь все равно продадим её, – недовольно отвечает громила. Его голос мгновенно притихает. Он боится. Может, капитан решил оставить меня себе?

– Вали отсюда! – медленно и четко говорит капитан. – Застану еще раз за подобным – отрежу твои яйца и выброшу их в море.

– Но раньше...

– Мне плевать, что тебе разрешал твой прежний командир. На моем корабле этого не будет. Вон, – абсолютно спокойно говорит проклятый капитан.

Рихрат бросает разочарованный взгляд на меня. Чудовище боится. Я вижу это по его глазам, из которых в момент испаряется весь ужас. Теперь это взгляд загнанного зверя, на шее которого вот-вот сомкнутся зубы хищника.

Он быстро застегивает брюки и удалился. Капитан же смотрит на Ника, потом на меня. Я сижу как вкопанная и только наблюдаю за тем, как он ставит фонарь на бочку, подходит к клетке и протягивает мне руку.

– Идем, – говорит он мне, и от его взгляда по коже ползут мурашки.

Не говоря ничего, даже не думая, я протягиваю ему руку.

– Не трогай! Не смей! – кричит Ник из своей клетки, но капитан не обращает на него ни малейшего внимания. Он молча ведет меня к ведущим на палубу ступенькам. Отходит в сторону, позволяя мне пройти первой.

Наверху царит звездная ночь. Звезд настолько много, что видно как днем. На какой-то момент я зажмуриваюсь, привыкая к свету. А потом вижу тихое, гладкое как ледяная корка, море, поскрипывающие под ногами доски, дыру, явно пробитую пушечным ядром.

Палуба почти пустая. Лишь несколько матросов, громко крича и матерясь, играют в карты на носу корабля.

На мгновение кажется, что капитан сейчас бросит меня за борт. Там я и узнаю всю смертельную опасность этой глади. Настоящее чудовище не тот человек, который минуту назад пытался меня изнасиловать. Настоящее чудовище стоит рядом и слегка прищурившись, смотрит на меня. Словно бы изучает.

Я помнила то, что видела в его ауре. Точнее чего я там не видела...

– Ты маг, – констатирует он.

– Да, – киваю я.

– Так уж случилось, что на моем корабле сейчас нет чародея, – продолжает он. – А в бою нам хорошо досталось. Можем не дотянуть до места починки. Нам нужен маг. Поможешь быстро прийти в порт – будешь жить. И получишь свободу.

Я не знаю чем ему ответить. Страх сковывает мое тело. Перед глазами снова и снова возникает его аура. Сущность, в которой нет самого главного – души. По магическим законам это невозможно. Такого просто не может быть в природе. Даже у вампиров были души, пусть и мерзкие. По логике вещей он не может жить.

Но он живет. Смотрит на меня безразличным взглядом, упершись руками в пояс. Зверек на его плече тихо пищит.

– Да, я забыл представиться. Простите меня за мои манеры, – его холодный, лишенный эмоций голос скребет слух. – Я Чевинфорд. Просто Чевинфорд. А это мой корабль.

Он поднимает руку, показывая вокруг, и в этот момент его зверек спрыгивает с плеча капитана и вмиг оказывается на моей руке. Он тихо пищит, легонько кусает меня за кончик указательного пальца.

– Ты нравишься Миш, – усмехается капитан. – Это хорошо. Мало кто нравится моему питомцу. Не обижай его. Когда-то это создание спасло мне жизнь. С тех пор оно всегда со мной. Однажды, когда на корабле не было провизии, несколько матросов попытались съесть Миш. И в итоге остались без голов.

Миш, не знаю, он это или она, смотрит на меня большими, доброжелательными глазами. Таких зверьков я никогда доселе не видела. Даже не читала о них. Создание похоже на пушистый комочек с огромными глазами и длинным хвостом.

Я глажу его по шерстке, и то начинает мурчать, как кошка. А наладившись, перебирается обратно к своему хозяину. Тот улыбается. На мгновение с него спадает маска серьезности и хладнокровия.

– Так ты согласна? – спрашивает он.

– При одном условии. Вы выпустите Ника. Он тоже чародей и может помочь мне.

Глава 4. Жертва

– А еще расскажете мне, кто еще из моего корабля выжил, – настаиваю я, всматриваясь в глаза проклятого капитана. Он смотрит в меня с легкой улыбкой. Будто насмехается.

– Понятия не имею. Подобрали лишь вас двоих. Впрочем, недалеко есть остров, так что вы не единственные. Но пока что я провожу тебя туда, где ты сможешь переодеться.

– Сперва выпустите Ника, – настаиваю я.

– Гунар, – зовет капитан. Один из игравших в карты матросов лениво поднимается, бредет к нам. – Выпусти второго чародея. Но присматривай за ним, чтоб ничего не натворил.

– Хорошо, будет сделано, – отвечает Гунар и направляется в трюм.

– Идем, – зовет капитан и спускается на нижнюю палубу.

С опаской следую за ним. На мгновение дотягиваюсь до Древа, падаю в мир духов. Мир выцветает, исчезает. Чувствую лишь пульсации множества душ. Рыбок, проплывающих под днищем, маленького, только родившегося на свет крабика, парящей в небе птицы, играющих в карты пьяных пиратов, Рихрата, который по-настоящему испугался, от чего душа его уменьшилась вдвое, зверька Миш, по-настоящему любящего своего хозяина...

Только у хозяина души нет. Лишь пустая оболочка.словно красивая подарочная упаковка, внутри которой нет ничего. Значит, мне не показалось.

Выныриваю обратно и с ужасом смотрю на уставившегося в пол капитана.

– Я знаю, что тебя интересует, – он смотрит на меня глазами, от которых невозможно оторваться, будто бы в них есть какая-то магия. – Любой чародей заинтересовался бы. И я бы рассказал, если бы сам знал ответ.

На нижней палубе светло. Фонарей тут куда больше, чем в трюме – штук десять. Откуда-то доносится громкий храп. Кто-то со звоном острит оружие.

– Тебе сюда, – капитан открывает передо мной дверь, за которой стоит около десятка сундуков. – В прошлый раз захватили перевозивший одежду корабль. Подбери себе что-то поудобнее. Ходить в мокром и грязном тряпье

– не лучшая идея.

Он снимает со стены один из фонарей, протягивает его мне. Я осторожно беру, а заодно и смотрю на свой сюртук академии, который и вправду тряпье тряпьем.

– Как оденешься – жду на палубе. Надеюсь, ты сможешь воспользоваться артефактами прошлого чародея?

– Смогу, – киваю я, хоть и не уверена. Каждый чародей делает артефакты под себя, и только он знает их возможности. Другой маг или вовсе не может, пробудить артефакт, или не рассчитывает его силу. Постараюсь разобраться.

Капитан молча разворачивается и уходит, оставляя меня в одиночестве.

Мне страшно. По коже все еще бродит изморозь. Голова раскалывается, будто сквозь неё просовывают металлическую иглу. Кажется, что глаза вот-вот вылезут.

Я закрываю за собой дверь, но ни на секунду не исчезает чувство, что за мной наблюдают. И не кто-нибудь, а проклятый капитан, человек без души. Теперь я уверена, что это не просто легенда, а корабль – та самая "Вендетта", а не подражание.

Может, я бы и подумала иначе. Может, решила бы, что это обычные морские разбойники, которыми кишит любой торговый путь, которые ради запугивания жертв нацепили красные паруса и сменили название корабля. Но тот трюк, что они проделали с боевым судном, капитан без души, пришедшая неведомо откуда тварь...

Я видела её! Видела собственными глазами огромную пасть, которая рвала людей в клочья, голову, которая мгновенно регенерировала.

С трудом открываю стоящий передо мной массивный сундук. Вижу в нем дорогие шелка, обшитые драгоценными камнями камзолы, платья, которым могла бы позавидовать сама королева. Когда-то я бы все отдала за такой наряд. Но сейчас закрыла сундук и перешла к следующему.

Вижу вполне обычные темно-коричневые брюки, белая свободная мужская рубашка, темная жилетка. Все приблизительно моего размера. Я быстро переодеваюсь, стараясь прикрывать интимные места. От чувства, что кто-то постоянно за мной наблюдает, нет покоя.

Штаны оказываются немного широковатыми в поясе, но благо в сундуке находится пояс. А еще тут обнаруживается старая треуголка, под которую подбираю волосы, чтоб не мешали.

Зеркала тут нет, да впрочем и плевать, как я выгляжу. Беру фонарь, медленно выхожу из каюты, вслушиваясь в скрип досок под ногами. Этот

скрип кажется воем живого существа. Будто бы каждая щепка на "Вендетте" наполнена жизнью.

Медленно направляюсь к ступенькам, поднимаюсь на палубу и вижу там Ника. Он стоит облокотившись о борт судна и смотрит на меня. Рядом с ним высокий, худощавый матрос с воткнутым за пояс пистолетом.

Как только он видит меня, сразу же бросается вперед.

– С тобой все в порядке? Они ничего с тобой не сделали?

– Все хорошо, – отвечаю я, смотря ему в глаза.

– Точно?

– Точно.

– Я что-то придумаю, – шепчет он и в тот же миг долговязый жилистый пират со шрамом через все лицо кладет ему на плечо свою руку.

– Пошли.

– Куда вы его ведете? – спрашиваю я у пирата, но тот не отвечает.

Ник еще какое-то время смотрит на меня, будто взглядом обещает, что спасет нас отсюда. Его самоотверженности можно позавидовать. Всю жизнь он хотел выглядеть рыцарем, героем, опорой и надеждой. Ник никогда не сдавался. Но в то же время у него мало что выходило. То неправильно смешает алхимические зелья и устроит пожар в академии, то превратит одноклассника в осла, то изменит цвет своей кожи на зеленый.

Даже жаль его. Им всегда пользовались все кому не лень. Кто-то из девушек ему подыгрывал, чтоб он помог с добычей редких ингредиентов. Кто-то даже смеялся над ним, писал любовные записки будто бы от первой красавицы академии.

Но почему-то его глаз упал на меня и он всегда вертелся рядом. Постоянно предлагал помощь, постоянно старался выручить. Я сразу дала ему понять, что мы с ним – не пара. что мне не нравятся ни его торчащие волосы, ни рыжие волосы, ни россыпь веснушек, ни рыцарские замашки. Но ему всегда было плевать. Он не отступал.

Это моя вина что оказался тут...

– Иди сюда, – зовет капитан. – Я выполнил свою часть уговора. Он сможет уйти вместе с тобой. Теперь ты выполни свою.

Капитан демонстрирует мне небольшой деревянный чемоданчик, открывает его, показывает мне содержимое. Внутри в ряд лежат десятки артефактов. Все в виде полупрозрачных камешков с разными оттенками. Кажется, киренакские. Подобные артефакты делают там.

– Разберешься с этим?

– Попытаюсь, – беру чемоданчик, прохожу на рабочее место мага, ставлю его на столик.

Постараться – постараюсь. Только в этих артефактах сам морской дьявол ногу сломит. Учитывая, что тот чародей явно был с востока, а у них культура магии немного отличается, это может оказаться еще сложнее.

Я всматриваюсь в артефакты, пытаюсь понять что заключено в них. Вот этот, кажется, может вызвать ветер. Только какой силы? Какого направления? Пытаться понять это – то же, что пытаться читать текст на языке, который видишь впервые.

– А если я сделаю что-то не то? – спрашиваю капитана.

– Я не чародей, но магические принципы знаю и понимаю, что разобраться в чужих артефактах непросто. Но выбора у нас нет. Или ты приведешь нас в порт, или мы все вместе с кораблем уйдем на дно.

Я киваю и ступаю в мир духов. Камешек в моей руке сразу же увеличивается в десятки раз. Он блестит, белеет, излучает настолько яркое сияние, что смотри я на него глазами – ослепла бы в тот же миг. Но я смотрю не глазами. Я смотрю душой. И понимаю, что в камне, скорее всего, заключен Игнатариус. Дух, который может создавать воздушные потоки. То, что надо.

Подчинить его не так-то просто. Но выхода нет.

Легким магическим касанием выпускаю дух из артефакта. Он силен, мгновенно бросается на меня, пытаюсь выбросить в мой мир. Он понимает, что меня тут быть не должно. Изнанка не создана для живых.

Мир меняется. Небеса выцветают, корабль растворяется. Вижу только Древо Духов. Огромное настолько, что закрывает весь взор. Его кора трещит. Древо словно стонет. А потом в его стволе открывается огромный, желтый глаз.

Заключенная в артефакте сущность здесь. Она смотрит на меня. Ветви Древа шевелятся, тянутся вперед.

Начинаю чувствовать то жар, то холод. Мне некомфортно. Дух обволакивает меня со всех сторон. Начинает душить, жалить, кусать мою душу. Я защищаюсь как могу, в то же время стараюсь воздействовать на Игнатариуса.

– Мы не враги, – шепчу ему на древним, магическом языке, созданном для общения с сущностями из мира духов. – Я не причиню тебе вреда.

Он не слушается. Старается расправиться со мной. Нажимает все сильнее. Чувствую, что корабль начинает усилено качаться. Кто-то что-то кричит. Слышится громкий стук.

– Ты не тот, кто заключил со мной договор, – шепчет дух.

Его Голос настолько силен, что я падаю в реальности, больно ударяюсь о доски, почти улетаю в мир живых, но все же удерживаюсь.

– Я не тот. Тот, кто договаривался с тобой, воссоединился с твоим миром. Он не сможет исполнить свою часть договора. Смогу лишь я. Расскажи мне о вашей сделке, и я смогу помочь.

Игнатариус атакует меня все сильнее. Ветки дерева опоясывают меня, до боли сжимают руки и ноги. Еле сдерживаюсь, чтоб не закричать. Желтый глаз становится все больше. Он уже занимает все пространство передо мной. Его зрачок сужается. Что не так с этим духом?

Голова кружится. Меня начинает тошнить. В мою душу впиваются тысячи духовных осколков. Вся моя защита трещит по швам. Не знаю, сколько еще я выдержу.

– Что тебе нужно, дух? – спрашиваю из последних сил, в готовности совершить ритуал изгнания.

– Нужна жертва. Нужен тот, кто дополнит меня. Нужна душа человека.

Вот почему этот дух настолько силен! Тот маг давал ему питаться душами людей! Превратил Игнатариуса в демона, зависимого от поглощенных человеческих душ. Наркомана, страдающего без очередной дозы.

– Я не могу тебе это позволить! – отвечаю ему и чувствую, как корабль начинает ходить из стороны в сторону. Как же жаль, что на языке духов невозможно соврать.

– Тогда ты умрешь...

Слышу скрип досок, как что-то ломается, на мгновение вижу реальность. Волны за бортом почти достигают неба. По палубе проносится волна. Мачта грозит переломиться пополам.

– Соглашайся, – кричит капитан.

А я не могу. Отдать ему кого-то – значит не только то, что человек умрет. Это значит, что после смерти его душа станет частью Игнатариуса. То есть никогда не будет свободной.

– Нет, уходи.

Начинаю бормотать формулу изгнания.

– Тогда я возьму сам.

Вижу, как душа одного из пиратов тает на глазах, будто снежинка посреди лета. Она кричит, стонет, пытается удержаться в мире. Стараюсь помешать, все громче шепчу формулу изгнания. Но я слишком слаба, измученная, не в том настроении, а перекормленный душами Игнатариус слишком силен.

Он просто берет свое, а где-то на палубе умирает человек.

– Теперь я готов служить, – говорит дух.

– Нет, – говорю я. – Ты свободен. Ярываю сделку.

Дух тает, сливается с Древом, я же оказываюсь на мокрой палубе корабля. Надо мной стоит капитан.

– У тебя не вышло, – говорит он. За его спиной лицом вниз лежит долговязый пират, чью душу поглотил Игнатариус.

– Я не пойду на это. Не так. Можешь бросить меня за борт, но на гоэтию я не согласна, – отвечаю я, поднимаюсь, хватаю чемодан с артефактами прошлого мага и бросаю его в море. – Или буду работать по-своему, или я вам не помощник.

***

Чевинфорд смотрит куда-то сквозь меня. Его взгляд пылает злобой. Вот-вот прозвучит приказ "за борт её". Он берет со своего плеча Миш, поглаживает зверька. Как же не сочетается это милое создание с холодным взглядом его хозяина. Взглядом, от которого меня бросает в дрожь, от которого ноги начинают подкашиваться, а зубы скрежетать.

– Можно, мы ею, ну... Воспользуемся, перед тем как отдать морю? – спрашивает подошедший к капитану сзади грязный пират с косматой, торчащей в разные стороны бородой. От его оценивающего взгляда и кривой ухмылки хочется самой броситься в объятья волн.

– Еще раз подобное скажешь – сам там окажешься, – не поворачиваясь к своему подчиненному, говорит капитан и кладет одну руку на рукоять выглядывающего из-за пояса пистолета.

Пират сразу все понимает. Его взгляд упирается в пол, он разворачивается и молча уходит. Чевинфорд же продолжает смотреть на меня, одновременно поглаживая Миш.

– Ты сможешь вызвать ветер иначе? – спрашивает он.

Молча киваю, хоть не уверена. Мои артефакты на дне вместе с "Южной звездой", а поймать духа в открытом море – не просто.

Древо здесь почти пустое. Лишь мелкие осколки снуют туда-сюда. Лишь изредка попадают души людей из погибших тут кораблей.

– Пусть Ник мне поможет, – настаиваю я. Вдвоем что-то придумаем.

– Приведите его.

Спустя минуту мой бывший сокурсник выходит на корму и присоединяется ко мне.

Работать в паре хоть и быстрее, но я не очень к этому привычна, да и он тоже. Мы не понимаем друг друга с полуслова, но все же пытаемся нащупать духа, способного вызвать ветер.

В итоге он находит одного из Инкантов, способных на подобное. Он не

слишком силен, но на безрыбье и рак рыба. Призываю его. Вхожу в контакт.

Чувствую, что дух хочет увидеть реальный мир моими глазами. Конечно, мне после такого долго будет не по себе, но нужно соглашаться. Другого выхода нет.

– Я даю тебе свое тело, дух, – встречается Ник.

Я едва понимаю его. У нас разные тембры магической речи.

– Возьми мое тело и сделай что она просит, – просит он. – Половину суток в моем теле.

– Согласен, – отвечает дух.

Я выпадаю в реальность. Вижу Ника, который мгновенно бледнеет, его взгляд становится чужим. Безымянный бог! слишком многим он жертвует. Половину суток – за это время дух может повредить душу настолько, что Ник на всю жизнь останется психически больным или впадет в кому...

Надо было хоть давать меньше.

Ник поднимается, обшаривает каюту, словно слепой котенок, не знающий куда идти. Дух дут впервые. Он старается получше узнать мир людей, изучить его, понять. Для него это новые ощущения. А может, забытые старые, если этот Инкант когда-либо был человеком.

Я вскакиваю, поднимаюсь на палубу и чувствую ветер, бьющий в лицо, вижу поднимающиеся над поверхностью моря белогривые волны, твердеющие под порывами стихии паруса.. Теперь важно направлять ветер. Становлюсь на место мага.

– Присмотрите за Ником. Он отдал свое тело духу на половину суток, – говорю капитану.

Тот кивает, дает указание кому-то из команды.

Над морем потихоньку загорается рассвет. Вижу как светится горизонт, красит небо в синие и красные оттенки. Как из волн выпрыгивают летающие рыбы, несутся над волнами какое-то время и ныряют в пучину. Матросы бегают по палубе, выполняя приказы капитана. похожие на крылья летучей мыши паруса трепещут на ветру.

– Курс на остров Дайтона. Марки, смотри внимательно. Встреча с кем-либо нам сейчас ни к чему, – кричит капитан, а потом переводит взгляд на меня. – В другой ситуации я бы выбросил тебя за борт, – говорит он. – Но все же ты помогла нам. Спасибо.

– Твой прошлый маг превращал духов в демонов, – отвечаю я. – Это ужасно! Чьими душами он их кормил? Чьими?!

Чувствую, что кричу на него, хоть понимаю, что одного слова капитана достаточно, чтобы я оказалась в холодной воде обреченная на гибель. Но

не могу просто так смотреть на то, как он позволял своему чародею делать самое ужасное из всего, на что способен маг. Как он буквально калечил дерево душ, создавая монстров.

– Всегда есть и будут жертвы, – отвечает Чевинфорд. Абсолютно хладнокровно. Для него убить человека ничего не стоит.

– И зачем? Ведь с духом всегда можно договориться без подобных жертв.

– Демоны сильнее, – отвечает он.

Он не маг. Сколько бы он не прочитал книг о контактах с духами, не соединившись с древом, он никогда не поймет, как то, что делал его маг, влияет на то, что происходит там. Но дело было даже не в этом. Он жертвовал людьми. Отдавал их на корм демонам. Уничтожал не только их плоть, а и души.

У капитана действительно нет души. Это видно по его поступкам.

Перед моими глазами проходит Ник. Его взгляд все так же затуманен. Он вертится на месте, потом подходит к борту, перегибается через него, и почти падает, но его вовремя удерживает следующий за ним по пятам матрос. Затем мой бывший сокурский встает на руки, кувыркается...

Духу в нем охота испробовать все и даже больше.

Жалко его. Мало ли что он может натворить под влиянием Инканта.

На палубе появляется тот самый человек с видом аристократа, которого я видела во время нападения. Он подходит к капитану, они еле слышно о чем-то говорят. Джентльмен улыбается.

Безымянный бог! Готова поклясться, я где-то видела лицо этого человека. Только где? Может, в газете, а может, на столбе в объявлении "разыскивается". Лицо у него выразительное, контрастирующее со всеми, кто находится на этом судне. Слишком уж оно не пиратское. Аккуратная стрижка, аккуратные усики, аккуратный костюм.

Что он здесь делает?

– Капитан говорит, ты спасла нас? – спрашивает он, усмехаясь.

– Значит, так и есть, – отвечаю я.

– Айсен фон Манлингер, – представляется он.

Фон Манлингер...

Фамилия знакома. Не тот ли это Фон Манлингер...

Нет, не может быть. Скорее уж родственник. Может, брат. Тот Манлингер, которого я знаю, никогда не стал бы пиратом. Тот, которого я знала – ученый, инженер, изобретатель. Он пользуется уважением короля и Архиепископа.

Или пользовался? Не так давно этот корабль смог совершить вираж,

который считался невозможным. А перед тем подплыл к нам настолько незаметно, что никто не видел его, пока пираты не пошли на abordage. Но что должно случиться, чтобы такой человек, как фон Манлингер стал пиратом? Может, он не по своей воле здесь? Вдруг он такой же пленник, как и я? Хоть по тому, как он общается с капитаном, и не скажешь.

– Долго будем чиниться? – спрашивает его капитан.

– Может, день. Может, чуть больше, – отвечает фон Манлингер.

– Долго задерживаться там не можем. Кто-то нас узнает. А до других портов не дотянем.

– Я посмотрю что можно сделать с системой малозаметности, – говорит фон Манлингер, окидывает взглядом палубу. – Дай пару матросов в помощь.

– Вы двое, помогите Айсену, – командует капитан болтавшим опершись на борт матросам. – А ты, Лючи, встань за штурвал.

Лючи быстро подбегает к Чевинфорду, кивает. Своим ростом он едва достает мне до талии. По его лицу сразу видно – он побывал не в одной передраге. Все оно исписано шрамами, на руке виднеется татуировка с надписью на неизвестном мне языке, а на руке не хватает пары пальцев.

Капитан передает штурвал карлику, сам же смотрит на меня все тем же мертвым взглядом, контрастирующим с живым, озорным взглядом его питомца.

– Идем.

Чевинфорд смотрит мне в глаза, давая понять, что отказаться я не могу. По моей коже проносится холодок. Что он задумал?

Глава 5. Оковы сломаны

Трясаясь от страха, следую за ним в капитанскую каюту под кормой. Скрипят зубы, дрожат пальцы, но я стараюсь держаться уверенно.

Капитан открывает передо мной дверь и жестом приглашает внутрь. Здесь нет никакой пышности, ярких цветов, дорогих предметов. Старый стол, кресло с потрескавшейся обшивкой, шкаф с десятком пожелтевших книг. На стене висит изогнутая блестящая сабля. Но мое внимание привлекает находящийся напротив неё портрет. Из всего, что тут есть, он самый ухоженный и чистый.

Смотрящая с него девушка счастлива. Она улыбается, смотрит на художника игривым взглядом. Судя по длинному бордовому платью, она аристократка. За ней виднеются белеющие цветом яблони, птицы в чистых, голубых небесах, изумрудная трава.

Девушка с портрета очень похожа на меня. Такие же русые, слегка кудрявые волосы, такие же зелёные глаза, аккуратный нос, маленький подбородок. Кто-то впервые увидев меня действительно мог бы подумать, что на портрете я. Меня даже посещает мысль, что этот портрет нарисовал прорицатель, изобразив меня в недалеком будущем.

Но приглядевшись, понимаю, что это другой человек.

– Вы похожи, – констатирует капитан.

– Кто она? – спрашиваю у него.

– Элени. Моя жена, – отвечает он.

– Она здесь? – удивляюсь я.

– В какой-то мере. Она – часть Древа, – с грустью в голосе говорит он.

– Она умерла?

Капитан не отвечает. Лишь смотрит в пустоту грустным взглядом, но тут же снова надевает маску безразличности. Миш спрыгивает с его плеча, прыгает на полку небольшого, старого шкафа, где стоит перевернутый черный цилиндр. Зверек забирается в шляпу, издает похожий на писк звук.

Чевинфорд резко поворачивается, замирает, смотрит на меня. На какой-то миг кажется, что он замер навечно. На его лице не шевелится ни один мускул. А потом он так же внезапно делает еще шаг ко мне.

– Когда я впервые тебя увидел, подумал, что ты – это она, – еле слышно шепчет он. – Что Элени каким-то образом выжила. Что, может, ей стерли память или наложили какое-то заклятие.

– Я не она. Извини, – отвечаю я и чувствую, как мой голос дрожит от страха. Я не хочу видеть в стоящем передо мной человеке бандита, разбойника, убийцу. Вижу, что он не всегда был таким. Что то, к чему он пришел, результат обстоятельств. Становится его жаль.

– Но ты похожа на неё. Не только внешне, – отвечает Чевинфорд. – Она тоже была магом. Она считала, что нельзя чего-то требовать от духов, навязывая им свою волю. Что их нельзя приручить насилием. Что нужно договариваться. Она выступала на магических конвенциях с требованиями внести поправки в магические кодексы и утвердить права духов и правила отношения с ними. Иногда мне казалось, что она сама послана самим Древом. А потом её у меня забрали.

– Кто? – спрашиваю я.

– Архиепископ, – коротко отвечает Чевинфорд и в его глазах проносится тень злобы.

– Я не верю, – шепчу я сама себе.

Он не мог такого сделать! Точно не архиепископ. Может, кто-то воспользовался его обликом, или капитан ошибся. Но это точно не он!

Архиепископ олицетворяет добро, которое несет церковь Безымянного Бога. Он сам отрекся от своего имени и прошлого ради того, чтобы служить природе, древу духов, магии. Чтобы помогать обездоленным, находить решения человеческих проблем, быть представителем мира и не допускать войны.

– Элени тоже не верила, что он – не то, чем кажется. Да и мне было трудно это осознать. Но это правда. Архиепископ – не тот, кем кажется. Он – даже не человек. Я убью его. Не знаю когда и как, но эта тварь сдохнет!

В его взгляде полыхает ненависть.

– Зачем вы мне это говорите? – спрашиваю я, и слышу, что мой голос дрожит еще больше. Мертвый, словно чем-то одержимый взгляд проклятого капитана проникает прямо в мое сердце, заставляя его биться сильнее. На мгновение становится холодно, и сразу же приходит невыносимая жара.

– Чтобы предупредить, – отвечает он. – Я сдержу обещание. Когда прибудем в порт, отпущу и тебя, и Ника. Но если вернешься к Архиепископу – не думай, что он тебя пожалеет. Даже если ты не согласишься со мной – он убьет тебя только потому, что ты выжила, говорила со мной, и можешь знать правду о нем.

– Я не верю...

Чевинфорд указывает на небольшой ящик, стоящий в углу каюты. На нем виднеется архиепископская печать.

– Это с твоего корабля, верно? – спрашивает он.

– Кажется. Я не уверена, – шепчу, чувствуя, как по спине струится холодный пот, как мои ногти впиваются в ладонь, как дрожит мой голос.

– Мы выловили этот ящик в море. Он точно с "Южной звезды". Похоже, капитан сам не знал, что везет.

– Медикаменты, – отвечаю я, на что Чевинфорд берет со стола нож.

Как одержимая смотрю на лезвие, в котором виднеется мое побледневшее отражение. Инстинктивно делаю шаг назад. Проклятый капитан же засовывает нож под крышку ящика, печать ломается, крышка отходит.

– Посмотри. Это ваш груз. Подойди и полюбуйся.

Он откладывает нож и делает шаг в сторону, будто приглашает меня к ящику. Я шагаю вперед и наблюдаю самый обычный песок. Трогаю его руками, сжимаю в ладони, пытаюсь почувствовать иллюзию или какой-то другой трюк. Но трюка нет – коробка и в самом деле до краев забита песком.

– Зачем?

– Затем, что вы были приманкой, – отвечает капитан. – Архиепископ прекрасно знал, что нам нужны лекарства. Пустил слух, подписал все декларации и отправил вас погибать. Он знает, что на берегу есть мои люди. И что информация попадет куда надо. А следом пустил боевой корабль. Он меня недооценивает. Иначе отправил бы минимум три.

Я все еще не верю, что архиепископ на такое способен. Как и его ближайшие подданные. Все еще чувствую подвох. Но печать действительно принадлежит Церкви. От неё веет магией. Обычный человек не почувствует, а вот чародей сразу заметит, что это не подделка.

– У тебя три варианта, – продолжает Чевинфорд. – Первый – пойти к нему и умереть. Второй – стать невидимкой. В порту, куда мы идем, королевской власти почти нет. Формально он колония Серентийского Ханства. Но на деле там царит анархия. Туда заходят пираты, наемники, контрабандисты. Как только сойдешь на берег, иди в таверну, скажи, что ты колдунья, ищешь работу. Маги там редкость, они за тебя драться будут. Но никогда и никому не говори кто ты и откуда. Назовись выдуманным именем. Обрежь волосы. Сделай татуировку на лице. Для всех ты погибла в море. У Архиепископа везде есть уши, и если будешь много болтать – рано или поздно умрешь. Если повезет и попадешь к хорошему капитану – будешь жить. То же самое советую сделать и твоему другу.

– А третий? – шепчу я.

– Остаться в моей команде.

Проклятый капитан, человек без души, делает шаг ко мне. Протягивает руку и кладет ладонь на мою щеку. Она теплая, гладкая. Но я боюсь, что эта рука может в единое мгновение оказаться на моей шее.

Колючий комок подкатывает к горлу. Чувствую себя так, будто проваливаюсь в бездну. В бездну его темных глаз.

– Я могу поклясться, что это правда, – говорит он. – Поклясться на Древе. Только это бессмысленно. Ведь оно не сможет забрать мою душу, если я вру. Тебе остается лишь верить мне или нет.

Он берет меня за подбородок, поворачивает мою голову в сторону, осматривает. А я не спускаю с него взгляд. Не знаю, врет ли он. Зачем ему врать? Неужели ему так хочется получить в свою команду неопытную, совсем зеленую чародейку?

– Ты так похожа на неё, – тихо шепчет он.

От каждого слова у меня внутри что-то вздрагивает.

– Но я не она...

Он обнимает меня. Совсем не грубо. Скорее нежно. Вижу, как меняется его лицо. Оно больше не напоминает каменное изваяние. Глаза поблескивают в свете фонаря. Уста растягиваются в улыбке. Словно в нем что-то просыпается. Нечто, давно дремавшее. Забытое.

Не знаю почему, но не сопротивляюсь. Стою как вкопанная. Чевинфорд мягко касается моей руки, смотрит в глаза, начинает снимать с меня сюртук.

Безымянный Бог, что на меня нашло? Почему я не двигаюсь? Почему ничего не могу сделать? Почему мне и не хочется ничего делать? Только провожаю взглядом свою одежду, которая беззвучно падает на пол капитанской каюты.

– Если не хочешь – я не буду, – твердо и ровно говорит человек без души. – Я останавлиюсь, если попросишь.

Но я не прошу. Не могу испустить ни звука, будто у меня отобрали голос. Даже не дышу. Лишь смотрю в черные глаза и тону в них.

Возможно, сейчас он представляет на моем месте другую – ту, что смотрит с портрета за моей спиной. Но мне плевать. Сильные пальцы Чевинфорда вмиг расстегивают мою рубашку, обнажая тело.

Мои руки сами тянутся к нему. Расстегивают его пояс, отправляют его в компанию к моему сюртуку.

– Не бойся, – говорит он, поглаживая меня пальцами по груди.

С каждым его касанием страх испаряется. Бежит прочь, опустив голову. Я расслабляюсь. Голова слегка покруживается. Чувствую себя не тут и не сейчас. Не хочу думать о будущем. Не хочу выбирать что делать

дальше. Не сейчас.

По моей коже гуляет легкий холодок, то ли от нервов, то ли потому, что каюту продувает ветер. Проклятый капитан берет меня за талию, резко прижимает к себе. На мгновение мне становится страшно. Сильные мужские руки сжимают как тиски. Но мне нравится это чувство. Как после прогулки по морозной улице лечь в теплую ванну.

Он с легкостью поднимает меня над полом. На его лице не дрожит ни один мускул.

Укладывает на кровать, единым движением разрывает мои брюки. Я прикасаюсь к его гладкой, полностью лишенной волос груди. Она кажется мне неестественно горячей. Ощущаю бой его сердца. Может, у него и нет души, но сердце точно на месте.

А потом в одно мгновение ощущаю себя так, будто была одержимой демоном, и наконец мне удалось избавиться от него. словно исчезли сковывавшие меня всю жизнь оковы.

Я впиваюсь ногтями в его плечи. Притягиваю Чевинфорда к себе. Он касается мокрыми губами к моей груди, от чего ощущаю приятное напряжение по всему телу. Голова слегка кружится, как от вина. Каждый поцелуй в мою грудь, а затем живот будто бы что-то открывает во мне. Его губы блуждают где-то в районе моей талии. Его пальцы сжимают мои бедра. Каждое их касание вызывает импульс.

На какое-то мгновение ощущаю себя парализованной. Могу лишь сжимать его плечи и стонать от внезапно нахлынувшей волны удовольствия. Мое тело само становится подобно морю. Оно бушует, желая выплеснуться. Раз за разом по нему проходят волны. Начинается шторм.

Чевинфорд резко припадает к моим губам. Наши языки соприкасаются. У него странный вкус, приятный вкус. Он кружит голову и будто бы снимает с меня последние оковы.

Охватываю проклятого капитана руками и ногами. Стараюсь насладиться каждым мгновением, каждым прикосновением. Мы сливаемся в одно целое.

Встречаюсь с ним взглядом. Тону в его глазах. В какой-то миг понимаю его чувства. Облегчение. Корабль, команда, все остальное где-то там, вдалеке, может, даже в другом мире. Тут только он и я.

Его пальцы отпускают мое запястье, плавно, как кисть художника, перемещаются к груди, сжимают её. Я вскрикиваю, ощущая сиюминутную боль.

Отрываюсь от кровати, распрямляюсь, будто выстрелившая пружина. На мгновение кажется, что мое тело парит в воздухе. Хватаю проклятого

капитана за предплечья, поворачиваю. Он не сопротивляется. Ложится на кровать, уступая мне место сверху.

Пространство вокруг исчезает. Стены каюты становятся прозрачными, а за ними виднеется спиральная радуга.

Я увлекла его в мир духов. Но как? Ведь чародей может взять туда с собой лишь близкого ему человека...

Не важно.

Сейчас мне точно не до магической теории.

Ветер бьет по моему обнаженному телу со всех сторон одновременно. Мы парим в месте, где небо не только над головой, но и под ногами, и только спиральная радуга указывает путь.

Чевинфорд легонько покусывает меня за мочку уха, касается языком щеки, спускается вниз, к подбородку, а потом к шее. Он будто бы слизывает с меня остатки страха.

Целую его в горячий лоб. Затем единым движением срываю кроваво-алую повязку, чувствую терпкий, непередаваемо сладкий запах его волос. Ощущаю, как капитан раз за разом проникает в меня. Как сжимает мои руки. Как боль становится приятной.

Сквозь нас плывут белые, пушистые облака. То вижу лицо Чевинфорда, то оно растворяется в дымке. Лишь чувствую тепло его тела, нескончаемый жар, силу, мощь в каждом движении.

А потом взрываюсь, подобно вулкану. Картинка перед глазами тает, покрывается искрами. Все вспыхивает, начинает гореть. Вокруг тянущиеся к небесам столбы огня.

Проклятый капитан отпускает меня. Держит лишь за руку. Мы плывем сквозь бесконечные небеса.

Секунда, и начинаю падать. Проваливаться в бездну. Спустя миг вынырываю из темных глаз Чевинфорда. Он смотрит на меня, но теперь уже не улыбается. Его лицо снова обращается в камень. Лишь глаза выражают грусть.

– Это было ошибкой, – шепчет он. – Когда прибудем – я помогу тебе устроиться на другой корабль. Который точно не поплывет во владения Архиепископа.

Я еле его слышу. В ушах все еще что-то стучит. Расслабляюсь на кровати, а потом резко вскакиваю.

– Безымянный Бог, прости, – шепчу себе под нос.

Почему я не контролирую себя? Почему и тогда, когда я тянула жизнь из всего подряд, и сейчас, рядом с бездушным существом, мне не хватает воли противиться? Может, мне не место среди чародеев, слугителей

Церкви? Как я могла хоть на миг усомниться в праведности Архиепископа?

Тот, кто сейчас рядом со мной – разбойник и убийца! Он, несомненно, воспользовался чем-то, чтобы воздействовать на меня. Алхимией или магией. Как мне вообще удалось переместить его в Мир Духов, если он не чародей?

Нужно убегать отсюда...

Я смотрю в окно капитанской каюты. День идет к вечеру. Небеса красятся в багряные и фиолетовые оттенки, Солнце перед сном осматривает свои владения, из-за горизонта посматривает серп луны и будто осуждает меня.

– Ты ведь маг, правда? Это ты был той тварью, которая чуть не растерзала меня во время боя? – спрашиваю я.

Мне больше не хочется смотреть в лицо проклятого капитана. Каким бы он не был красавцем – от его взгляда холодит душа, а сердце вырывается из груди.

– Я не маг и уж тем более не анимант, – слышу голос из-за спины. – Тварью был не я. Тебе пора заниматься делами.

Чувствую легкое касание его пальцев на своей спине и резко подрываюсь с места. Собираю одежду, стараясь прикрыться. Чевинфорд смотрит на меня и улыбается, будто любит.

Надеваю рубаху, порванные брюки.

– Загляни в шкаф. Там должны быть целые штаны, – спокойно говорит проклятый капитан.

В этот момент хвостатый пушистик Миш прыгает на кровать, а Чевинфорд начинает гладить его. Проклятый капитан на ощупь находит на полу свои брюки, достает из кармана конфету, избавляет её от обертки и дает своему питомцу. Тот начинает грызть лакомство.

– Что там была за тварь? – спрашиваю я, смотря на питомца капитана. Вдруг у этого зверька есть другая форма...

Чевинфорд в ответ смеется.

– Нет, Миш не умеет превращаться. Это создание когда-то спасло мне жизнь, – говорит капитан. – А я даже не знаю, к какому виду оно принадлежит. Не подскажешь?

– Понятия не имею, – сквозь зубы процеживаю я. И вправду не знаю что это за зверек. В книге по животным Семи Морей множество разных видов, но таких существ я не помню.

Мои брюки носке больше не подлежат, потому все-таки заглядываю в шкаф. Нахожу там парусиновые штаны со шнурком для регулировки размера, одеваюсь.

– Ты ведь не веришь мне? Насчет Архиепископа? – спрашивает он. – Вижу, что не веришь.

А чему бы мне верить? Сколько я живу, знаю, что ГЛАВА Церкви – воплощение благодетели. Это скажет каждый ребенок. Знаю, что будь в его душе хоть капля зла – он не прошел бы магического испытания, не предстал бы перед Безымянным Богом, и не взошел бы на свою должность.

Но тут какой-то разбойник пытается убедить меня, что это не так. Что все вокруг лгут или ошибаются, а Безымянный бог выбрал своим наместником не того. Этого быть не может. Чевинфорд же просто манипулирует мной, не исключено, что при помощи магии.

– Как у тебя с мнемоникой? – спрашивает он.

– Зачем это?

– Так как? Ты сможешь прочитать воспоминание? – он поднимается с кровати, надевает брюки. Какое-то мгновение я люблюсь его телосложением, изгибами тела, в меру мускулистыми руками, а затем резко отворачиваюсь.

Что же я делаю?

– Только если мы с тем, у кого нужно прочитать, вместе окажемся в Тонком Мире. Я не нейромант, не смогу сделать это в нашем мире.

– У нас ведь раз получилось. Ты сможешь прочесть мое воспоминание?

– Если ты сам захочешь мне его показать, – отвечаю я, и тут же застреваю в ступоре.

Он хочет, чтобы я залезла в его память? Но ведь это некультурно. Противоречит нормам магической этики. Считывание воспоминаний не возбраняется разве что в суде, чтоб доказать свою невиновность.

– Я покажу тебе свою память, – говорит Чевинфорд. – Момент, когда я сам работал на Архиепископа и так же, как и ты, был уверен в его святости и непогрешимости. Я был его телохранителем. Считал, что это великая честь. А потом случилось то, что ты увидишь.

Лезть в его память мне не хочется. Процедура сама по себе неприятная, как для мага, так и для того, чью память читают. Но зато у неё есть один огромный плюс – при чтении памяти невозможно соврать. Я смогу увидеть то, что находится в голове бездушного.

– Хорошо, – говорю я.

– Тогда приступай, – кивает он, садится на стул, указывает мне место напротив.

Я сажусь, смотрю в его глаза, кладу пальцы на его волосы.

– Я никогда и никому это не показывал, – говорит он, а я уже вижу

спиральную радугу. Теперь небеса Тонкого Мира рассекают молнии. Гремит гром. Он сам словно бы против такой процедуры.

Мне становится то холодно, то жарко. Кажется, что я вот-вот вывалюсь в реальность. Начинает тошнить. Хорошо, что ничего не ела. Глаза лезут на лоб. сердце колотится как бешенное.

Вижу человеческие фигуры. Множество человеческих фигур. Они полностью черны и касаются головами небес. Духам не нравится наш ритуал. Они шепчут мне, велят убратся. В один момент мне кажется, что моя кожа мала для меня, в другой что я разваливаюсь на части.

Начинаю чувствовать воспоминания Чевинфорда. Вижу там любовь, боль, сомнения, отчаянье, страх. Тысячи чужих чувств накрывают меня с головой. Они колючи, будто ежи. Но все же я заглядываю в них. Преодолеваю последний рубеж. Оказываюсь в памяти проклятого капитана.

Глава 6. Воспоминания бездушного

Дождь лил как из ведра. Будто бы само море не хотело, чтобы мы продолжали плавание. Грузные тяжелые капли барабанили по доскам корабля не давая уснуть. Я битый час пялился в какую-то книжечку из тех, что любила Элени.

В книжке была говорящая свинья по имени Малефарус – все, что мне удалось запомнить. Устал как собака. В итоге мне надоело листать, к тому же сильно захотелось пить. Я поднялся, взял графин. Тот оказался пуст. Зараза! Придется сходить за водой.

Посмотрел на Элени. Она видела десятый сон. Как ни странно, ей не мешал дождь.

Все-таки её не готовили в телохранители Архиепископа. Не учили быть настороже даже во сне, слышать шуршание мыши в норе и мгновенно отбрасывать сон в случае чего.

Спящей она была прекрасна. Я мог часами любоваться на то, как она спит. Чтоб его, думал, так влюбляются только подростки.

Я склонился, поцеловал её в щеку. Та повернула голову, усмехнулась сквозь сон, повернулась на другой бок и продолжила спать. Я же медленно вышел из каюты, стараясь ступать помягче и не скрипеть прошел возле двери в покои Архиепископа, инстинктивно прислушавшись к окружению.

Кажется, его Святейшеству тоже не спалось. Из каюты доносились голоса. С кем там он беседует посреди ночи?

Я взглянул на дверь напротив, увидел, что та слегка приоткрыта, а свет внутри не горит. Та каюта принадлежала первому министру. Он, как и Архиепископ, решил плыть в Монтенерию, чтобы не дать там вспыхнуть гражданской войне.

Их политические беседы – не моего ума дело. Я прошел мимо, зашел в небольшое темное помещение, где стояла бочка с водой, отпил немного, принялся наполнять графин.

Голоса из каюты Архиепископа отсюда слышались куда лучше. Кто-то то ли из матросов, то ли из грузчиков, случайно пробил в доске небольшую дыру, которую из-за спешки не успели заделать, лишь завесили полотнищем.

– Я не стану этого делать! – сердитым, злобным тоном рявкнул министр. – Если вы шутите, прошу прекратить.

– Подумайте сами, Генрих, если король Монтенерии умрет, то на его место станет вице-король Абельмут. Вы видели его? Гора мышц и ни капли мозгов. Он хороший солдат, но правитель из него неважный. Он за год доведет свою страну до голода. Тем более в неурожайный год. А потом явемся мы. Поможем. Тамошние жители будут полностью на нашей стороне. Они сами скинут Абельмута и сами захотят стать нашим вассальным государством.

Я узнал голос Архиепископа. Но не верил, что это он. Не может святой человек планировать убийство, к тому же не кого-нибудь, а короля дружественного государства.

– На приеме вы будете сидеть рядом с королем, – говорил он. – И сможете подсыпать это в его бокал.

Маг! Кто-то из перевертышей подменил Архиепископа! Как я не заметил! Досматривал всех, кто входит и выходит из его покоев, сам проверял каждого, кто поднимался на корабль.

Я поставил графин, аккуратно снял полотнище, через маленькую дырочку заглянул внутрь.

Его Святейшество стоял боком ко мне, и я мог разглядеть его лицо, пусть и не полностью. У меня всегда хорошо получалось опознавать перевертышей. Некоторые из них могли обмануть даже близких друзей и родственников того, кем притворялись, но годы тренировок не прошли для меня зря. Всегда есть изгибы морщин, лицевые тики, мимические особенности, которые ни один чародей не сможет повторить.

– При мне этого не будет, – твердо заявил министр. – А ты с этого момента лишился титула. Когда вернемся, направлю в церковь официальное письмо о назначении нового Архиепископа. Спокойной ночи.

Он повернулся, а Архиепископ вытянул руку вперед. Магии не было. По крайней мере я её не чувствовал. Ладонь его светлости просто отвалилась и упала на пол. Брызнула кровь. Капля даже попала мне в мой глаз, заставив меня его протереть. Когда я сделал это, увидел, что ладонь Архиепископа висит на лице министра. Буквально душит его. Каким-то образом на куске плоти вырос большой глаз без зрачка. Эта тварь чавкала, хрустела, а Его Светлость лишь улыбнулся.

Он вел себя так, будто ничего не происходило. подошел к столу, перелистнул страницу своей записной книжки, макнул перо в чернильницу, что-то записал.

Теперь я четко видел – это он. Не двойник, не перевертыш...

Или же я недостаточно хорош в своем деле.

На короткий миг я испугался. Рука пожирала министра и сама

одновременно менялась. Она увеличивалась, обрастала волосами, на её коже росли и лопались волдыри. Подавив страх, я понял, что происходит. Рука сама превращалась в министра. На ней начал проглядываться нос, на котором еще не было ноздрей, закрытые тонкой пленкой глаза, вырисовывались раковины ушей.

Безымянный бог, я в жизни не видел такой магии и не слышал про неё! Минуту или две я смотрел то на медленно пожираемого и возрождаемого вновь министра, то на архиепископа, который не обращал на происходящее никакого внимания, спокойно разбирал постель, готовясь отойти ко сну.

Я не знал, поможет ли мне в борьбе с этим колдовством мой противوماгический амулет, сабля, зачарованная на противодействие чародеям и остальное снаряжение. Чары, которыми пользовался тот, кто занял место Архиепископа, происходили не из Древа.

То, что было министром теперь напоминало человека, обернутого какой-то пленкой, словно куколка собравшегося вот-вот вылупиться насекомого. от одного его вида к горлу подступала тошнота.

И он вылупился. Сперва задержались руки, потом ноги, открылся рот. Кокон порвался, и на свет показалось покрытое чем-то липким, полностью голое тело.

Двойник министра повернулся к Архиепископу, посмотрел на него тупым, лишенным любых чувств взглядом. Взяло со стола пузырек с ядом.

Его святейшество поднял голову, осмотрел порожденное им на свет чудовище.

– Вымойся и иди спать. Ты знаешь что делать.

То, что выглядело как министр, покинуло каюту. Я услышал щелчок замка его двери. А Архиепископ продолжил что-то черкать в своей записной книжке.

Нужно было действовать. Только как? Если я сейчас проломлю стену и попытаюсь скрутить его, не факт, что со мной не произойдет то же, что с министром.

Разум рисовал картину, от которой мурашки плясали на коже. Я превращаюсь в то, чем на моих глазах только что стал министр. Я все еще где-то там, но не управляю собой. И это идет к Элени...

Нужно рассказать ей. Они мне поверит. Тем более она маг, может, знает, что это такое и в чем здесь дело.

А Архиепископ тем временем поднял голову и посмотрел на меня. Хищно улыбнулся, и я увидел у него во рту пару торчащих клыков. Как у тигра или льва. Он зашипел, словно змея. В его глазах блеснуло что-то нечеловеческое, звериное. Его вены вздулись, кожа побледнела.

А затем в единый момент он снова стал тем самым добродушным старичком, который нес мир всему миру, и которого я поклялся защищать.

Аккуратно, стараясь не издавать шума, словно кот на охоте, я взял графин и направился в нашу с Элени каюту. Разбудил её.

– Что такое, милый? – она протерла глаза, зевнула.

– Архиепископ! Он...

– Он подождет до завтра. Иногда мне кажется, что ты любишь его больше, чем меня, – Элени усмехнулась, поцеловала меня в губы. Поцелуй был мягким, нежным, от которого по всему телу пробежали волны приятного тепла.

Я не знал, что это был последний наш поцелуй.

– Не в том дело, – начал я и пересказал ей все, что видел. Разговор Его Святейшества с первым министром, странную и страшную магию, сути которой я не понимал, то, как изменилось лицо Архиепископа.

– Тебе точно не приснилось? – спросила Элени.

– Клянусь. Видел это своими глазами.

Мне всякое приходилось видеть, но вспоминая ту картину я ощущал как по коже проносится холодок.

– Я не знаю что это, – ответила любимая.

Она была чародейкой, многое знала о магии, общалась с представителями альтернативных магических школ, писала трактаты на тему колдовства, но по её глазам я понял – она не понимает, с чем имеет дело.

– Может, что-то из магических практик самуанцев, – принялась вспоминать она. – У них есть обряд перерождения, чем-то похожий на то, что ты описал. Они подвергают ему преступников. Но там используются специальные алхимические смеси. Или обращение у оборотней. Только оно длится дольше, человек превращается в зверя, да и сами оборотни давно вымерли. Ты уверен, что в бочку с водой никто не добавил снежной плесени? От неё и не такие видения бывают...

– Я трезв! И знаю, что видел! – почти что выкрикнул я, испугавшись, что кто-то мог услышать.

– И что ты хочешь делать? – спросила Элени.

К счастью, она мне верила. Расскажи я это кому другому – решили бы, что я или пьян, или подвергся действию чар, или сошел с ума.

– Утром Архиепископ молится, а затем завтракает в кают-компании. Мы проберемся в его каюту, обыщем её, и узнаем что это такое.

***

Казалось, что утро никогда не наступит. Дождь лил не переставая,

солнце словно забыло про время, да и я сам когда поглядывал на часы, считая, что прошел час, оказывалось, что на деле миновало лишь десять-пятнадцать минут. Казалось, что за мной кто-то наблюдает, шепчет за дверью, бродит по палубе. Но когда я открывал, дверь не видел никого.

Элени уснула, я же всю ночь ходил по каюте туда-сюда, не в состоянии выбросить из головы увиденное. Дело было даже не в чудовищном проявлении колдовства, свидетелем которому я стал, и не в заговоре против короля Монтенерии.

Я разочаровался. Что-то внутри меня говорило, что Архиепископ настоящий, что это не маг, принявший его облик, и не иллюзия. Что тот, кто считался воплощением лучших человеческих качеств, прогнал изнутри, оставив от себя лишь оболочку.

Его Святейшество самый умелый маг на континенте, а может, во всем мире. Само Древо выбрало его. Мог ли он случайно призвать теневую сущность или что-то в этом роде, которая проникла в его тело и подчинила себе его разум?

Я верил, что он не виноват. Что он – жертва, точно такая же, как и министр. А настоящий злодей где-то скрывается.

Когда за окном начало светлеть, я принялся собираться. Взял все, что могло как-то противодействовать чарам – кольцо-печать с защитой от иллюзий, наручники, лишаящие чародеев силы, саблю, зачарованную на отражение магии.

Потом разбудил Элени. А пока она одевалась, слушал, как открывается дверь покоев Архиепископа, как он выходит из неё, как скрипят под его ногами доски. Посмотрел в замочную скважину – он был таким же, как и обычно. С добродушным выражением лица, блестящими глазами, как редко бывает у стариков. Он шел уверенной, несмотря на возраст, походкой. Поднял глаза к небу, будто что-то сказал небесам, и направился по лестнице вверх.

Молился он обычно в носовой части корабля, а многие матросы, которых до этого не интересовала ни религия, ни магия, присоединялись к нему. Чего Архиепископу было не занимать – так это умения склонять людей на свою сторону. Он делал это не с помощью лжи, обещаний, договоров, манипуляций. Он показывал все на своем примере, из-за чего обретал последователей даже там, где Безымянного Бога и не думали почитать.

Помню, как в городе завелась банда грабителей. Полиция их выследила, но те захватили заложников и не желали сдаваться. Архиепископ сам приехал к дому, где все это происходило. Полицейские

как раз готовились взять штурмом здание. Он спросил, могут ли пострадать невинные, на что комиссар ответил, что постарается не допустить этого, но бывает всякое. После чего Его Святейшество сказал, что если ему позволят войти, то не пострадает никто.

Он вошел в дом. Сам, без охраны и оружия. А через десять минут вышел вместе с бандитами и сказал, что забирает их в послушники.

Не знаю, что он им тогда сказал. До сих пор думал, что он объяснил преступникам, в чем они ошибались, те признали свою вину и пожелали искупить её. Сейчас же думал, что он сделал с ними то же, что и с первым министром прошлой ночью.

– Пойдем? – спросил у Элени.

Она лишь кивнула, хоть я по её взгляду видел, что проникновение в каюту Архиепископа она не одобряет. Все еще сомневается, но все же доверяет мне.

Рядом с входом в покои Его светлости не было никого. Утро – все чем-то заняты, что было нам на руку. Дверь не была закрытой, как и полагается. Я тихо открыл её, заглянул внутрь – никого.

Впустил Элени, вошел сам.

Обстановка внутри не была роскошной. Самая обычная кровать, стол с какими-то бумагами, прибитая к стенке полка с парой десятков книг по магии, алхимии и религии, цветастый ковер на полу – вот и все убранство.

В сундуке для одежды мы нашли лишь пару мантий, деловой костюм и простую одежду, которую носило большинство – пиджак и брюки.

На бумагах и в книгах нашлись описания магических воздействий, заклинаний, ритуалов, но все они, как сказала Элени, были вполне обычными. Ничего странного.

Интересно, что он черкал в той записной книжке, пока его рука пожирала министра? Жаль, что этой книжки тут не было – наверняка Его Святейшество носил её с собой.

Понемногу я начинал верить в то, что кто-то случайно или шутки ради действительно подмешал в воду какой-то галлюциноген.

– Похоже, тебе привиделось, – развела руками Элени, как всегда мило усмехнувшись.

– Похоже на то, – ответил я.

Когда-то мы будем сидеть у потрескивающего камина и рассказывать своим детям о том, как вдерлись в каюту самого Архиепископа.

– Идем, – позвал я, ступил к выходу и почувствовал, как доска под ногой прогнулась.

– Там что-то есть, – мысли о счастливой жизни, посиделках у камина с

двумя детьми мгновенно растаяли. На их место снова пришла ночная картина – рука, отделившаяся от Его Святейшества и набросившаяся на министра.

– Идем, – звала Элени. – он может вернуться в любой момент.

– Я должен глянуть, – ответил я и приподнял ковер.

Одна из досок слегка выделялась из остальных. Я приподнял её и увидел ту самую записную книжку, с которой вчера возился Архиепископ. Поднял её, продемонстрировал Элени, заглянул внутрь и увидел странные рукописи. Это было похоже на один из восточных языков – сплошные иероглифы, непонятные завитушки, руны...

– Знаешь этот язык? – спросил я, передав книжку жене.

Она открыла её и сразу же побледнела, будто увидела призрак.

– Что там?

– Это язык Тени, – прошептала она. – Но, может, он просто изучает его? Все-таки он могущественный маг.

– Зачем тогда прятать это? Что там написано?

– Не знаю. Я не умею читать на языке Тени. Просто узнаю его. Нам показывали в академии. Тут нужен специалист по магической лингвистике, – прошептала она.

– И что это может значить? – поинтересовался я.

– С помощью этого языка можно призвать Тень. Запретный ритуал. Даже не знаю работает ли он. Лучше пойдем отсюда...

– Ладно, идем, – сказал я, решив, что как прибудем на место, схожу в отдел магического контроля, расскажу им обо всем, пусть сами занимаются.

Взял книжку, положил её на место и краем глаза увидел Архиепископа. Откуда он здесь взялся? Ведь только что там было пусто. А сейчас он стоял в углу комнаты и как всегда мягко улыбался.

Я посмотрел на Элени, которая смотрела на него, не отводя взгляд. Её кожа была бела как снег. Сразу понял, что она боится. Затем достал саблю, шагнул в сторону, закрывая её собой. Уставился взглядом в Его Святейшество.

Тот молчал. Может минуту, а может, дольше. стоял как статуя, только улыбался.

– И что вы тут делаете? – внезапно прервал молчание он. Говорил он так, будто бы ничего не произошло. – Чевинфорд, зачем ты достал оружие? Неужто кто-то собирается покуситься на мою жизнь? Прямо здесь? Убери её. Ненавижу оружие.

– Вы воспользовались черной магией! Заключили договор с Тенью! –

выкрикнула Элени. Она всегда говорила что думает. Не знала, когда следует промолчать.

– Это ты мне? – спросил Архиепископ. – Это серьезное обвинение. Да еще и в сторону того, кто намного выше тебя по рангу. Ай-яй. Может, это твои письма. Не знаю откуда они тут взялись. Проверим.

Я кипел от злости. Был готов наброситься на него. Пальцы все сильнее сжимали рукоять. По коже струился пот. А Архиепископ медленно поднял записную книжку, посмотрел на неё.

– Кажется, это твои, Элени. Решила настроить против меня моего телохранителя?

С каждым мгновением злоба все пребывала. Тело превратилось в сжатую пружину, готовую в любой момент выстрелить.

– Сдайся, – сказал я, смотря в лицо тому, кого раньше считал святым.

– Сдаться? Комму? Что же я такого совершил? – развел руками он. – Это ты вдерся сюда еще и тыкаешь мне в лицо саблей.

Злоба выплеснулась. Я достиг критической точки. Попытался шагнуть вперед, но не мог оторвать ноги от цветастого ковра. пошатнулся, чуть не упал, но все же устоял на ногах. Увидел руку растущую из ковра человеческую руку, которая держала меня за штанину. Рубанул по ней, она отлетела в сторону, но тут же на её месте появилась другая. затем третья. Их становилось все больше. Я рубил одну за другой, но на их месте вырастали новые.

Элени кричала. я повернул голову, и увидел, что она по пояс погрузилась в ковер. как и я. Ног я не чувствовал.

– Элени!

Одна из рук ухватила меня за запястье. Сабля со звоном упала на пол, прямо под ноги Архиепископу. Я кричал, сопротивлялся, ощущал, как сердце готово выпрыгнуть из груди.

Архиепископ же поднял мою саблю, осмотрел её, шагнул к Элени.

– Тронь её и я тебя убью! – кричал я.

– Я? Да никогда в жизни. А вот ты...

Он взмахнул саблей. На мое лицо брызнула кровь. Я не хотел смотреть. Закрыв глаза. Только бы это был сон. страшный кошмар. Я проснусь и увижу рядом свою жену. Но сон не заканчивался. Я открыл глаза и увидел её. С перерезанным горлом. Все вокруг было залито кровью.

Я больше не чувствовал боя своего сердца. Словно умер. Была лишь пустота и сковывающий холод. Зубы скрежетали. Горло словно сжали тисками. Но рук больше не было. Я вскочил на ноги, выхватил кинжал, который всегда носил в кобуре на поясе. Метнул им в Архиепископа.

И попал. Прямым в сердце. Но тот лишь улыбнулся. Вытянул кинжал, бросил его через плечо, и тут же в каюту вломились солдаты.

– Он пытался убить меня! – заорал тот, кто не был человеком. – Зарезал её, потом...

– Я убью тебя, сволочь, – хрипел я. – Клянусь богами! Убью! Ты умрешь самой жестокой смертью из возможных!

Я шептал это, пока меня тянули на верхнюю палубу. Мне хотелось умереть. Хотелось воссоединиться с ней в Тонком Мире. Причина остаться тут была только одна – я должен забрать с собой Архиепископа.

Звучали чьи-то голоса, но я их не слушал. Не знал, жив я еще или мертв. Только боль от стиснутых в кулаки пальцев говорила о том, что жизнь еще не закончилась. Мир то темнел, то светлел. На голову падали большие, колющие капли дождя.

– Убью тебя! Прикончу!

Потом было падение. Холодное море. Хищные волны. Смерть. Она бродила где-то рядом и ни капли не пугала меня.

– Убью. Прикончу, – все шептал я, чувствуя, как вода проникает в меня.

А потом настала абсолютная, крошечная, беспросветная тьма.

Глава 7. Почти на суше

– Я откидываюсь на спинку кресла, чувствуя дрожание пальцев и проносящийся по коже голод. Я была там. Чувствовала все, что ощущал Чевинфорд. Даже сейчас все еще казалось, что волны накатывают на лицо, пытаются затянуть меня в пучину.

Перед глазами все еще стоит уплывающий сквозь бурю корабль. На нем уходит враг. Я найду его.

Рано или поздно найду.

Пытаюсь отличать свои мысли от воспоминаний проклятого капитана. Получается не просто и не сразу. Его внутренняя боль поглощает меня. Умереть не страшно, даже хочется. Но нельзя уходить не отомстив.

– Как ты выжил? – дрожащим голосом, спрашиваю я.

Чевинфорд не смотрит на меня. Его взгляд направлен в сторону.

– Не знаю. Очнулся на берегу какого-то острова, – медленно говорит он. – Помог мне кто или сам выбрался – не представляю. Там никого не было, кроме зверей и птиц. На острове ко мне привязался Миш. Совсем маленький. Зверек показал мне источник пресной воды, предупреждал о хищниках. Я несколько месяцев выживал на острове с единой мыслью – вернуться и отомстить. Пытался строить плот, но из-за частых штормов отправляться на нем в море было самоубийством. А потом увидел на горизонте корабль. Это были пираты. Они забрали меня, дали работу на корабле, а спустя время капитан погиб в сражении и я занял его место. Теперь ты веришь мне?

Я киваю. Верить я верю, но все же мне кажется, что Архиепископ из его воспоминаний – ненастоящий. Не могу поверить в то, что он способен на подобное. Хоть он тоже не верил.

– Думаю, пока я был в воде, что-то произошло, – говорит он. – Я нашел на картах остров, на который меня выбросило. От того места, где пролегал курс корабля, до него несколько десятков миль. Никто бы не проплыл такое расстояние. Может, я заключил с чем-то сделку в обмен на душу.

Что, если его воспоминания не настоящие? Если его обманули?

Я читала о восточных шаманах, которые могли внушать ложную память. Воинам они закладывали ненависть к врагу. Тому, кто излишне нервничал – приятные воспоминания. Ученым знания коллег. Но это все было давно, а тех племен уже не существует. К тому же церковь запрещает

подобные практики, а в книгах можно найти лишь редкие упоминания.

– Земля по правому борту! – слышен сверху чей-то крик.

Капитан поднимается, набрасывает жилетку, выходит на палубу, зовет меня жестом. Я следую за ним. Замечаю вдалеке огни. Присматриваюсь. Вижу остров с небольшим городом на побережье и высоченным замком по центру. Строгие формы, тускло-серые цвета и флаг над башней. Пытаюсь его разглядеть.

Тут же вижу рядом Ника. Дух, кажется, его покинул, но выглядит Ник уставшим. Конечно устанет от такого. Он смотрит на меня каким-то неестественным для него взглядом, будто обвиняет в чем-то. Так он на меня никогда не смотрел. Злитесь?

– Остров-призрак? – спрашивает Чевинфорд, смотрит в подзорную трубу.

– Похоже на то, – отвечает ему как всегда опрятный фон Манлингер – По крайней мере, на карте его нет.

А я наконец-то рассматриваю флаг и понимаю что это за место. Узнаю его, хоть ни разу не была тут. Блуждающий остров Инквизиции.

Чем тут занимаются – понятия не имею. Просто знаю, что он есть.

– Инквизиция, – капитан тоже узнает его. – Отплывем от греха подальше.

Я же ныряю в Изнанку. Хочу взглянуть, как этот остров выглядит оттуда.

Над ним вспыхивает спиральная радуга. Звезды тускнеют, а потом и вовсе пропадают. Все вокруг покрывается белесой дымкой. Теперь остров он едва заметен в тумане. Да и не остров это, а огромное живое существо, похожее на спрута-переростка. Полностью черное и без глаз, по крайней мере видимых. Оно тянется щупальцами во все стороны, тихо воет, будто поет. На нем светятся огоньки, видны размытые очертания крыш, стоящий в порту небольшой шлюп. И ни души. В прямом смысле. Словно там вовсе никто не живет.

Краем глаза замечаю чью-то душу. Она вся напряжена, извивается, сопротивляется. Её хозяин, кажется, собрался совершить что-то страшное. Безымянный бог! Это же Ник! Он собирается убить Чевинфорда!

Я вздрагиваю всем телом. Выпрыгиваю в реальность.

– Берегись!

Но поздно. Я не успеваю. Из спины проклятого капитана торчит рукоять ножа. Ник бросается ко мне, отшвыривая резким порывом ветра бросившихся к нему матросов.

– Прыгаем! До берега доплывем! – кричит он.

Я выдираюсь из его рук. Бегу к Чевинфорду. Время словно замедляется.

– Врача! Врача сюда! – кричу я, но команда не спешит ничего делать. Им что, плевать на своего капитана?

Чевинфорд морщится, протягивает руку и вынимает из спины окровавленный кинжал. Лишь слегка морщится. Словно ему совсем не больно.

Подбегаю к нему, попадаю в его объятия.

– Меня так просто не убить, – говорит он, доставая из-за пояса пистолет.

Ник стоит на борту, но все еще смотрит на меня в надежде, что я пойду с ним. Несколько пиратов тычут в него лезвиями. Он забирается на канат.

– Тебя околдовали! – кричит Ник. – Он что-то сделал с тобой! Я видел, чем ты с ним занималась в его каюте! Я вернусь!

Капитан целится прямиком в него. Я толкаю его руку. Над головой грохочет выстрел. Пуля улетает в небеса. Ник же срывается и падает в море.

Раздается оглушительный шум. Кто-то из матросов стреляет. Подбегаю к борту и вижу, что Ник успел отплыть от корабля на порядочное расстояние. Он всегда был хорошим пловцом.

– Я вернусь, – кричит он, демонстрируя неприличный жест, и устремляется к острову.

Мне становится тяжело. По щеке бежит слеза. Все-таки он – мой друг. Пусть я никогда не чувствовала к нему то же, что и он ко мне, но Ник сделал это ради меня! Он хотел забрать нас с этого корабля!

Чевинфорд подходит ко мне, склоняется.

– Он сам выбрал свой путь, – говорит он.

– Давай заберем его. Подойдем поближе к острову...

По лицу бездушного капитана вижу, что он со мной не согласен. Может, любой сделал бы то же самое на его месте. Но все же Ник видел его как жестокого пирата. Чудовище.

– Я не поведу корабль к острову Инквизиции, – говорит он. – А уж тем более поврежденный и с неполной командой.

Смотрю ему в глаза и понимаю, что упрашивать тщетно. Поворачиваюсь в сторону острова. Понимаю, что сама вплавь до него не доберусь, хоть и возникает сиюминутное желание прыгнуть вслед за Ником.

Чевинфорд поворачивается ко мне спиной, говорит матросам что-то о курсе, а я вижу разрезанную на спине жилетку. Ник ударил его точно в

сердце. Но на спине капитана не было ни пореза, ни даже крови. Лишь шрам, который выглядел так, будто ему несколько лет. Он с каждым мигом уменьшался, становился незаметнее.

Что ты такое, бездушный капитан?

Он рассказал мне не все и показал не все. Возможно, он сам заключил сделку с Тенью ради того, чтобы отомстить. Не может так быстро затягиваться рана. Ни у одного существа в мире.

Кроме того, что я видела в его воспоминаниях.

Того, что выглядело как Архиепископ.

Я боюсь Чевинфорда. Ненавижу себя за то, что поначалу он мне понравился. За то, что не справилась со страстью к нему. За то, что не прыгнула вместе с Ником...

Он поворачивается ко мне, смотрит исподлобья.

– Проверь еще раз окрестности и можешь поспать, – говорит он. – Каюта прошлого мага свободна.

А затем он просто уходит в носовую часть, опирается о борт, подзывает к себе одного из своих подчиненных, они что-то обсуждают.

Смотрю в сторону отдаляющегося острова. Сейчас видны лишь его огоньки. Хоть бы Ник до него добрался. Хоть бы с ним все было хорошо...

Вздохнув, вытерев лицо, спускаюсь в каюту, которую указал Чевинфорд. Она совсем маленькая, в ней почти ничего нет. Только небольшая кровать и сундук, в котором нахожу лишь грязную одежду.

Ложусь, сразу же отключаюсь и передо мной появляется незнакомец. Лица его не вижу, хоть при таком освещении должна. Замечаю только темный костюм с блестящими пуговицами.

Понимаю, что это сон – магов учат этому, чтобы не путать Изнанку с реальным миром.

Мы находимся в кабинете. Он большой и светлый, уставленный дорогой мебелью. Незнакомец сидит в огромном мягком кресле с темно-зелёной обивкой. Перед ним круглый, покрытый узорами стол, в центре которого, словно башня, высится высокий подсвечник с единственной свечой. Хоть тут и светло, но свеча горит.

Рядом со мной большое окно. Я смотрю в него, но не могу разглядеть что происходит снаружи. Будто бы все заволгло туманом.

– Он нравится тебе? – спрашивает незнакомец.

Хоть он и не называет имени, но понимаю, что речь идет о Чевинфорде. Во сне всегда так – ведь напротив лишь отражение моих мыслей и памяти.

– В нем есть что-то, – отвечаю я, не знаю какие слова подобрать.

– Притягательное? – спрашивает он.

Я лишь киваю. Чувствую, как взгляд незнакомца скользит по мне, будто изучает. Мне не хочется быть здесь. Что-то изнутри будто говорит – уходи отсюда.

Поднимаюсь, ищу взглядом дверь за спиной. Знаю, что она должна быть там, но натыкаюсь лишь на монолитную стену. Спустя мгновение слышу, как что-то происходит. Что-то шуршит, царапается, хлюпает. Звуки становятся все громче. От них кожа становится гусиной. Сердце начинает биться чаще.

Поворачиваюсь, и вижу, как обе руки незнакомца отделяются от тела и стуча ногтями по столу бегут ко мне. Одна из них единым прыжком добирается до моей головы. Все вокруг меркнет. Я кричу, но никто не слышит. В кожу впиваются тысячи маленьких, но чрезвычайно острых зубов. Боль распространяется по всему телу. Перестаю ощущать свои руки, ноги. Лишь боль, которая наваливается на плечи монолитным грузом.

Я во сне! Нужно проснуться.

Но боль все сильнее. Она не отпускает меня. Будто держит внутри жуткого кошмара.

– Просыпайся, – звучит чей-то голос. – Ну же, соня, вставай!

***

– Поднимайся!

Голос подобен голосу мамы. Я плохо её помню. В основном лишь голос и то, как она будила меня по утрам. Но чувствую её.

Боль же становится все сильнее. Парализует тело. Я кричу как никогда не кричала. А потом вижу перед собой женщину.

– Я чуть не оглохла, – говорит она. – Кошмар приснился?

Стоящая передо мной женщина улыбается. Она крупная, мускулистая, широкоплечая. Со спины я явно приняла бы её за мужчину. У неё коротко стриженные волосы, обветренная кожа на лице, но голубые глаза кажутся мне добрыми.

– Я Селина. Здешний кок, – представляется она. – Принесла тебе перекусить. Как поешь – поднимись на палубу. Капитан ждет.

Женщина улыбается, протягивает мне тарелку, в которой лежит несколько поджаренных кусков мяса, ломоть черного хлеба и пара больших красных персиков. Не обращая никакого внимания на вилку, хватаю мясо, отправляю в рот, жадно пережевываю. Когда я последний раз ела и вспомнить трудно.

Я доедаю мясо, набрасываюсь на персики. Селина же стоит рядом, то ли хочет знать нравится ли мне её еда, то ли у неё приказ сопроводить меня

к капитану.

– Вы давно работаете на этом корабле? – спрашиваю я.

– На этом – нет. Но с капитаном Чевинфордом – уже лет пять. Он выкупил меня у работорговца в Ределии. Я тогда была красоткой, и хозяин собирался продать меня подороже.

Смотрю на неё и не знаю врет она или нет. Не похоже, чтоб эта мадам, которая по виду могла бы работать силачом в цирке, когда-либо была красоткой. Хоть лицо у неё вполне симпатичное.

– Вот, попей, – она протягивает кувшин и я с жадностью пью, пока тот не пустеет. Поднимаюсь и направляюсь на палубу.

Как только выхожу наверх, солнце начинает слепить мне глаза. Стоит яркая, солнечная погода, такая редко бывает в моих краях. На небе ни тучки. Ветер легко треплет паруса, которые из красных за ночь стали серо-голубыми.

На палубе кипит работа. Кто-то громко стучит молотком, кто-то привязывает к мачтам канаты, кто-то латает пробойну в носовой части. За всем этим смотрит фон Манлингер. Он что здесь за старпома? Капитан же стоит за штурвалом и глядит вдаль через подзорную трубу.

На нем сегодня свободные парусиновые брюки болотного цвета и белая рубаша с манжетами. На его плече сидит пушистый питомец и вместе с хозяином всматривается вдаль. Замечая меня, Чевинворт подзывает жестом.

– Можешь повернуть ветер к западу и немного усилить его? – спрашивает он.

Ветер есть, уже хорошо. Значит, духа ловить не придется. Нужно только задать направление. Молча принимаюсь за дело. Взываю к Древу, шепчу ему свою просьбу.

– Ты решила, остаешься с нами, или уходишь? – спрашивает капитан. – Скоро прибудем в порт.

– Не решила, – отвечаю я.

Мне больше интересно как там Ник. Доплыл ли он? А если доплыл – что дальше? Я видела кто такой Архиепископ в памяти Чевинфорда. Если мой бывший сокурсник пойдет к нему...

От одной мысли становится страшно.

– Решать нужно быстро, – говорит капитан. – В порту долго стоять не будем. Запасемся припасами, отремонтируем судно, и в путь.

– А тебе что? – спрашиваю его, смотря в глаза. – Я не самая искусная чародейка на свете, чураюсь гоетии, много чего не умею. Мне еще учиться и учиться. К тому же мне не хочется принимать участие в разбоях. Зачем

здесь такая?

– Может, потому, что ты мне нравишься, – отвечает он. – А может, тебе тоже хочется отомстить Архиепископу? Он послал тебя на верную смерть.

– На "Южной звезде" до меня был маг. Капитан Молте говорил, что он сошел с ума, встретившись с вашим кораблем. Что вы с ним сделали?

– Я? Ничего. Хоть знаю, о ком ты говоришь, – Чевинфорд смотрит мне в глаза. – Да, несколько месяцев назад мы случайно встретились с "Южной звездой". Но тогда моя команда была не в лучшей форме. Мы предпочитали, чтоб нас вовсе не заметили.

– Но Люциус Молте...

– Люциус Молте ничего не знал про остров, на который сошел, – отвечает капитан, буравя меня прищуренными глазами. – На том острове находится сильная магическая аномалия. Все эти годы я ищу способ покончить с Архиепископом. Но, к сожалению, он бессмертен. Даже если порубить его на куски, он складывается обратно. Я знаю, что он был на том острове, но не знаю почему. Надеюсь, что исследовав ту аномалию, найду какой-то способ прикончить его. Не нашел.

– Ты ведь тоже бессмертный, – говорю я, смотря ему в глаза. – Ни на ком другом раны не зарастают так быстро. Может, вы с ним как-то связаны.

Капитан опускает голову. Ему явно не нравится говорить об этом. Его лицо грустнеет, взгляд упирается в палубу.

Вижу едва заметные царапины на его плече. Они совсем небольшие, но почему не заживают? Ведь рана от кинжала затянулась моментально. А потом до меня доходит, что царапины оставила я, когда мы были наедине в его каюте.

***

– Почему ножевое ранение мгновенно заросло, а эти царапины нет? – спрашиваю я.

– Не знаю, – отвечает он, достает нож, вертит его, а потом делает небольшой разрез на своей руке. Даже не кривится при этом. Течет кровь, проклятый капитан вытирает её тряпкой. Раны уже нет. Словно и не было никогда.

– Попробуй ты, – он протягивает мне нож. – Сделай мне рану.

Я смотрю ему в глаза. Кажется, он абсолютно серьезен. Но я не хочу его ранить.

– Ну же, – настаивает он.

Я отворачиваюсь, желая уйти, но Чевинфорд хватается мое запястье, вкладывает мне в руку нож, и делает небольшой разрез в том же месте, где только что делал сам. Все происходит так быстро, что я даже подумать ни о

чем не успеваю. Он вытирает руку от крови и я вижу рану. Самый обычный разрез, как у обычного человека.

– Я не знаю в чем дело. Но ты превращаешь меня в человека.

В его взгляде промелькает искра, будто бы он чем-то сильно заинтересовался.

– Есть бинты? – спрашиваю я.

– Царапина, – усмехается он, снимает с головы ярко-красную повязку и затягивает её на руке.

Но почему я могу ранить его? Во мне же нет ничего особенного!

Смотрю на Чевинфорда через Изнанку. У него все так же нет души. Но что-то неуловимое, еле заметное в ауре изменилось. Не знаю что. Прямо чувствую это. Будто бы она стала более человеческой. Будто бы в ней есть душа, хоть как не стараюсь, не могу её увидеть.

Что, если у Архиепископа тоже нет души? Если он и проклятый капитан как-то связаны? Я никогда не пыталась заглянуть в душу Его Святейшества. Зачем? Всем и так все известно про его сущность. Усомнится в существовании его души способен только больной на голову человек.

Но если её действительно нет?

– Я думал о том, что нашими так сказать спонсорами могут быть одни и те же силы, но что это за силы – понятия не имею, – говорит капитан.

– Может, если мне удастся посидеть в библиотеке, с книгами по истории магии, получится что-то узнать про это?

– Если твоему предшественнику не удалось – тебе это тоже будет не по силам. Кен Ло тоже пытался разобраться.

Я смотрю на его будто выточенное из камня лицо. Аккуратное, правильное, словно произведение искусства, над которым работали долгие месяцы, а то и годы. Почему он не хочет говорить про тварь, что напала на наш корабль? Это был он! Я почти уверена. Но он явно не хочет рассказывать об этом. Может, не контролирует превращение?

– Почему этот корабль издали в Изнанке выглядит как дыра?

– Жир гигантского пресноводного кита. Слышала о них?

– Что-то да. Что они способны к магии.

– А еще разумны, – говорит Чевинфорд. – Корабль пропитан его жиром, и создает магические аномалии.

– Ты убил разумное существо, чтобы пропитать его жиром свой корабль? – начинаю злиться. Ведь это животное под угрозой вымирания.

– Не я, а Архиепископ. Это был его корабль. Быстроходный, незаметный, в том числе и для магов. Не представляю, зачем ему такой, но

соблазн угнать его был велик.

Я киваю. Но ведь Архиепископ сам выступал за сохранение природы. Неужели он мог? Да нет, не верю. Или у Чевинфорда не его воспоминания, или в Его Святейшество что-то вселилось.

Медленно и неуверенно прохожу на носовую часть корабля. Матросы уже не смотрят на меня как хищник на жертву, но все равно стараюсь их сторониться. Все эти люди с кучей шрамов, небритые, в грязном рванье вместо одежды контрастируют с Чевинфордом как заброшенная хижина с королевскими палатами.

Подхожу к носу "Вендетты", смотрю вдаль. Там лишь бесконечное море, тихие волны и летающая рыба, периодически проносящаяся в воздухе. С небес спускается большая, серая птица, перехватывает одну из рыбешек прямо в полете и уносится ввысь. Если тут есть птицы, значит, суша близко.

Соприкасаюсь с Древом душ, ныряю в Изнанку. Он опять не такой, как в прошлый раз. Сейчас мимо спиральной радуги поносятся белые хлопья. Похоже на снег, вот только на самом деле это души.

В разных местах у них разная форма.

На сей раз здесь есть поверхность. Океан превращается в бесконечную пустыню, над которым ветер проносит небольшие вихри. Здесь необычайно светло. Хоть солнца и не видно, но свет бьет в глаза, заставляя инстинктивно жмуриться.

Откуда столько света? Разве что где-то рядом находится сильный источник магической энергии.

Поворачиваюсь, осматриваю корабль. Отсюда он напоминает гигантскую черепаху, неутомимо ползущую по песку. На её панцире высится троица мачт, висят подобные крыльям паруса. А вот людей нет. Вместо них лишь снующие туда-сюда снежинки.

Жаль, что не умею рисовать. Всегда хотелось изобразить картины из Мира Духов.

Вижу рядом с собой кого-то. Кто это не распознаю, но вижу, что он смотрит на меня. неужели опять какой-то матрос привязался?

Выскальзываю в реальность, перед глазами рябит, темнеет. А когда тьма расступается, вижу перед собой лицо Айсена фон Манлингера. Он как всегда выглядит подобно джентльмену – пиджак, цепочка от часов, небольшие усики.

– Вы что-то хотели? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает он. – Просто захотелось постоять здесь. Красивый вид, правда?

- Тут какой-то источник магии. Может, на дне...
- О-о, придем в порт – сами все увидите, – говорит он.
- А куда корабль собирается потом? После ремонта?
- Лучше спросить об этом у капитана, но, скорее всего на один из островов к северу.
- Зачем?
- Капитан Чевинфорд пытается понять как убить Архиепископа, а на том острове может быть ключ к пониманию тайны его смерти, – фон Манлингер усмехается, смотрит вдаль.
- А как вы оказались здесь, на корабле?
- Это долгая история. Но если вкратце – то я давно знал, что Его Светлость – не тот, кем кажется. Еще с того момента, когда он вступил в эту должность. Как же его звали до восхождения? Якуб Кромсфельд. Кажется, так. Не знаю что он, но что это не человек было понятно сразу. Правда, до поры до времени мне не было ничего известно о его намереньях. Я считал его одним из реликтов. Вампиром, протомагом, теневой сущностью, чем-то подобным. Открыто говорить об этом не мог, да и не хотел. Все же если такое существо дожило до наших дней, то, скорее всего, ему страшно, оно скрывается.
- А откуда вы знали об Архиепископе? Вам кто-то сказал? Или вы маг?
- Я не маг. Просто ученый, – усмехнулся он.
- Так откуда? – настаиваю я.
- Об этом, мисс, мы с вами поговорим если согласитесь остаться в нашей команде. кстати, капитан очень этого хочет. И я, как его друг, поддерживаю.

Глава 8. Свидание

Порт показывается на горизонте. Поначалу мне он кажется очень привлекательным местом, по крайней мере в сравнении с нашим северным, да и восточным тоже. Рядом с берегом высятся пальмы. По их стволам то и дело ползают какие-то маленькие длиннохвостые зверьки. Высокая, ярко-зеленая трава достигает пояса темнокожих людей с корзинами на спинах. Они собирают что-то на земле. Пахнет природой. Цветами, травами, чистым воздухом. Аромат настолько сильный, что чувствую его даже с корабля.

Белые мохнатые облака почему-то движутся очень быстро, хоть сильного ветра не ощущаю. Зато ощущаю сильное магическое воздействие. Наверняка тут есть какой-то сильный источник магии. Разрыв или что-то похожее.

Сам порт поменьше, чем наш. Кораблей в нем немного. Старенький небольшой бриг со странным, не виданным мной никогда доселе флагом, пара маленьких рыбацких шхун, чуть дальше – огромный пятимачтовый парусник, не способный причалить из-за своих размеров.

Над головой слышатся крики чаек. Кто-то в порту громко трезвонит в колокол. Доносятся громкие голоса людей. Даже не верится, что здесь – пристанище пиратов и контрабандистов.

Не верится, что и я вот-вот сойду на берег.

Меня мучит совесть. Я не могу успокоиться из-за того, что при нападении высасывала жизнь из каждого, кто попадется под руку, не верится, что так легко и быстро прониклась симпатией к проклятому капитану, что я помогала им. Как я могла допустить то, что случилось с Ником?

Безымянный Бог! Я никогда себя не прощу!

Сойду на землю, найду первый же оплот королевской власти и расскажу что было.

Чевинфорд подходит ко мне, аккуратно кладет руки мне на талию, но я вырываюсь, делаю шаг вперед и смотрю в его лицо.

– Ты все решила? – спрашивает он, будто он обращается к подчиненному.

– Да, – отвечаю я. – Я ухожу.

– Тогда позволь пригласить тебя на свидание.

Я злюсь. С одной стороны мне хочется быть отсюда подальше, но с

другой что-то словно связывает меня с этим человеком. Держит намертво, не желая отпускать.

– Одно свидание, после которого уйдешь. Если захочешь, конечно. На ремонт корабля уйдет около суток. Здешних мест ты не знаешь. Тут может быть опасно. Мы можем прогуляться, заодно покажу тебе город.

Я и в самом деле не знаю этих мест.

Мне страшно, что если уйду одна, могу попасть во власть кого-то куда более жестокого, чем Чевинфорд.

Миш соскакивает с его плеча, прыгает мне на руки, тихо попискивает и смотрит своими большими глазами прямо на меня. Я глажу его по шерстке. Зверек начинает нежно мурлыкать, издавать звуки, похожие на "ми-ми-ми", трется о меня. Вот почему его зовут Миш.

– Видишь? Даже Миш не хочет, чтоб ты уходила, – усмехается проклятый капитан.

– Хорошо, – киваю я. – Одна прогулка. Хочу знать, что это за место и чего мне опасаться.

– Тогда переоденься, – усмехается Чевинфорд.

– Зачем? – удивляюсь я. – Ты решил забрать у меня эту одежду?

– Негоже идти на свидание в этом тряпье. Ты же видела сундук в трюме. Киренакские шелка. Знаю, что о таких мечтает почти любая девушка.

– Мне ничего от тебя не надо, – препятствую я, хоть в чем-то он прав – дома я бы многое отдала бы за платье из киренакского шелка.

– Не буду же я сам в них ходить, – говорит он. – Захочешь – продашь. Деньги тебе пригодятся.

Он, конечно же, прав. Бесплатно никуда не доберусь. Ладно, пусть будет так. Хоть голодной не останусь.

– Хорошо, – киваю я, протягивая капитану его питомца. Он берет его на руки, заботливо гладит, щекочет. Тот довольно пищит.

– Иди, переоденься.

Киваю, прохожу по палубе. Спускаюсь вниз. Здесь холодно, чувствуется запах гнили. Ничего, скоро от этого отделаюсь.

Захожу в ту самую комнатку, где переодевалась первый раз, открываю сундук. Вижу наряды, от которых вряд ли отказалась бы сама королева. Светлые, темные, цвета спелой травы, морской волны.

А еще тут было зеркало. Небольшое, в полный рост себя не рассмотришь, но оно было. Капитан повесил его для меня?

Сперва мой взгляд падает на нежно-зеленое легкое платье длиной до пола. Но присмотревшись к нему, понимаю, что пошито оно на более

миниатюрную особу и мне в нем будет неудобно. Потом нахожу бордовое, бархатное, с вкраплениями шелка, драгоценными камешками, обрамляющими декольте. Дома я бы, конечно, выбрала его.

А что стесняться?

Одеваюсь, смотрю в зеркало. Еще бы немного подкраситься. Жаль, что здесь нечем. Зато можно воспользоваться магией.

Ныряю в Изнанку, касаюсь дерева, стенки каютки становятся прозрачными, тают, обнажая взору спиральную радугу. Теперь я стою не на покачивающихся досках, а на черно-коричневом островке посреди бескрайнего океана. В воздухе парит гигантский кит, отбрасывающий на меня свою огромную тень. Где-то внизу снуют духи.

Взываю к ним с желанием немного изменить свою внешность. Это выходит далеко не у всех чародеев и совсем не получается у мужчин. Не знаю почему. Может, мужская красота не ценится духами, божками, и прочими здешними обитателями? А может, дело в природе магии – мужчины обычно в Тонком мире ведут себя резковато, из-за чего им легче вступить в контакт с одними сущностями, но труднее с другими.

Прямо передо мной черно-коричневый грунт начинает блестеть. В нем образовывается небольшая ямка, которая быстро наполняется водой. Лужица начинает леденеть, её поверхность становится тонкой ледяной коркой, в которой я вижу свое лицо.

Уставшее, немного грязное, с большими кругами под глазами, растрепанными волосами. Провожу ладонью по холодной, щиплющей кожу поверхности и убираю следы усталости и недосыпания.

Теперь я такая же, какой была раньше. С румянцем на щеках, ясными глазами, без следа обветривания. Конечно, эффект временный. Может, продержится часов шесть, максимум – сутки. Потом все уйдет. Но и этого достаточно.

Возвращаюсь в реальность. В этот раз вернуться получается с трудом: что-то будто держит меня, цепляется за мою душу холодными, мерзкими щупальцами, не желает отпускать.

Но все же выскальзываю, прихожу в себя. Перед глазами все размыто и едва различимо.

Что это было? Демон? Неупокоенный дух? Какое-то заклятие, которое кто-то спрятал до поры до времени?

Возникает сиюминутное желание вернуться туда и разобраться, но понимаю, что это уловка. Некоторые сущности способны вызывать мгновенную зависимость и если поддаться им, можно навсегда остаться в Изнанке, уступив свое тело чему-то другому. Потому стараюсь выбросить

эти мысли из головы.

Смотрю на свою обувь – остроносые мягкие туфли, в которых удобно на корабле, никак не подходят под нынешний наряд. Благо, платье длинное, заметить под ним обувь трудно. Тут уже магия не поможет – придется идти в том, что есть.

Гляжу в зеркало – мой вид мне нравится. Темно-бордовое платье контрастирует с бледноватой кожей, камешки блестят в свете фонаря, слегка контрастируя с декольте, волосы не хотят лежать как нужно, но и в гнездо не превращаются.

Поднимаюсь на верхнюю палубу и тут же ловлю на себе взоры моряков. Слегка сжимаюсь, не желая ощущать их на себе. Не самое приятное чувство, когда на тебя смотрит высоченный громила без пары зубов во рту или карлик, головой едва достающий мне до пупа.

Корабль уже успел причалить. Чувствую доносящиеся из порта ароматы пряностей, слышу крики горожан, вижу, как десяток ребятишек устроил прямо на причале какую-то развеселую игру – один пытается достать длинной палочкой других, остальные же убегают и громко хохочут.

– Не сутулься, тебе не идет, – слышу голос Чевинфорда.

Оборачиваюсь, вижу, что он тоже переоделся – теперь на нем темные, отделанные кожей шаровары, сапоги до колена, черная рубаха расстегнута до пупка, под ней виднеются бледные кубики торса. Волосы он связал в хвост, а на голову надел широкополую шляпу с белым пером.

На поясе капитана висит сабля с фигурной рукоятью, на плече кожаная сумка. Миш все так же сидит на его плече и смотрит вокруг большими глазами.

Наверное, большинство женщин хотели бы познакомиться поближе с Чевинфордом. Если бы не знали, кто он такой и чем занимается...

– Айсен, ты за главного, – говорит он что-то ищущему в большом ящике фон Манлингеру.

Тот поднимает голову, кивает, смотрит на меня и хитро усмехается.

– А ты возьми денег из общака, поброди по порту, найди нам пяток матросов, дозорного и знающего Кардемикану проводника. А после сходи с ними за припасами и погрузите их на борт.

– Чародея искать? – хрипит Айсен.

– Нет, не нужно, – отвечает капитан.

Уверен же он, что я останусь.

По небольшому мостику мы сходим на берег, и я вижу скрывавшийся за деревьями город. Он стоит на холме и хорошо виден отсюда. Красные и оранжевые черепичные крыши, под которыми прячутся белые домишки,

огромная ветряная мельница нависает над городом будто исполин, на вершине холма виднеется старый замок с серыми стенами.

Поднимаю взгляд и не верю своим глазам. То, что поначалу показалось странноватой тучей, на деле оказывается огромным китом, парящим над городом. Кит взмахивает хвостом, словно плывет, двигает плавниками, поворачивается, идет по кругу...

Как это возможно? В Изнанке – да, но не здесь! Может, я и осталась в Тонком мире, а вокруг – лишь порожденная демоном галлюцинация?

В недоумении смотрю на Чевинфорда, ожидая объяснений.

– В замке на горе когда-то была резиденция здешнего ордена чародеев. Не знаю, что за магию они практиковали, это было еще до меня, но как-то они призвали сюда это создание, – объясняет он. – Это одна из причин, из-за которых церковь не особо лезет в местные дела. Считают, что его призвали с помощью черной магии или договора с Тенью. Всяко, он помогает местным освещать город и не пускает сюда зиму.

Приглядываюсь, и вижу, что от кита к земле идет сеть проводов и трубочек. Словно паутина, они расползаются по всему городу, касаются крыш и уходят в дома.

– Никогда не слышала ни о чем подобном, – еще больше удивляюсь я.

– Церковь запрещает одни виды магии, а существование других просто игнорирует, – отвечает проклятый капитан. – Не удивительно, что в академиях подобного не изучают.

– А чародеи, создавшие это, где они? Интересно было бы перенять их знания.

– В один прекрасный день они все пропали, а замок нынче аномальная зона, притягивающая демонов и Теней. Лучше туда не входить. Идем, я знаю одно место, где мы могли бы хорошо провести время.

Я оглядываюсь вокруг, вижу вполне обычное место – играющих в карты мужчин, гоняющихся друг за дружкой ребяташек, подростков, прыгающих с пристани в воду. Откуда-то доносится легкая, приятная музыка. Уличные артисты показывают какую-то сценку. Возле стены небольшого оранжевого домика приютился портретист, предлагающий каждому проходящему мимо написать его портрет.

– Я иначе представляла это место, – размышляю вслух. – Ты говорил, что тут прибежище разбойников. Думала, тут на каждом углу грабежи, разборки, убийства...

– Это нейтральная территория, любой пират это знает. Существует такой себе договор между преступным миром. По нему в этом месте можно продать награбленное, найти людей в команду и прочее подобное. А вот

выяснять отношения нельзя. Любой, кто займется грабежами или выяснением отношений здесь, попадет в немилость ко всем остальным. А значит, ему будет трудно передвигаться, он не сможет рассчитывать на ремонт и торговлю здесь. Станет изгоем.

– И бандиты согласились на это?

– Все понимают, что от этого каждый в выигрыше, – объясняет Чевинфорд. – Самый отъявленный негодяй может прибыть сюда и спокойно продать награбленное. Если же есть желание устроить разборки – для этого полно других мест.

– А если бы Архиепископ прибыл сюда – ты бы убил его.

Проклятый капитан несколько секунд молчит, потом смотрит мне в глаза взглядом, от которого мурашки бегут по коже.

– Да, – кивает он. – Но давай не будем о нем.

– Что, если твои воспоминания поддельные, – говорю я. – Ты об этом думал? У восточных шаманов, теневых магов и много кого есть магическая практика внушения чужих воспоминаний. Церковь не одобряет таких практик, но...

– Давай не будем об этом, – прерывает меня он, однозначно давая понять, что разговор закончен.

Какое-то время мы идем молча. Я рассматриваю местных жителей. Почти все чернокожие. У нас редко встретишь подобного. Их одежда простая и легкая – ситцевые рубахи, брюки, юбки, раскрашенные в пестрые, не всегда сочетаемые цвета. На ногах что у мужчин, что у женщин плетеные сандалии. Интересная мода.

Здесьнего языка я не знаю. Хотя иногда слышится ломанный всеобщий, но в основном их речь чем-то похожа на карканье ворона. Иногда мне кажется, что они говорят обо мне.

Над головой пролетает кит. Никогда в жизни я не видела таких огромных китов! Наверняка он создан при помощи магии. В отходящих от него во все стороны проводах что-то пульсирует. Будто бы там мчится наперегонки стая светлячков.

Кит издает длинный, монотонный звук, чем-то приятный, а чем-то ужасный, похожий на стон, поднимается кверху, касается облаков, разворачивается и уплывает за высокие дома в несколько этажей.

Ко мне подбегает женщина-торговка, пытается надеть на мою шею бусы из разноцветных камешков, при этом улыбается и что-то бормочет на своем языке. Я тоже ей улыбаюсь. Здесьний народ выглядит веселым в отличие от наших.

– Нравится? – спрашивает Чевинфорд.

– Конечно, – отвечаю я.

Он достает из кармана кошель, расплачивается с торговкой, та смеется и кланяется. Бусы остаются на моей шее. Они большие, но в то же время легкие. Хоть такое украшение не сильно подходит к моему платью, но мне нравится.

Я чувствую легкость. Дышу свежим, теплым воздухом, смешанным с запахом пряностей и жаренного мяса. Верчусь, разглядывая себя в стекле витрины с непонятной надписью, снова хватаюсь за руку Чевинфорда. Из головы улетучиваются всяческие неприятности, все, что случилось за несколько дней. Хочется жить и радоваться жизни. Может, мне стоит остаться здесь?

Даже Миш, все так же сидящее на плече капитана, кажется, радуется. Зверек рассматривает все большими глазами, пищит, перебирается с одного плеча хозяина на другое, потом обратно. Затем прыгает мне на руки, мне едва удастся его поймать. Лижет меня в палец шершавым языком, попискивает, и снова возвращается к Чевинфорду.

Удивительное создание. Один его взгляд способен заставить думать о приятном. Может, именно его заслуга в том, что Чевинфорд еще не сошел с ума?

– Чаще улыбайся. Тебе идет, – говорит капитан.

И я улыбаюсь. Ощущаю себя маленьким ребенком, впервые попавшим на представление бродячего цирка с весельем и сладостями. Душа разрывается от счастья. Неустанно хохочу, находя смешное там, где его нет.

Вижу деревянный помост, на котором ансамбль из четырех музыкантов играет веселую мелодию. Вокруг пара десятков человек ритмично двигаются под музыку. Никаких привычных нам выверенных танцев, заученных движений и вычурной хореографии тут нет и близко – каждый танцует как хочет и никто никому не мешает.

Чевинфорд не говорит ничего, просто берет меня за руку и ведет к импровизированной танцплощадке, а потом начинает двигаться в такт незатейливой музыке.

Я какое-то время стесняюсь, оглядываю улыбчивых окружающих. Всем им нет до меня никакого дела. Они где-то в своих мирах, где каждому из них хорошо.

Музыка звучит все громче. Вижу улыбку Чевинфорда и не выдерживаю – бросаюсь в пляс. Мы беремся за руки, весело прыгаем, смотря друг другу в глаза. Ловлю в его зрачках отражения улыбчивых лиц, разноцветных домов, вновь проплывшего над нами кита.

На какое-то мгновение чувствую, что мы с ним одни в этом мире

буйства красок и музыки. Ну и Миш, конечно же, который непонятно как удерживается на его плече.

Беру его за руку, делаю оборот, как это учили на уроках хореографии. Сближаюсь с ним, легонько касаюсь пальцами его груди. Она теплая, даже горячая. Чувствую, как в ней бьется сердце.

Делаю шаг назад, пытаюсь вспоминать слегка позабытые движения из уроков мистера и миссис Пиквинг. Танец моих бывших преподавателей всегда смотрелся как идеальная форма искусства: математически выверенная, точная, строгая. Каждое движение имело смысл, даже самые маленькие нюансы устранились, и взгляду зрителей представало сосредоточение гармонии и точности. Вот только их натянуто улыбчивые лица после представления становились серьезными, немного грустными. Они не радовались, лишь давали друг другу комментарии в стиле "хорошо отработал".

В этом платье мне не очень удобно – оно узкое, где-то жмет, в другом месте натирает, не дает свободы ногам. Оно создано не для удовольствия, а для демонстрации.

Чевинфорд совсем не умеет танцевать. Его движения совершенно бессмысленны и несуразны, но в них есть что-то прекрасное. Глядя в его глаза, понимаю что. Истинная радость, не скованная правилами, запретами и законами. Он прыгает вокруг меня, берет мое запястье, плавным касанием тянется вверх. На какой-то миг, всего на долю секунды, он касается к моей груди, отдергивает руку, отходит, снова подходит и проводит ладонью по плечу.

Наши взгляды снова соприкасаются. Вижу его искреннюю улыбку, неумелые движения и ни капли стыда. Чувствую, что заражаюсь от него неумной энергией. Мои законы и правила в мгновение ломаются, словно картонная преграда под ударом молотка.

Хватаюсь за юбку дорогущего платья, тяну в разные стороны, оно с треском рвется, обнажая ноги. На какой-то миг стыд возвращается, кажется, что каждый, кто видел это, успел показать в меня пальцем и громко засмеяться.

Но подняв голову, не вижу ни насмешек, ни устремленных в мою сторону пальцев. Все веселятся как и веселились. Мгновенно забываю все вычурные уроки танцев из академии и пускаюсь в неудержимый пляс.

Чевинфорд смеется. Мы с ним неловко прыгаем друг напротив друга, то соприкасаемся, то отстраняемся друг от друга. В какой-то момент он хватает меня под руки, начинает кружить. Детали мира сливаются воедино – лица окружающих, парящий над головой кит, музыканты с диковинными

инструментами, разноцветные наряды.

Закрываю глаза и все исчезает. Чувствую лишь его объятия, слышу дыхание, мягкое касание губ, щекотание языком мочки моего уха. Словно бы проваливаюсь наизнанку мира, где нет ничего, кроме нас двоих.

Он все крепче прижимает меня к себе. Все сильнее целует. Его горячие, как угли, пальцы касаются моей кожи.

Слышу, как замедляется музыка. Чевинфорд все плавнее кружит меня, а потом ставит на землю. Я хохочу, хоть картинка перед глазами все еще пляшет. Музыкант на непонятном языке оглашает новую песню. Люди вокруг хохочут и аплодируют.

Ноги подводят меня, и я уже вижу себя распластавшейся по земле, но проклятый капитан вовремя хватается меня под руки, не позволяя упасть. смотря друг на друга, мы продолжаем смеяться, наслаждаясь взглядами друг друга.

Начинает играть медленная мелодия. Чевинфорд обнимает меня обоими руками, а я обнимая его, и мы медленно кружимся, отрываясь от всего мира. Закрываю глаза, вдыхаю запах его черных волос, сильнее прижимаюсь к нему, чувствуя себя в безопасности. Никто не может нам помешать. Не здесь, не сейчас, и никогда.

Кладу голову на его плечо и открываю глаза. С каждым мигмом взгляд выхватывает что-то новое и необычное в этом перенасыщенном красками и улыбками месте. Затеиловая вывеска цвета радуги, полосатый конь с одетым в красно-оранжевые наряды наездником, ребенок, пускающий десятки мыльных пузырей, усевшись на ступеньки дома.

И пара человек, которые нарушают гармонию этого места.

Останавливаюсь, всматриваюсь, все еще пытаюсь убедить себя, что мне кажется.

Их двое. Чернокожий мужчина и белая женщина. Оба одеты в темные одежды. У обоих головы прикрывают темные шляпы. Конечно, это могут быть такие же приезжие, как и я, но монокли с красными стеклами выдают их происхождение. Монокли, с помощью зачарованного стекла которых, можно мгновенно опознать чародея и понять какой магией тот занимается.

Они смотрят на меня, а я на них. А спустя секунду оба движутся ко мне.

– Что-то случилось? Ты дрожишь, – говорит Чевинфорд.

– Инквизиторы, – отвечаю я, кивая в сторону пары.

Глава 9. Альбинос

– Отвернись. Не смотри на них, – говорит Чевинфорд, не снимая улыбку с лица.

Что он задумал? Не понимаю. Становится страшно, по коже ползет холодок. Но все же отворачиваюсь, продолжаю танцевать. Но теперь движения даются тяжело, будто на мои ноги надели тяжелые кандалы.

Чувствую взгляд в спину. Слышу голоса на родном языке. Из-за музыки и криков разобрать не могу, но, кажется, они произнесли мое имя.

Чевинфорд берет меня за руки, улыбается, все так же неумело пляшет. Но я смотрю не на него, а на Миш, в больших глазах которого отражается лицо чернокожего инквизитора с ярко-красным моноклем на глазу. Вижу его сосредоточенное, похожее на каменное изваяние лицо. Вижу, как он тянет ко мне руку. Чувствую его дыхание...

Проклятый капитан, не убирая улыбки с лица, резко выбрасывает вперед руку. Слышу хруст. Резко поворачиваюсь.

Вижу, как лицо инквизитора искажается от боли, но закричать он не успевает – пальцы Чевинфорда ударяют прямо в его горло, и тот начинает задыхаться.

Женщина за ним хватается за противомagicеский жезл, спрятанный у неё под пиджаком. Но мой спутник хватается за руку, не позволяя обнажить оружие, с силой наступает на её ногу, вертится, будто все еще танцует, оказывается за её спиной и толкает инквизиторшу в объятия коллеги.

Те выглядят как влюбленная пара, обнимающаяся посреди танцплощадки.

Проклятый капитан хватается за мое запястье, тащит меня в толпу. Я слеую за ним. Что они тут забыли? Почему напали на нас? Я ведь не прибегала к запретной магии, а Чевинфорд и вовсе не чародей.

Мы ныряем в узкий переулок между двух оранжевых домиков. Поворачиваем, идем через переполненный людьми рынок. В воздухе витает запах выпечки и фруктов. В ушах гремят голоса на чужом языке. Какой-то не совсем трезвый господин в соломенной шляпе чуть не сбивает меня с ног.

Мой спутник на миг оглядывается, одним движением срывает с пояса пьяницы кошель и подбрасывает его в воздух. Монеты со звоном падают на брусчатку.

– Деньги! – кричит кто-то.

Толпа начинает толкаться в попытке урвать побольше. Кто-то падает. Пьяный мужик что-то орет с лавочки, наверняка матерное. Мы проходим через еще один переулок, пулей проносимся через маленькую усаженную пальмами площадь, в центре которой брызгает небольшой фонтан. Потом протискиваемся между парой почти прижатых друг к другу домов.

Мне становится тяжело бежать. Жадно хватаю ртом воздух, чувствую, как потею. Повезло все-таки, что порвала платье. В нем и пары метров не пробежала бы.

Еще несколько поворотов, и мы оказываемся на блестящем в лучах солнца пляже. Горячий песок попадает в мою обувь и колет в ногу, заставляя сбросить туфлю. Прохладный морской бриз дует в лицо. Витающие в облаках чайки перекрикивают городскую суету.

Чевинфорд останавливается. В отличие от меня он совсем не устал. Я же чувствую, что сейчас упаду. Со спортом я завязала еще на втором курсе академии, сосредоточилась на учебе.

– Инквизиция? – говорит проклятый капитан, и его слова тонут в шуме в моих ушах.

Не в силах ответить, я только киваю. Сажусь на обогретый солнцем песок, опуская ноги в прохладную воду. Умываю лицо, от чего становится немного легче.

– Ты пользуешься запрещенными практиками?

– Нет, конечно, – отвечаю я, вглядываясь в россыпь рыбацких лодок на синем морском полотне.

– Значит, твой сбежавший друг выжил, и рассказал, что ты воспользовалась чем-то запретным, – проклятый капитан усаживается рядом. Миш с плеча перебирается ему на руки и Чевинфорд поглаживает своего питомца по блестящей шерстке.

И в самом деле, Инквизиция может прийти только за мной. Тем более, кажется, я слышала, как они произносили мое имя.

Зараза, почему?

Вспомнилось, как будущие служители их ордена посещали некоторые наши лекции. Их не любил никто – всегда молчаливые, выправкой напоминающие военных, всегда в униформе, ни с кем не разговаривали. Я так и не узнала имен ни одного из них.

Они не маги, даже наоборот – туда набирали и набирают только людей без магического потенциала. Они не могли создать даже самое простое заклятие, но и большинство магических штук на них не действовало. Зато они знали о чародействе все, даже больше, чем мы. Только им в деталях рассказывали о запрещенных практиках и запрещали обсуждать их с кем угодно, кроме своих.

Адепты их ордена есть во всех странах. Они имеют право взойти на любой корабль любого королевства, торговой компании или частное судно, приказать капитану повиноваться, и те обязаны слушаться, иначе получают срок за содействие ренегатам.

Единственное их предназначение – отслеживать черных магов, некромантов, чародеев Тени и прочих отступников. И если среди магов часто встречались те, кто переступал закон: кто-то из интереса, кто-то ради большего могущества или желания помочь близким, то о предателе в стане Инквизиции я никогда не слышала и не читала. Зато слышала, что на их телах были магические метки, не пускающие лишние мысли в голову. Правда, их я тоже никогда не видела. Кто знает, правда это или домысел.

Но почему они пришли за мной?

Не мог Ник сказать им, что я воспользовалась некромантией, гоэтией, призвала Тень или прочее подобное. Или кто-то выживший из команды "Южной звезды" постарался?

– Если за тобой охотятся, то стоит подумать о том, чтобы остаться, – говорит Чевинфорд, всматриваясь вдаль и мягко поглаживая питомца.

В моей голове мелькает неожиданная мысль.

Если это проклятый капитан нашел парочку друзей и сказал им припугнуть меня, чтобы мне захотелось остаться? Откуда я знаю, что это были настоящие инквизиторы? По красным моноклям для распознавания чародеев и антимагическому жезлу? И то и другое можно достать, не будучи членом Инквизиции, а особенно здесь, в пристанище бандитов и разбойников.

Смотрю на него с недоверием, он же улыбается в ответ.

– Знаю, о чем ты думаешь. Нет, это не я. Но если так хочешь уйти – в порту стоит корабль Морсена Кливенхольда. Он мой старый знакомый. Возит контрабанду в северные земли. Если хочешь – могу поговорить с ним, и он в целости и сохранности доставит тебя домой. Но решай быстрее. К вечеру нам нужно быть в море. Не хочу, чтобы Инквизиции пришло в голову обыскать мой корабль.

Я киваю.

Если Инквизиторы действительно ищут меня, то поймают, стоит мне вернуться домой.

Нырять в Изнанку, пытаюсь посмотреть свою ауру. У Инквизиции, конечно, свои способы, но мне известно, что у ренегатов души немного отличаются от других. Вдруг я действительно что-то натворила, а потом стерла себе память, чтобы забыть?

Пляж медленно отдаляется от меня. Пальмы меняются, сперва становятся больше, а потом превращаются в змей. У каждой из них по десятку-два шей и голов. Только что они выглядели как листья, впрочем, они и есть листья, просто отсюда чувствуется энергетика места. Может, здесь когда-то случилось убийство или кто-то провел ритуал черной магии,

который навсегда изменил вид места в Тонком мире.

Одни дома остаются такими же, как и были, другие превращаются в развалюхи с разбитыми окнами, облепленной штукатуркой и краской. Летающий кит отсюда выглядит еще крупнее, чем в реальности. Он покрывает собой весь город и воет так громко, что хочется оглохнуть.

По улицам города бродят еле различимые души. Одни яркие, а другие почти невидимые. Лишь контуры, по которым можно понять, что это не просто тень.

Приближаюсь к себе. Заглядываю в собственную ауру. Осматриваю её сантиметр за сантиметром, хоть понятия длины здесь относительны, как впрочем, и всего остального.

Моя душа такая же, как у обычного человека. На ней нет пятен использования запрещенной магии. Есть лишь множество угрызений совести. Может, инквизиторы ошиблись? Такое тоже бывает. Когда они арестовывали человека, а при более детальной проверке оказывалось, что он даже не чародей.

Собираюсь вернуться в реальность, но краем глаза что-то замечая. Поворачиваюсь, и вижу маленького беса, который прицепился к моей сущности. Он чувствует, что попался. Сразу же исчезает. Растворяется в Тонком мире.

Зараза!

Если ко мне прицепился бес, то он почувствовал какие-то следы магии Тени или чего-то подобного. Так просто он не цепляется. Да и вообще десятой дорогой обходит праведных чародеев. Но почему я ничего не вижу?

Выхожу в реальность, смотрю на Чевинфорда, который бросает в воду ракушки. Те весело подпрыгивают на волнах и исчезают в морской пучине.

– На мне был бес, – говорю ему.

– Что за бес? – спрашивая он, не отводя взгляд от моря.

– Мелкий дух-паразит, цепляющийся к источникам отрицательной энергии. Грубо говоря – к магам-ренегатам. Но моя душа вполне обычная.

– Может, он ошибся, этот бес? – Чевинфорд кладет руку мне на плечо, аккуратно спускается к спине, щекоча мою спину. От его прикосновений становится немного спокойнее.

– Они не люди. В таком не ошибаются. Это как если бы ты спутал еду и кусок железяки.

– Пьяный могу и спутать, – усмехается проклятый капитан, опуская руку к моим бедрам. Я же не могу успокоиться. Кажется, что в любой момент из-за угла могут появиться инквизиторы.

– Не переживай ты. Инквизиции тут немного. Но подумай, стоит ли тебе уходить, – Чевинфорд прижимает меня к себе. Миш, будто понимая, что он тут лишний, спрыгивает с руки капитана, находит в песке камешек и начинает им играть.

Чевинфорд же аккуратно гладит мои волосы, потом нежно целует шею. От поцелуя по моему телу будто проходит ток. А затем наступает расслабление.

Но разум все не может найти покой.

Что, если я тогда, когда спасала свою жизнь, воспользовалась чем-то запретным? Чисто случайно? Инстинктивно? Только тогда были бы следы. Или же использовала не я, а на меня? Ауры жертв проклятий часто имеют такие же признаки, как и ауры чернокнижников...

Но я не чувствую себя проклятой.

– Хватит бояться, – говорит Чевинфорд, принимается покусывать мое ухо. С каждым его качанием чувствую электрический разряд, пробегающий от кончиков волос до пят. Мне становится жарко, будто солнце усилилось и решило показать всем, кто тут хозяин.

– Я знаю что поможет тебе расслабиться, – говорит он, достает из наплечной сумки небольшую плетеную бутылку, в которых наливают вина в южных странах. – Киренакское красное. Держал на особый случай.

Он откупоривает бутылку, нюхает содержимое, усмехается, делает несколько глотков и передает напиток мне.

Пожалуй, он прав. Мне действительно хочется выпить чего-то и забыться. Меня никогда не тянуло к алкоголю, пробовала лишь пару раз, больше за компанию и из интереса, чем из желания выпить. Кажется, сейчас пришел тот самый момент, когда смотришь на алкоголь как на успокоительное.

Делаю несколько глотков, и по коже проносится волна приятного тепла. Вино терпкое на вкус и обжигающе холодное. Наверное, бутылку обработали какими-то алхимическими снадобьями или магией. Крепость почти не чувствуется, но голова начинает легонько кружиться, а лицо Чевинфорда слегка расплываться.

Проклятый капитан обнимает меня, аккуратно кладет на песок, я же оглядываюсь по сторонам. Вдруг кто на это все смотрит? Но рядом никого нет, лишь одинокие рыбаки сидят в своих лодках, и их точно больше интересуют поплавки, чем я.

Помогая Чевинфорду, расстегиваю свое платье, не хочу, чтоб он его порвал, не голой же до корабля добираться. Чувствую облегчение. Зря я выбрала этот наряд. Он точно не подходит под здешний климат.

От платья отрывается один из камешков, падает на блестящий песок, и я вижу в нем свое отражение. Оно слегка искажено. В нем мои глаза куда больше, чем на самом деле, а рот наоборот маленький.

Начинаю смеяться над своим видом, замечаю отражение Чевинфорда. Он тоже потерял свои пропорции – нос выглядит длинным, лоб высоким, глаза – один больше другого. Вижу и чувствую, как он проводит языком по моей шее. Кажется, что он слизывает с меня пыль, которой я была покрыта с самого рождения, но как только её убирают, кожа начинает дышать и чувствовать. Слышу его дыхание. С каждым мигмом оно становится все более частым и отрывчатым.

– Останься, – шепчет он, убирая платье с моего плеча и обнажая плечо.

Я не отвечаю. Мне не до этого. Моя кожа горит новыми ощущениями, перед глазами простирается светло-зеленое море, которое я неумышленно черпаю из Изнанки. Стараюсь не упустить ни одного мгновения, ни единого касания. Легкое головокружение от вина добавляет ощущений. Стоит закрыть веки и приходит легкое покачивание, будто все еще нахожусь на корабле.

Окончательно избавляюсь от платья, чувствую тонизирующие прикосновения Чевинфорда к моему животу. Его пальцы поднимаются выше, начинают массировать мою грудь.

– Представь, если сюда сейчас придут инквизиторы, – усмехаясь, шепчу я.

– Хоть полюбуются. Они же дают обет безбрачия, – шепчет проклятый капитан, целуя меня в щеку.

– Не слышала о таком, – усмехаюсь я.

– У меня был один бывший инквизитор в команде. Когда зашли в порт – он неделю не вылезал из борделя, – говорит он, нежно массируя мое бедро.

– Не думала, что они бывают бывшими.

– Еще как бывают, – шепчет Чевинфорд и целует меня в губы.

Голова кружится еще больше. Поверхность подо мной качается еще сильнее. Беру бутылку с вином, делаю еще глоток, и тут же чувствую легонький укус за сосок. От него все тело вздрагивает, пальцы разжимаются, бутылка падает, а содержимое выплескивается на меня.

– Хорошее было вино, – говорит Чевинфорд, слизывая напиток с моего живота, прижимает меня к себе настолько сильно, что кости готовы вот-вот сломаться.

Я вскрикиваю, но мне приятно. Чувствую возникающий внизу моего живота жар и спонтанно ныряю вместе с проклятым капитаном в Изнанку.

Дома за мной становятся больше. Вырастают до самых небес. Некоторые из них снова превращаются в развалюхи без окон и с облепленной штукатуркой. Это их будущее? Не знаю, да и мне все равно. Ощущаю себя малюсенькой песчинкой посреди мира великанов. А мир растет в бесконечность. Трава такая огромная, что самые высокие деревья не могли бы соперничать с ней.

Смотрю в глаза Чевинфорда. В них отражается океан. Бескрайний, бушующий. Проклятый капитан все сильнее прижимает меня к себе, изучает пальцами мое тело, я же пытаюсь изучить его.

– Так ты останешься? – спрашивает он еле слышным шепотом.

– Останусь, – отвечаю я.

Мы сливаемся в бесконечном поцелуе.

***

Вечер в порту красив. Над темно-фиолетовом небесном полотне одна за другой вспыхивают звезды. Чувствуется легкая прохлада. Запах и вкус легкого бриза. Совсем не так, как у нас, в наших портах.

Людей становится все меньше. Из города слышится громкая музыка, смешанная с воем небесного кита. По улицам медленно ходят влюбленные пары. Дежурящие своих клиентов торговцы цветами и украшениями то и дело набрасываются на них, предлагая все, что только можно.

Даже жаль отплывать отсюда.

Чевинфорд внимательно осматривает людей, которых он просил нанять. Всего их пятеро – высокий, широкоплечий детина со слегка идиотским выражением лица, бородач в грязном камзоле, парень-подросток, очевидно на место дозорного, узкоглазый уроженец востока с выбритой наполовину головой, и альбинос.

Последний и привлекает мое внимание. Не потому, что я никогда ранее не видела альбиносов. После эпидемии пигментной лихорадки они встречаются часто. А потому, что в его внешности скользит что-то знакомое.

Он высокий, жилистый, с длинной копной белоснежных волос, завязанных в хвост. Его лицо чем-то похоже на скалу – высокий, будто вырезанный из камня лоб, прямой нос, худые щеки. Чем-то он напоминает змею, готовую в любой момент броситься на добычу. На нем плащ до колена без рукавов, а под ним темно-бордовая рубаша с дырой на локте. С пояса свисает кобура с пистолетом и саблей.

– Ты кто такой? – спрашивает его Чевинфорд.

– Меня зовут Налькар, – сухим, безразличным тоном отвечает альбинос. – Неплохо фехтую и стреляю, разбираюсь в картах, умею

ориентироваться на незнакомой местности. А главное – хорошо знаю Элисалию и Кардемикану.

Не нравится он мне. Впрочем, чисто по виду мне не нравятся и все остальные, как и большинство команды "Вендетты". Но от этого альбиноса будто бы веет чем-то нехорошим.

– Ладно, давай на борт.

Я ныряю в Изнанку, рассматриваю душу альбиноса. Та вполне обычная. Он не чародей, и уж тем более не некромант или реликт. Выныриваю, смотрю, как он поднимается на борт. Ступает туда с видом хозяина, будто это он капитан.

– Не нравится он мне, – говорю подошедшему ко мне Чевинфорду. – Не знаю почему, но что-то с ним не так.

– Мне тоже он не нравится, – отвечает капитан. – Но мы плывем в Кардемикану, трудно найти того, кто знает те места. Повезло, что мы его нашли.

– Он точно не Инквизитор?

– Как по мне – не похож.

– Зачем нам в Кардемикану? – спрашиваю я.

Слышала про те места. Абсолютно дикие, никем не обжитые острова, которые никому не нужны, потому что там едва ли не на каждом шагу магическая аномалия. Кто-то говорил, что там процветает организация магов Тени, а кто-то настаивает, будто там обитают драконы.

– Возможно, там мы узнаем, что же такое на самом деле Архиепископ.

Глава 10. Оборотень

Пытаюсь уснуть, но не могу. К постоянному покачиванию и крикам матросов на палубе я уже привыкла, но сон не приходит, хоть ты тресни. Поднимаюсь с кровати, одеваюсь, выхожу из каюты. Собираюсь подняться на палубу, но слышу тихое рычание. Похоже на какого-то зверя, но из представителей животного мира тут только Миш, а рычит явно зверь покрупнее.

Вспоминаю то существо, которому пробили голову на палубе "Южной звезды". Проклятый капитан – один из перевертышей. Только не чародеев, которые могут контролировать свое превращение, а проклятых, меняющих обличье спонтанно. Оборотней, грубо говоря.

Прислушиваюсь, и понимаю, что рык раздается не из капитанской каюты, а из той, что напротив. Каюта Айсена фон Манлингера. Это он обращается в зверя?

Подхожу ближе, заглядываю в замочную скважину, и вижу его. Он лежит на кровати прикованный к её ножкам тяжелыми цепями, а его тело

ежесекундно меняется. Руки то превращаются в огромные когтистые лапы, от одного взгляда на которые становятся не по себе, то снова становятся человеческими. Зубы Айсена удлиняются, еле помещаются во рту. Рот начинает обретать очертания звериной пасти. Его лоб – все еще человеческий, покрыт пленкой липкого пота. Глаза переполнены борьбы и отчаянья. Смирения с тем, что он вот-вот перестанет контролировать себя.

Он борется. Не хочет становиться зверем, но природа с каждой секундой все больше берет свое. Цепи трещат, кажется, что они вот-вот оборвутся. Один его зрачок сужается, становится похожим на тигриный, второй все еще остается человеческим.

Айсен то кричит, как человек, то рычит, как зверь.

Надо ему помочь...

Ныряю в Изнанку, и мир теряет очертания. Корабль пропадает, и я оказываюсь посреди небольшого островка. Здесь нет травы и живности – только чернейше-черная земля и грязь. Вокруг лишь бесконечное небо и ярко сияющая спиральная радуга.

Из грязи на меня смотрят глаза. Множество глаз. Некоторые из них человеческие, другие звериные. Земля под ногами дрожит, будто из неё что-то хочет вырваться. Айсен своей трансформацией изменяет и Изнанку, проецирует свои переживания в Мир духов.

Он все еще лежит на кровати, но та уже находится посреди островка. Все так же корчится в спазмах, все так же стремится удержать превращение, но зверь берет свое и с каждым мигom в грязи под ногами открываются все новые и новые глаза. Из грунта вылезает рука, затем нога. Оби будто говорят, чтобы я шла отсюда, но отступать не собираюсь. Подхожу к фон Манлингеру, но чуть не попадаю во внезапно открывшуюся прямо перед ногой пасть.

Смотрю на душу Айсена. Там тоже происходят метаморфозы. Её поглощает берущаяся изниоткуда чернота. Душа выглядит так, будто на неё вылили ведро черной маслянистой краски.

Пытаюсь разогнать проклятие, придержать его хотя бы на время, но то не желает уступать, все больше и больше поглощает дух человека.

Жалко, что я не ходила в академии на факультатив по изучению проклятий.

Понимаю, что с этим мне не справиться. Зато можно сделать иначе – вкладываю всю силу в помощь душе Айсена. Накачиваю её собственной энергией, делаю сильнее.

Начинает кружиться голова, чувствую, как по коже струится пот, но не останавливаюсь. Если вложить достаточно сил, он сам сможет побороть

превращение, как минимум на время.

Глаз, ртов и даже звериных ушей становится все больше. Они смотрят и слушают меня даже с небес. А я ощущаю, что слабну. Жаль, что под рукой нет усиливающего эликсира. Но не сдаюсь и продолжаю отдавать Айсену свою энергию.

Мое сердце готово выскочить из груди. Ощущение – будто я из последних сил бегу куда-то и не могу остановиться. Смотрю вокруг и вижу, что глаз становится меньше, а маслянистая оболочка, покрывающая душу ученого, понемногу отступает.

Значит, все не зря! Еще немного!

Ощущаю резкую боль. Не знаю от чего, а потом понимаю, что зубья вынырнувшей из грязи пасти все же добрались до меня.

Начинаю бояться, что сердце выскочит из груди или что останусь в Изнанке навсегда. От этой мысли по коже проходит дрожь. Тело лежит в коме, разум же блуждает в Мире Духов не в состоянии ни отойти в мир иной, ни вернуться в тело.

Глаза застилает белесая едкая дымка. Я закрываю глаза, полагаюсь лишь на чувства. Они говорят, что фон Манлингер справляется. Хищные глаза и рты закрываются. Пасть отпускает меня.

Слышу приглушенные, неестественные звуки, похожие то ли на шуршание, то ли на хлюпанье. А затем отключаюсь.

Открыв глаза, вижу перед собой лицо рыжеволосой женщины, которая пыталась спасти чародея от гибели. Разглядываю её лицо. Возраст дамы трудно определить – ей может быть как около тридцати, так и за пятьдесят. Её кудрявые огненно рыжие волосы заплетены в пучок на затылке. На подбородке виднеется небольшая родинка. А зелёные глаза смотрят прямо на меня.

– Как себя чувствуешь? – спрашивает она. Тон у неё веселый, будто она шутит.

– Более-менее, но голова немного покруживается, – отвечаю я, и осматриваю пространство вокруг.

Прямо передо мной стоит огромный шкаф с книгами и какой-то аппаратурой. Кажется, для переливания крови. В углу на столе покоится большая миска с водой. В другом конце – койка, и на ней кто-то есть. Присматриваюсь – вижу худощавого, покрытого татуировками человека, который в сознании, но даже не смотрит в мою сторону.

Рядом с ним столик с расставленными на нем пузырьками, микстурами, хирургическими инструментами. От их вида становится не по себе. Женщина видит это и прикрывает стол куском ткани.

– Не бойся, это не для тебя. Не надо было вмешиваться. Айсен уже привык к своим, – она прокашливается, – припадам.

– Я читала про проклятие оборотничества, – бормочу я. Мой голос кажется мне далеким.

– О-о, это совсем не проклятие. Впрочем, пусть Айсен сам тебе расскажет. Я Сеналия. Здешний врач. Дала тебе немного трав, должно полегчать. Если будет першить в горле – это нормально. Ты сильно истощилась. Больше пей воды.

– Да, уже легче, – киваю я.

– Тогда можешь идти, – говорит она. – А нет, постой. Вот, – она берет один из пузырьков со столика, протягивает его мне. – Если начнется сильное головокружение – выпей глоток. Не больше.

– Спасибо, – киваю я, беру пузырек, поднимаюсь. Голова все еще слегка кружится, но я рада, что помогла Айсену.

– И не делай резких движений. А лучше всего – пойди лежи.

Мне нравится эта женщина. Не знаю почему, она внушает доверие. Наверное, таким и должен быть врач.

Выхожу из каюты, вижу, что нахожусь на нижней палубе. Прямо передо мной рядом с висящим на стене фонарем стоит Айсен фон Манлингер. Он как всегда одет как подобает джентльмену – коричневый, идеально лежащий на нем костюм, аккуратно уложенные назад волосы, такие же аккуратные усики.

– Спасибо, мисс, хоть и не нужно было, – говорит он.

– Я должна была...

– Леди, вы, наверное, думаете, что это проклятие, – говорит он. – Но это не так. Будь это проклятие – я бы давно нашел кого-то, кто смог бы его снять. Здесь кое-что сложнее.

– А что же это? – с удивлением спрашиваю я.

– Пройдемте лучше наверх. Здесь не лучшее место для разговора.

Фон Манлингер поднимается по ступенькам, я следую за ним. Чувствую, веянье холодного морского бриза. Вижу, что уже почти наступило утро. Солнце еще не показывается, но уже красит небо в красно-бордовые цвета, словно бы говорит "готовьтесь к моему приходу". Несильный ветер гонит корабль вперед. Палуба почти пустая, лишь несколько матросов несут свою вахту.

Альбинос тоже здесь. Он не занят, стоит облокотившись на перила палубы, опустив голову вниз, явно о чем-то думая. Заметив меня, он бросает секундный взгляд, и снова возвращается в обычную позу.

Совсем не спит, что ли?

– Так что с вами? – спрашиваю я, поднимаясь за фон Манлингером на корму. Будь вы перевертышем – могли бы это контролировать.

– У проклятых, как, впрочем, и у магов-перевертышей, основная форма – это человек, – отвечает он. – У меня же – наоборот. Я родился зверем. Мой вид научился приспосабливаться, становиться на время человеком. Но, к сожалению, мой вид почти полностью истребили. Возможно, я последний представитель своего рода.

– То есть вы – реликт? – удивляюсь я, будто только что получила доказательства того, что мир плоский.

Айсен фон Манлингер кивает.

– Как и мои родители. И все мои предки до меня. Мы научились маскировать свое звериное начало. Мы даже научились быть людьми. Но, к сожалению, иногда природа берет свое обратно. Кен Ло готовил для меня микстуру, которая помогала постоянно оставаться в человеческой форме и превращаться лишь когда я сам этого желаю. К сожалению, он погиб, а мой запас микстуры закончился.

Я смотрю на него и не верю своим глазам. Передо мной одно из существ, которых считают вымершими? К тому же это один из всемирно известных ученых? Кажется, это сон. То же самое, если бы мне сказали, что король – вампир, а королева под платьем прячет длинный хвост.

Архиепископ – неизвестно что, один из известных ученых – реликт. Дальше вполне могу узнать и о кроваво-гастрономических пристрастиях монарха.

– А из чего он его готовил? Я изучала алхимию, могла бы попробовать.

– У него были какие-то свои рецепты, которыми он неохотно делился, а я и не интересовался. Не очень люблю магию. Не магов, а само колдовство. Я больше человек науки. Считаю, что если бы не было магии, людям пришлось бы много чего изобрести, чтобы выжить.

– Но ведь магия облегчает жизнь, – препятствую я. – Если бы меня здесь не было – кто бы направлял ветер? Кто бы чувствовал опасных существ из глубины?

– Вы, леди Анессьена, привыкли и не видите альтернативы, – усмехается фон Манлингер. – Вместо вас работала бы машина. Машина, которой не нужен ветер. Машина, испускающая звуковые волны, которые отражаются от существ в глубине, и дают на судно знать об их присутствии. У меня есть чертеж подобной машины. Но я сам не могу её построить. Тут нужны люди, оборудование, деньги. А обратиться я за помощью к властям любой страны или частным организациям – меня просто-напросто засмеют. Даже вы не верите, что это возможно. Но если

бы магии не было – нам пришлось бы изобретать и строить эти машины. Ученых было бы куда больше, чем несколько десятков чудаков.

– А если идеальный мир для вас наступит, то что будет с нами, чародеями? – спрашиваю я.

– Не знаю, – пожимает плечами он. – Может, магия изжила бы себя, а может, стала бы достоянием большинства, а не небольшой группки, которую обучила церковь.

– А как вы познакомились с Чевинфордом и оказались здесь? – спрашиваю я.

Бросаю взгляд на альбиноса. Он стоит все в той же позе и кажется мне, все слышит. Не нравится он мне...

– Я догадывался о том, что с Архиепископом что-то не так, еще до того, как об этом узнал наш капитан. Знал я Чевинфорда еще когда он охранял этого, простите за грубость, скота. Он был моим другом и единственным, кто был в курсе моей природы. У меня в силу моих особенностей более развит нюх, слух, зрение. А Его Святейшество пахнет не как человек, издает странные, не свойственные людям звуки. Я закрывал на это глаза. Думал, это из-за его магии или каких-нибудь эликсиров. А потом он узнал, кто я такой и кто моя семья. Он казнил их. Меня тоже хотел, но я смог сбежать. Впрочем, тогда еще считал его человеком, только фанатичным. А затем Чевинфорд связался со мной и предложил стать частью его команды.

Жестокая история. Мне становится жалко фон Манлингера. Он потерял все: родителей, престижную работу, научную деятельность...

Никто и не знал, что он и его семья – реликты. Наверняка в один прекрасный день к ним заявились инквизиторы во всеоружии и попросту всех убили.

Я отворачиваюсь, мой взгляд падает на альбиноса, который все так же стоит опершись о перила. Глаза его закрыты, и он словно бы спит, но в любой момент может сорваться с места.

– Он так и стоял всю ночь? – шепотом спрашиваю у фон Манлингера. Хоть альбинос и далеко, кажется, что он слышит каждое слово.

– Сказал, что сон ему не нужен, лишь временное спокойствие. Впрочем, это нормально для побывавших в Кардемикане. Видал я тех, кто прибыли оттуда. Бывает и похуже. Три глаза, пара языков во рту, рудиментарные конечности. Был у меня один знакомый, написавший целый научный труд о том месте. Никогда не подумал бы, что такое и вовсе возможно. Еще один аргумент в пользу того, почему магия – далеко не добро.

Про Кардемикану действительно рассказывают много чего удивительного и ужасного. Религиозные теоретики говорят, будто бы там находится имя Безымянного бога, от которого тот отрекся, приняв божественность, но имя взбунтовалось против него. Научные статьи описывают мощные всплески непонятной, меняющей все энергии. Конспирологи твердят об обитающей там организации незаконных чародеев, которая создала свое государство и влияет на мировую политику. Медики утверждают, что именно оттуда пошла чума.

И земля – не земля, и небо – не небо, как-то так описывал это место кто-то из там побывавшим. Никогда не думала, что окажусь там. Но ветер танцует в подобных крыльям летучей мыши парусах, корабль пританцовывает на волнах, а Кардемикана все ближе.

Вижу вышедшего на палубу Чевинфорда. Он зевает, протирает глаза. Со сна он выглядит умиротворенным, будто отшельник, который спрятался от людей, и наслаждается природой, не помня какой сегодня день.

Миш выпрыгивает из каюты вслед за ним, прыгает на плечо капитану, тот берет его в руки, легонько щекочет, от чего зверек радостно пищит. Затем он спрыгивает на палубу, забирается на канат и по нему забирается на мачту.

– Ведешь философские разговоры с Айсеном, – говорит он строго. – Проверь лучше, нет ли рядом циклонов.

Странно, но он ведет себя так, будто между нами ничего не было. Будто он то пылает ко мне страстью, то сожалеет об этом. А я до сих пор не знаю, правильный ли выбор сделала, согласившись остаться на его корабле. Хоть назад пути уже нет.

Ловлю взглядом альбиноса, который, кажется, даже не двинулся при появлении капитана. Будто бы он находится не здесь, а в другом месте. Сейчас глянем, что у него с душой.

Ныряю в Изнанку.

Спиральная радуга особенно яркая. Она светится так, что начинает слепить глаза. Отворачиваюсь, вижу, что рядом с кораблем плывут облака. Большие, серые тучи, грозящие в любой момент разразиться дождем. По тучам с треском прыгают молнии. На горизонте виднеется нечто, что я поначалу принимаю за воплощение Древа. Лишь приглядевшись понимаю, что это башня. Башня на облаках, над которой кружит огромный серебристый дракон.

Не знаю, вид ли это из прошлого, того времени, когда драконы действительно обитали в этих землях, или же настоящего – вдруг один или несколько из них сохранились. А может, это просто фантазии Тонкого

мира?

Вижу нависшую над собой исполинскую тень. На мгновение пугаюсь, но потом вижу того, кто её отбрасывает. Громадный белоснежный слон, величиной с целый город, проходит рядом с кораблем. Он идет совершенно беззвучно, звуков нет вовсе, от чего становится страшно. Никогда не видела астральных существ такой величины!

Слон проходит мимо, и вижу, что там, где должен быть хвост, у него еще одна голова. Громадина начинает отдаляться, и я наблюдаю за ней, пока она не тает в облаках.

Оглядываюсь вокруг.

Корабль похож на сотканный из прутьев плот, через дыры в котором можно заметить клубящиеся облака. Начинает пахнуть серой. На мгновение боюсь, что плот проломится и я улечу вниз, но успокаиваюсь. Это все-таки Изнанка, отражение вещей в ней не всегда соответствует реальности.

Среди душ матросов нахожу ту, что принадлежит альбиносу.

Она очернена, будто обгорела. Её хозяин явно пережил в прошлом что-то плохое. Не он ли совершил это плохое? Впрочем, после визита в аномальную зону другого ожидать не приходится. Странно, что побывав там, он возвращается туда снова.

Осматриваю пространство вокруг, вижу водоворот, который лучше бы обойти, слева, говорящую акулу прямо по курсу немного отпугиваю, и та уходит на глубину. Слегка подправляю ветер – так доберемся быстрее. А затем возвращаюсь в привычный, человеческий мир.

Изнанка тает, из неё выныривает лицо Чевинфорда, чувствую его прикосновение к своим плечам.

– Ты побледнела, – говорит он.

– Бывает, – отвечаю я. – Тонкий мир – то еще место. Лучше взять правее, можем попасть в водоворот.

Лишь сейчас начинаю ощущать слабость. Все покрывается легкой дымкой. Лицо Чевинфорда размывается. Он что-то говорит, но я не слышу – в ушах один сплошной шум.

Что случилось? Почему я слабну? Раньше ведь подобного никогда не было. Наверное, из-за того, что я истратила множество энергии на Айсена. Безымянный Бог!

Ощущаю, как меня кладут на доски палубы. Спустя секунду вижу размытое лицо Сеналии. Она дает мне какую-то горькую микстуру, глотаю, но лучше не становится.

Чувствую, как душа пытается найти путь в Мир Духов. Я умираю? Почему? От чего?

Становится страшно, а спустя секунду начинаю ощущать райское блаженство. теплая, приятная нега окружает меня со всех сторон. Ощущение будто я лечу в облаках, где нет никаких проблем и забот, лишь чувство полной свободы.

Взгляд все еще цепляется за реальность, хоть её картина с каждым мгновением тает. Что-то белое нависает надо мной. Чувствую чьи-то касания, но не понимаю что это. На мгновение приходит резкая боль, но сразу же утихает.

Снова бьется сердце. снова слышу свое дыхание и голоса. Белое пятно набирает форму. Вижу перед собой лицо альбиноса.

– Ей надо отдохнуть, – его голос ровный, механический, полностью лишенный чувств.

– Что с ней было? – спрашивает Чевинфорд.

– Яд миклонской кобры. Несколько часов после него человек ничего не чувствует, а потом начинает умирать. Если бы я не знал что делать, её душа уже слилась бы с Древом.

Альбинос смотрит на меня, потом на капитана.

– С вас причитается, – продолжает он и уходит.

– Миклонская кобра, – бормочу я. Что-то читала, но как же трудно вспоминать.

– Тут такие не водятся, – говорит Сеналия. – Она бы не выжила, попади сюда случайно.

– Значит, её кто-то пронес на борт и подбросил, – бормочет капитан себе под нос. – Обыщите корабль и найдите змею, пока она еще кого-нибудь не укусила. Всех, кого мы взяли в порту, ко мне.

Глава 11. Сомнительный договор

Потолок слегка расплывается и кружится над головой. Не могу понять все качается у меня в голове, или же ветер усилился. Ощущение, будто на мою голову водрузили здоровенную гиру.

– Она поправится? – слышу я приглушенный, отдающий эхо голос, хоть понимаю, что никакого эхо тут быть не может. Голос принадлежит Чевинфорду.

– Будет как новенькая, – отвечает Сеналия.

Её голос тоже звучит необычно.

– Кто же нам подкинул змею-то? – спрашивает она.

– Не знаю, – отвечает он. – Её нашли, но кто принес её на корабль, понятия не имею.

– Если бы не этот Налькар – её бы уже не было, – говорит врач. – Я понятия не имела что делать с укусом миклонской кобры. Уверен, что она

не сбежала от какого-то заклинателя змей и не попала на корабль случайно? Могла заползти в ящик с припасами, или...

– Нет, – прерывает её Чевинфорд. – Кто-то специально притащил её сюда. Заклинатели кобр обычно удаляют своим змеям ядовитые железы. Айсен составляет список всех, кто покидал судно во время стоянки. Кто-то мог купить её в порту и принести на борт.

– Зачем её убивать? – интересуется Сеналия.

– Я узнаю, – твердо говорит капитан и покидает каюту.

Поворачиваю голову, вижу, как расплываются бутылки с эликсирами и микстурами на полке, перетирающую что-то в ступке Сеналию. Из моей вены торчит прозрачный провод и ведет в закрепленную над головой бутылочку с темным содержимым.

И в самом деле, кому нужно меня убивать? Могли покушаться на Чевинфорда или Айсена. Но я-то кому нужна?

...а если так и было? Если змею приготовили не для меня, а для Айсена? Она укусила меня, когда я боролась с его превращением? Чтоб его все, Безымянный Бог!

А еще пока я тут валяюсь, на корабле нет мага. Значит, ветер неконтролируем, а рядом может появиться огромная хищная тварь.

Ерзаю, пытаюсь встать. чувствую разносящийся по всему телу жар. Ноги горят так, что на какое-то мгновение я даже вижу огонь перед глазами.

– Полежи, тебе надо отдохнуть, – говорит Сеналия, кладя руку на мой лоб. Она вздыхает, слышится плеск воды, а потом на мое чело кладут холодную, мокрую тряпку.

– На корабле ведь нет мага...

– Корабль идет по максимально безопасному, пусть и длинному курсу, – говорит она. – Не беспокойся, все будет хорошо.

– Убить хотели не меня, – шепчу я, слыша из своих уст чужой, незнакомый голос. – Айсена. Может, Чевинфорда. Не знаю. Точно не меня.

– Капитан во всем разберется, – говорит она. – Не переживай. Чевинфорда невозможно убить. Да и Айсена не так просто.

Закрываю глаза и чувствую, как кружится комната. Желтоватый свет фонаря то меркнет, то вспыхивает с новой силой. Я пытаюсь отключиться от всего мира, уснуть, и внезапно в моей голове рождается идея. Опасная, страшная, может не получиться, но все же идея.

Духи всегда рядом и для того, чтоб обмениваться между собой информацией, им не нужен язык. Они могли видеть кто именно принес кобру на корабль и с кем пытались расправиться с помощью неё.

Вот только смотреть в их память дорого стоит. Во многом все зависит от случайности – на какого духа попадешь и насколько он захочет показать мне произошедшее.

Я лишь раз в жизни это делала. И это было в академии, в лабораторных условиях, с заранее подготовленным духом. Детально все это учат лишь те, кто попадает на практику в полицию.

Но другого выхода, кажется, нет. Может, Чевинфорд и найдет злоумышленника, только может быть слишком поздно – тот может еще кого-то убить или попытаться потопить корабль.

Ныряю в Изнанку. На сей раз это дается тяжело, будто между мной и ней возникла непроходимая стена. Сил мало, потому организм всячески сопротивляется. Но все же преодолеваю преграду и вижу, как меняется все вокруг.

Стены корабельного лазарета исчезают. Бутылки с микстурами какое-то время просто висят в воздухе, но потом растворяются и они. На мгновение мне кажется, что я застряла где-то между Миром духов и реальностью – вокруг все то же море, по которому бегут белогривые волны, вдали показывается плавник кого-то из водных обитателей.

Но потом все же замечаю спиральную радугу. Она меньше, чем обычно. И почти не светится. Видны лишь расплывчатые очертания как её, так и ауры Сеналии. Её душа чистая и добрая. Она наверняка всю жизнь посвятила спасению людей.

Поднимаюсь, парю над бесконечным, сливающимся с горизонтом морем. Корабль становится похожим на большую тень, которую ничего не отбрасывает. А со временем превращается в дыру, зияющую рану в Мире Духов, которую я видела еще с борта "Южной звезды".

Края раны серебрятся, внутри что-то происходит. Страшно туда заглядывать, но другого выхода нет. Ныряю внутрь и вижу, как мир меняется на глазах. Кажется, что я нахожусь внутри огромного живого существа – кита, кашалота, или неслоха. Стены вокруг меня дышат, двигаются, меняются. Время от времени на стенах из мяса мелькают человеческие рты. Одни из них кажутся доброжелательными, другие сияют озлобленными гримасами. Внутри одной пасти виднеются чьи-то глаза, а из другой торчит рука.

Слышу натужный бой сердца, вой существа вокруг меня. Понимаю, что сама проецирую в Изнанку все эти видения из-за слабости. А рты вокруг меня принадлежат духам.

Обращаюсь к одному из них на их языке. Прошу увидеть то, что было. Дух молчит. Не знаю почему, но он меня даже не замечает.

– Ты можешь мне это показать? – спрашиваю у него, чувствуя, как мои ноги вязнут в чем-то липком и холодном. Но вниз смотреть не хочу, да и не могу. гляжу лишь на рот, из которого на меня кто-то смотрит.

Зубы вокруг начинают хищно щелкать. Не только эти, а все одновременно. кажется, что они отбивают странный, только им понятный ритм. Гул все нарастает. кажется, что мои барабанные перепонки вот-вот лопнут.

Закрываю уши, пытаюсь спастись от ужасающего звука. что-то во мне трепещет, будто пытается выбраться наружу.

– Я могу, – слышу голос изнутри себя. Слышу не ушами. а будто бы кожей.

Спрашивать, что это за сущность нет времени и сил. Сразу перехожу к делу.

– Чего ты за это хочешь? – спрашиваю его.

Снова слышу хищное щелканье зубов вокруг. Глаз в пасти хищно моргает.

– Потом скажу.

– Нет, говори сейчас!

– Не могу. Сам не знаю. Знаю лишь, что нечто ты для меня сделаешь, когда придет время.

– Не сделаю...

– Тогда и не увидишь что хочешь.

Я злюсь, из-за этого моя энергия тает на глазах. Чувствую. что меня то ли выбросит в реальность, то ли я останусь тут навсегда. Обращаюсь к другим призракам, но те не желают или не могут мне ответить.

– Согласна на сделку? – спрашивает дух.

Прикидываю что он может попросить. Много чего. Это может быть ильхариус, дух-клептоман, который захочет, чтобы я что-то украла. Может быть неуспокоенная душа погибшего тут человека, желающая вселиться в меня. Может быть и что-то безобидное. Человеку не дано полностью познать Изнанку и её обитателей, как минимум при жизни.

На мгновенье хочу бросить все и вернуться в реальность. Но понимаю, что подкинувший кобру человек все еще на корабле. Это может быть кто угодно – от палубного матроса и до кока.

– Хорошо, дух. Я согласна.

Говорю это спонтанно. Лишь спустя миг понимаю почему. мне страшно за Чевинфорда. по-настоящему страшно. От одной мысли что с ним может что-то случится по коже ползет мерзкий холодок.

– Тогда смотри, – отвечает дух.

Пасть растет на глазах. Глаз в ней моргает все быстрее и быстрее. Зубы оказываются надо мной, а потом смыкаются за моей спиной. Все происходит настолько быстро, что я не успеваю испугаться.

Меня обступает чернота. Холодная. вязкая, смердящая. Спустя секунду начинают прорисовываться образы. Человек. ребенок. Мальчик.

На вид ему лет восемь. Щуплый, смуглый, с большими глазами.

Он стоит в порту, где мы были на стоянке. Слышу крики чаек, голоса людей. Кажется, это не то видение...

– Видишь корабль на третьем причале? – слышится голос из-за стоящих рядом ящиков.

Голос искажен, в мире духов всегда так. Где-то слышала его, но кому он принадлежит – не знаю.

Мальчик кивает.

– Тебе нужно забраться на борт так, чтобы тебя никто не видел. Большинство команды или заняты ремонтом, или на берегу. Зайдешь в каюту мага. Она под кормой, дверь справа. И оставить там это.

Мальчик тянется за ящики и достает оттуда небольшой коричневый мешочек, в котором что-то двигается.

– А вот твоя плата, – говорит неизвестный. – Тут хватит чтобы вам с сестрой и матерью хорошо питаться целый месяц.

Довольный паренек на мгновение исчезает, а потом появляется с кошельком в одной руке и мешочком со змеей в другой. Он бросает кошелек в карман больших на него парусиновых штанов.

– Все понял? – спрашивает его неизвестный.

– Конечно, понял, – отвечает паренек с улыбкой на лице.

– Смотри, чтобы тебя никто не заметил. А если заметят, скажешь, что просто из интереса забрался, – наставляет его голос. – Главное – оставь это в комнате чародейки. Желательно на кровати, но так, чтобы она не заметила. Спрячь под подушку или простыню.

Мальчик кивает.

– Иди. Если не справишься...

– Знаю, знаю, я смогу, – прерывает паренек. – Постоянно ворую припасы с прибывающих судов, и никто меня не замечает.

– Тогда иди.

Я пытаюсь заглянуть за ящик. Хоть на миг увидеть лицо нанимателя. Но у меня не выходит. Словно бы нахожусь среди незримых прозрачных стен. Вижу лишь мальчика, который подбегает к кораблю, оглядывается вокруг, проверяя, никто ли не смотрит, ловко хватается за якорную цепь, с прытью обезьяны взбирается на борт.

Поднимаюсь выше и смотрю на все с высоты. Малолетний наемник прячется за бочкой от одного из пиратов, ждет, пока тот отвернется, проскальзывает под палубу, и вот он уже в моей каюте.

Картины перед глазами сменяются будто во сне. Вот я была на причале, а сейчас нахожусь на палубе, и наблюдаю, как паренек. стараясь не шуметь, открывает мою дверь, засовывает мешок со змеей под подушку, выбегает и прыгает за борт.

Пара прибывающих что-то на палубе матросов слышат плеск воды, смотрят с палубы вниз, но видят там лишь волны. А мальчик уже сидит на берегу, опершись о ствол огромного дерева, считает большие золотые монеты из кошель и по-настоящему радуется.

Значит, пытались убить меня! Ничего не мешало неизвестному сказать пареньку пробраться в любую каюту. Но он указал на мою.

Но кто? И зачем?

Начинаю дрожать всем телом и выныриваю из Изнанки. Вижу расплывающийся потолок, шкаф с бутылками, все так же что-то перетирающую в ступке Сеналию. Слышу голос откуда-то из глубины себя.

"За тобой долг".

***

– Он пытался убить именно меня, – говорю Чевинфорду.

Я сижу в его каюте. Подняться было тяжело, но я все же смогла, и не смотря на уговоры Сеналии, не захотела оставаться в постели. По моему телу бегает мелкая дрожь. Кажется, у меня жар. Но стараюсь не обращать на него внимание. Пересказываю капитану все, что показал мне дух.

– Это не мог быть кто-то из новичков. Он знал как все тут устроено, где искать мою каюту, – подытоживаю я.

– Тебе нужно выздоравливать, – капитан смотрит мне в глаза положив руки на стол и сложив пальцы в замок. Миш все так же сидит на его плече и внимательно наблюдает за всем вокруг.

– Я не буду лежать, пока здесь кто-то хочет меня убить, – препятствую я. – Сеналия тоже человек. Она не может постоянно находиться рядом. Она спит, ест, ходит в туалет. А тот, кто это сделал, может довершить начатое.

– Я поставил одного из матросов следить за всеми, кто входит в лазарет...

– Как тот, что пытался изнасиловать меня в трюме?

– Другого. Более надежного.

– Я не хочу там лежать, тем более без дела, – говорю я. – Пока я там, на корабле нет чародея.

– Ты сделала глупость, когда пошла в Изнанку, – капитан вздыхает,

смотрит мне в глаза. – В таком состоянии могла не найти выход обратно.

– Зато мы знаем, что...

– Я сам с этим разберусь, – прерывает он. – Ты на моем корабле и будешь делать как я скажу. Я за тебя в ответе.

Он поднимается, смотрит на меня свысока. Решил запереть меня. Да ну его! Нужно было остаться в порту.

– Ты остаешься отдыхать, – говорит он. – Но не в лазарете, а здесь. Магией будешь пользоваться лишь тогда, когда разрешит Саналия. До этого не будешь ходить в Изнанку, общаться с духами и все прочее. Даже если тебе кажется это правильным. Все поняла?

Он слегка улыбается. В его глазах пробегают огоньки. Он заботится обо мне, вот только я не хочу такой заботы в такой ситуации.

– Но я...

– Никаких "но", – прерывает он, склоняется ко мне, смотрит в глаза. – Все поняла? Скажи это, смотря мне в глаза.

– Да, – сдаюсь я, сжимая кулаки от злости. Не хочется мне здесь лежать.

– Хорошо, – усмехается Чевинфорд, легонько целует меня в лоб, будто проверяя, горячая ли она, потом выглядывает за дверь. – Кэнс, скажи, пусть принесут что-то поесть. Что-нибудь из того, что припасли на особый случай.

Потом он поворачивается ко мне, усмехается. Я привыкла видеть его строгим, человеком, которого боятся, которому не прекословят. Но сейчас передо мной стоит далеко не тот человек. Он выглядит заботливым и чувственным, хоть мне и не по нраву его забота.

– Сейчас принесут что-то поесть, – говорит он, усаживаясь на кровать рядом со мной и накрывая мою руку своей.

– Ты что-то узнал?

– Объявил команде, что если тот, кто сделал это, сдастся сам, и расскажет, зачем он это сотворил – сможет целым и невредимым сойти на сушу в ближайшем порту. Все здесь знают, что я не нарушаю слова. Но никто не сдался, – говорит он.

– Думаешь, кого-то подослал Архиепископ? – спрашиваю я.

– Возможно, – отвечает он. – Тот, кто это сделал, может сам не знать о содеянном. Его обработали магией, напоили эликсирами, он активизируется лишь когда нужно. Но почему он целился в тебя?

Чевинфорд хмурится. Его густые черные брови становятся единым целым. Лицо уподобляется камню.

– Я оставила у тебя те отметины. Они долго заживали, – говорю я. –

Ранение ножом мгновенно затянулось, но те отметины заживали как у обычного человека.

– К чему ты клонишь? – спрашивает он, берет с плеча Миш, садит на колени и принимается гладить зверька по блестящей шерстке.

– Вдруг я могу убить тебя. А тот, кто подбросил мне змею, пытался тебя защитить.

Чевинфорд вздыхает, смотрит будто сквозь меня. Не знаю, что он чувствует. Может, боится. Он долгое время считал себя бессмертным и тут появляюсь я, способная ему навредить. Наверняка будь это кто другой – капитан лишил бы его головы. Ради собственной безопасности.

– Я знаю свою команду, – говорит он. – И не представляю, кто мог бы пойти на такое по собственной воле. Всяко, я найду его, – он протягивает мне Миш, зверек прыгает мне на руки.

Какой же он милый!

Два больших глаза смотрят на меня, словно просят погладить. Что я и делаю. Зверек тихонько мурлычет.

– Мне нужно продолжать работу, – говорит он, поднимается, целует меня в щеку, и выходит, оставив меня со своим питомцем наедине.

Я расслабляюсь. Не знаю почему, но в каюте капитана мне куда спокойнее, чем в лазарете. Жар, кажется, понемногу спадает. По крайней мере меня больше не знобит. Зря я все-таки не посещала занятия по лечебной магии. Хотя от яда кобры и они не спасли бы. Тут нужно просто ждать пока организм его переработает.

Легонько поглаживая Миш, я погружаюсь в дрем. Каюта вокруг начинает кружиться, а непотребные мысли стучаться в голову. В какой-то момент мне кажется, что надо мной кто-то стоит, но открываю глаза и никого не вижу. Лишь слышу, как на верхней палубе звонит колокол. Чьи-то шаги. Крик дозорного. Вслушиваюсь.

– Корабль по правому борту, – кричит он

– Полный вперед, – доносится голос Чевинфорда.

Чувствую, как ускоряется корабль. Кажется, мы то ли удираем от кого-то, то ли догоняем. Понимаю, что наверху сейчас чародей точно лишним не будет и поднимаюсь с кровати. Быстро одеваюсь и с Миш в руке выхожу на палубу. Холодный ветер сразу же бьет меня в лицо. Над головой висят серые вязкие тучи, из которых вот-вот пойдет дождь.

– Я говорил тебе оставаться в каюте, – говорит капитан, смотря на меня исподлобья.

– Кажется, тут я нужнее, – говорю ему, и смотрю с кормы назад. Вижу, что за нами что-то гонится. Сперва кажется, что это корабль, но

приглядевшись понимаю, что нет. Я не представляю что это, вижу такое впервые, но понимаю, что от него нужно держаться подальше.

Глава 12. Чудеса Кардемиканы

То, что показалось мне кораблем, только если не приглядываться напоминает судно. Но стоит всмотреться – паруса начинают расплываться, корпус двигается так, будто не плывет, а парит в метре над волнами, вместо носовой фигуры словно бы снует рой мелких насекомых, да и само это образование состоит из серого дыма.

– Это магическая аномалия, – говорю я. – Мы от неё не удерем. Чем быстрее движемся мы, тем быстрее гонится за нами она.

– А если столкнемся с ней, то что? – спрашивает внезапно оказавшийся рядом фон Манлингер.

– Забудем кто мы, где мы. Нас будут преследовать самые жуткие кошмары, пока не умрем, – отвечаю я. – По крайней мере в книжке так написано. Лучше всего подойти ближе к берегу. Она там не сможет нас преследовать.

– Ближайший берег далековато, – говорит Чевинфорд, становясь за штурвал. Его недовольный взгляд скользит по мне. Он явно хочет, чтобы я отправилась обратно в кровать, но понимает, что без меня им не справиться.

Это правда. Без мага тут никуда и только чародей знает, что это такое и чем грозит.

Подобную штуку я вижу впервые, но описаний из книг и лекций преподавателей достаточно, чтобы сразу её узнать. Остаток Тени. Искажение в Изнанке, прорвавшееся в реальный мир. Оно копирует объект, стараясь вступить с ним в ментальный контакт, а дальше – свести с ума, заставить совершить самоубийство или напасть друг на друга. Ужасная штука.

Если бы она подошла поближе, её могли бы принять за дружественный корабль или остров. К счастью, встретились мы не ночью, когда издали ничего не понять.

– Скажи, что нам делать. Мы справимся сами, – говорит Чевинфорд.

– Тут нужен маг, – отвечаю я. – Аномалия существует не просто так. Она привязывается к чему-то в материальном мире. К чему-то одушевленному. Стая рыб, краб, спрут. Нужно найти это из Изнанки и отогнать.

Замечаю альбиноса, стоящего там же, где и прошлый раз. Не знаю, отходил ли он вообще. Ловлю на себе его взгляд, но долго смотреть он не желает, сразу же отворачивается.

– Мы попробуем подойти к острову, – говорит капитан. – На юге есть

несколько небольших островов, чтоб добраться туда уйдет несколько часов.

– У нас нет времени, – отвечаю я. – Сейчас аномалия присматривается. Еще минут двадцать, полчаса, час – и пойдет на сближение. А через два точно поглотит.

Капитан не хочет, чтобы я отправлялась в Изнанку. Смотрит на меня, что кажется, вот-вот прикажет этого не делает, а то и нацепит что-то подавляющее магию. Но он только смотрит. Понимает, что если этого не сделать, не только мне, а и всей команде придет конец, и наверняка жалеет, что не поискал еще одного мага.

А я ныряю в Изнанку, и мир перед глазами искажается. У кого-то увеличивается голова, а у кого-то удлиняются ноги, один увеличивается, другой уменьшается. Словно бы все вокруг превращается в гигантское кривое зеркало. Над горизонтом появляется спиральная радуга. Море высыхает на глазах, будто бы на днище находится исполинская губка, непрестанно впитывающая воду.

Она окончательно испаряется и корабль несется над обнаженным морским днищем. Над ним летают рыбы, по днищу снуют крабики, морская жизнь продолжает жить своей жизнью.

Небеса над головой сперва приобретают зеленоватый оттенок, а затем становятся синими. Спустя секунду по ним начинают бежать волны. Море уже там, над головой. Тут же только его дно, покрытое водорослями, кораллами и ракушками.

Привязавшаяся к нам аномалия тоже изменилась.

Она превратилась в огромного, сотворенного из дыма спрута, который двигая своими длинными конечностями, плавно летел за нами. Я приблизилась к нему, осмотрела. Теперь дым казался мне роем миниатюрных мушек.

Аномалия засветилась чем-то изнутри. Кажется, я видела душу, к которой она привязана. Но прежде чем добираться до неё, стоит попробовать другие методы.

Пытаюсь воззвать к теневой сущности, но она не понимает или не хочет понимать. Впрочем, на это я и не рассчитывала.

Создаю иллюзию корабля вместе с экипажем. На это уходит множество энергии, меня начинает трясти. Надеюсь, что аномалия погонится за иллюзией. Но она не обращает на неё ни малейшего внимания. Будто и не видит. Дымчатый спрут шевелит конечностями, словно бы насмехается над моими попытками отвадить его.

Придется добираться до души.

На мгновение отвожу взгляд, вздыхаю. Странно, конечно. Но куда

деваться?

Нырять в беспроглядный туман.

Становится темно. Нет ни звуков, ни запахов. Пустота давит на меня, пытается вызвать панику. Мне хочется побыстрее убраться отсюда. Что-то кричит изнутри, молит о выходе. Но я не сдаюсь. Иду дальше.

Тень рождает на свет разные картины. Дождь из огромных башен, падающих на головы людям, стаю огромных мух, у каждой из которых по пять глаз, ежа с человеческими руками, плывущего по вертикали вверх.

А спустя миг вижу Чевинфорда.

Видение проясняется. Становится схожим на реальность. Он стоит и смотрит сквозь щель за тем, как Архиепископ с помощью непонятной магии убивает министра.

На этот раз я вижу все со стороны.

Чувствую свои эмоции, а не Чевинфорда. И не понимаю, почему аномалия отражает этот момент. Возможно, она была тогда где-то рядом, и просто запомнила это. Может, она десятки или сотни лет блуждает по морю.

Или куда вероятнее то, что кто-то при помощи теневой магии дал бездушному капитану эти воспоминания. Поддельные или принадлежащие кому-то другому.

От этой мысли меня бросает в озноб. Если он ошибается? Кто-то манипулирует им, а Архиепископ этого не совершал?

Иначе как это могло оказаться здесь?

Все аномалии Тени, сколько бы их не существовало, это единое существо. Любой ритуал, совершенный с помощью Тени, остается в её памяти навсегда. Хотелось бы узнать больше. Исследовать аномалию. Но я слабу, времени у меня немного, а корабль нужно спасать.

Чевинфорд здесь младше, с короткой стрижкой, гладко выбрит. Но самое разительное отличие – его лицо. Он напуган. Сжимает кулаки, едва дышит, по его лицу катятся капли пота.

Прохожу мимо, пытаюсь задержать на нем взгляд подольше. Проникаю сквозь несуществующую стену.

В мое лицо ударяет холодный, колючий ветер. Он пронизывает меня с ног до головы, заставляя не смотреть. Аномалия из всех сил сопротивляется. Борется за жизнь.

За ветром появляется удушающая вонь, а потом ощущение, будто пространство сжимается. Вижу перед собой огромную пасть, готовую сомкнуться. Пасть словно бы состоит из воды. Из неё доносится жуткий, ужасающий рев, словно тысячи голосов одновременно молят о пощаде.

Пытаюсь позабыть о чувствах. О смраде и криках. Иду вперед. Пасть смыкается за мной, но холодный ветер все так же впивается в глаза не позволяя смотреть.

Вся дрожу. То зажмуриваюсь, то всматриваюсь в пустоту в поисках нужной мне души. Но вместо неё вижу сюрреалистичные картины. Огромные деревья, вместо плодов на которых растут человеческие головы. Исполинский, растянутый на все небо рот. Змею, извивающуюся в воздухе.

Все вокруг шепчет, голосит, велит убираться отсюда. Это не моя территория. Не территория людей.

Но я все иду, хоть и чувствую, что сил с каждым шагом остается все меньше. Понимаю, что или мне скоро придется выйти, или останусь тут навсегда и неизвестно, что тогда займет мое тело.

Внезапно начинаю падать. Будто бы земля выпала из-под ног. Вокруг бесконечная бездна и сплошная чернота. В ушах шумит. Но зато я вижу нужную мне душу. Не представляю, кому она принадлежит, кажется спруту. Из последних сил насылаю на неё испуг и чувствую удар. В глазах темнеет. Все кружится будто бешеная карусель. Вижу над собой белые пятна, слышу голоса и отключаюсь.

***

Вскакиваю и обнаруживаю, что подо мной кровать. Я вся в поту, мой желудок сводит от голоду, да и ощущение будто меня постирали.

Вижу рядом Чевинфорда. Он смотрит на меня и будто не знает что сказать.

– Проснулась? – наконец-то изрекает он.

– С аномалией вышло? – почти криком интересуюсь я.

– Вышло, вышло. Она ушла в другую сторону, – кивает он и слегка усмехается.

– Сколько я уже тут лежу?

– Три дня.

Что-о-о? Да он шутит! Не может быть чтобы я целых три дня провалялась в отключке. Поднимаюсь, смотрю в окно. Там ясный день. Вижу бескрайнее, сливающееся с горизонтом море, небольшой покрытый зеленью островок, порхающих над ним больших, красных птиц. Никогда таких не видела!

– Как мы плыли три дня без чародея?

– Сперва хотели зайти в один порт, поискать мага, но у Налькара в запасе оказалось несколько трюков, благодаря которым мы смогли добраться до Кардемиканы.

– Он чародей? – удивляюсь я.

– Нет. Просто умеет вычислять аномалии по движению воздуха, пугать хищников при помощи каких-то смесей. А на ветер и без того не жаловались. Лучше лишний раз не подставляться заходя в порт.

Безымянный Бог!

Я знала о подобных приемах. А главное знала кого им обучали.

Инквизиторов! Любой корабль Инквизиции должен быть способен какое-то время находиться в море без чародея на борту.

– Налькар – инквизитор! – выкрикиваю я. – Они владеют подобными штуками.

Во мне начинает закипать злоба. Я – единственный маг на борту, а значит, он пришел за мной. Или за фон Манлингером. Тот и вовсе реликт. Но учитывая, что в портовом городе за мной они охотились...

– Какая разница кем он был раньше? – отвечает Чевинфорд. – Умения инквизиторов могут быть полезны. Здесь мне плевать, кто кем был раньше. Да и я сам в свое время был прихвостнем Архиепископа.

– Может, это он подбросил змею? – говорю я ни о чем не думая.

– А потом поставил тебя на ноги? Я нашел виновника, – спокойно отвечает Чевинфорд. – Один из матросов. Он сам сознался. Его оставили на необитаемом острове по пути сюда.

– Зачем он это сделал? – удивляюсь я.

– Кто-то хорошо ему заплатил. Этого кого-то наверняка здесь нет, он остался в порту, – говорит капитан, а его взгляд скользит по мне. – Готова к делу? Мы входим в Кардемикану. Там уже без мага никуда.

Я киваю, хоть все еще чувствую легкое недомогание.

В тот же момент в каюту вваливается повариха Селина с неизменной улыбкой на лице. Она тыкает мне своими ручищами блюдо, на котором располагается кусок белого мяса, немного нарезанных овощей и похожий по цвету на кровь соус.

– Поешь, лучше будет, – говорит она, и только сейчас я понимаю, что живот сводит от голода. Только откуда тут белое мясо, киренакские огурцы? Это ведь деликатесс, который мало кто себе может позволить. Только один из сотни таких огурцов достигает зрелости, а мясо достать еще сложнее. Снежные туры или косогривые олени водятся только в северных широтах и их невероятно трудно выследить.

Спрашивать откуда здесь это взялось, не успеваю. Уж очень хочется поесть. Хватаю кусок мяса, бросаю в рот и, почти не пережевывая, глотаю. Как там говорил Люциус Молте? В море не место этикету? действительно, не место, еще и после нескольких дней в отключке.

Не успев доесть, вспоминаю, как соприкасалась с Тенью.

Воспоминания молотом обрушиваются на голову. Помою молодого Чевинфорда, как он смотрел за метаморфозами Архиепископа, убийством министра. Только если это воспоминание, то что оно там делало?

Кусок застревает в горле.

– Те твои воспоминания – они ненастоящие! – почти кричу я, давясь едой.

– Успокойся...

– Я была там, – продолжаю я – Видела твои воспоминания. Кто-то с помощью магии Тени внушил их тебе.

Он смотрит мне в глаза. Зверек на его плече тоже. Потом садится рядом.

– Я знаю что видел, – говорит он спокойно, будто объясняет мне какую-то нерушимую истину, которую я почему-то не усвоила. – Знаю, что видел. И ты это видела. Может, у тебя галлюцинации?

Я качаю головой и по его виду понимаю, что доказывать что-то бесполезно. А может, у меня и в самом деле галлюцинации? Нет, не может быть. Я видела это.

Только как и кто это сделал? И главное – зачем? Если его жену не убивал Архиепископ, то где она?

– Когда доешь, одевайся и жду тебя на палубе, – говорит Чевинфорд и удаляется вместе с Селиной, оставляя меня в одиночестве.

Безымянный Бог, но ведь это было! Срочно нужно что-то делать. Как-то доказать Чевинфорду, что Архиепископ – совсем не тот, кем он его считает. Иначе он убьет невинного человека.

Только как? Если бы чуть больше знать про магию Тени и то, как она работает....

Но, к сожалению, академия давала только общие сведения, при чем под таким соусом, что любой правильный чародей смотрит на неё как на зло. Впрочем, может, она и есть зло, может покорить человека себе. Тень в ответ за использования себя всегда требует чего-то ужасного. Обычно жаждет человеческой жертвы, но бывали случаи, когда ради сложных ритуалов теневые маги истребляли целые семьи, а то и поселения.

Я доедаю. одеваюсь в парусиновые брюки и темно-синюю рубаху, поднимаюсь на палубу, чувствую легкое дыхание ветра, запах моря, слышу плеск волн..

И впрямь – мы рядом с Кардемиканой.

Как бы это место не выглядело – даже тот, кто ни разу здесь не был, его узнает.

На небе четко видна черта, будто кто-то разделил его надвое и окрасил

в разные цвета. Над нами чистая голубизна, по ней плывут белые мягкие облачка и ярко светит солнце. За чертой – сплошные черные тучи и пляшущие на них молнии. Облака клубятся, вспыхивают синевой, но никуда не двигаются, будто остановились отдохнуть.

Над морской гладью висят прямо в воздухе два корабля. Один из них перевернут вверх дном и касается своими мачтами волн. Паруса натянуты и показалось бы, что судно плывет, если бы оно не висело пузом кверху.

Совсем новый фрегат, который, кажется, только вчера покинул строительные верфи.

А вот бриг рядом с ним явно старый. Трухлявое дерево, центральная мачта сломана пополам, от парусов остались одни тряпки, в корпусе зияют дыры, но как-то, благодаря чему-то он держится над водой.

Вдали виднеется одна из спиралей радуги Изнанки, и на мгновение мне кажется, что я там, но вспоминаю, что Кардемикана – единственное место, где её видно в мире живых. Здесь она больше, немного согнута кверху, похожа на усмешку исполина.

– Что мы тут ищем? – спрашиваю я, смотря на Чевинфорда.

– Архиепископ плавал сюда каждый год. Будто бы проводил какие-то магические исследования. Но на самом деле – вряд ли. Может, тут он перестал быть человеком, – отвечает он.

– То есть, мне нужно найти место, где был Архиепископ? – удивляюсь я. – Но это невозможно. Кардемикана – полтора десятка островов. Чтоб найти следы...

– Я бывал тут, пока работал на него, – прерывает проклятый капитан. – На берег не ступал, но это был самый большой остров в архипелаге, на нем есть какой-то древний храм.

Храм, значит. И мне предстоит его найти. Непростая задачка. Здешние острова постоянно двигаются и время от времени меняют свой размер. Большой искать смысла нет. Но вот храм...

Выглядеть он может и совсем не как храм, но энергия остается всегда.

Нырять в Изнанку и вижу, что оба висевших в воздухе корабля изменили форму. Теперь это были огромные паукообразные насекомые, лишь издали напоминавшие суда. Кардемикана уже успевает забрасывать на нас свои удочки. Кто-то точно оказался не прочь забраться на борт этих "кораблей" и поискать чем поживиться. В итоге сам становился добычей водомерки-переростка.

Вижу за насекомыми огромный вихрь, столбом спускающийся с небес и упирающийся в море. Вихрь смотрит на меня. У него есть пара глаз и даже рот, которые не смотря на вращение, находятся на одном месте. Еще

одно непонятное здешнее создание.

Это место просто пронизано энергией. Но не той, к которой я привыкла, а другой – жесткой, своеобразной, неприятной. Она впивается в меня иглами, будто хочет изгнать. Создаю магическую сферу вокруг себя – долго она не продержится, но на какое-то время защитит.

Нужно искать центр этой энергии, а это проблема. Такому меня не учили.

Уверена, что не найду, я готова выйти в мир живых передохнуть, чтобы потом попробовать еще раз, но тут же замечаю другую энергию. Присматриваюсь – действительно, похоже на Архиепископа. След сильный, отчетливый, его явно оставил могущественный маг.

Может, Его Святейшество здесь? Нет, не обязательно. Просто Кардемикана может долго хранить отпечатки бывавших тут.

След тянется вперед, а потом поворачивает на восток. Кажется, туда нам и надо.

Возвращаюсь в реальность. Чувствую, как пошатывается на волнах корабль, слышу громкую песню кого-то из матросов, плеск волн.

Чевинфорд слегка обнимает меня за плечи, словно боится, что я упаду. Но я полна сил. Это место будто бы насыщает энергией, приглашает, чтобы в него вошли. Такой себе наркотик для магов...

– Нам туда, – указываю пальцем направление, а проклятый капитан приказывает поднять паруса. "Крылья летучей мыши" мгновенно распрямляются, наполняются ветром. Кардемикана становится все ближе. Чувствую, что это место живое. Оно будто смотрит в меня, проводит по спине липкими пальцами, то вселяет радость, то дрожь по всему телу.

Никогда не думала, что окажусь тут и увижу её собственными глазами.

Но больше Кардемиканы пугает проводник-альбинос. Он стоит все там же, где стоял раньше. Но в этот раз слегка повернув голову и вглядываясь в меня своими ясными глазами. Но несмотря на их ясность, чувствую, как они сверлят меня, как их взгляд бежит по моей коже.

Когда прибудем, нужно держаться от него подальше.

Глава 13. Старый знакомый

Небеса грохочут и гудят, молнии трещат над головой, ветер свистит в ушах, на голову падает холодный дождь. Как только капли долетают до земли, превращаются в небольших жучков и мчатся с корабля в волны. "Вендетту" качает так, что я едва удерживаюсь, уцепившись за перила. Все мои старания и попытки утихомирить шторм тщетны. Потому что это и не шторм, а исполинская магическая аномалия, всеми силами пытающаяся заставить нас поверить в то, что корабль вот-вот перевернется.

Судно и в самом деле бросает то в одну сторону, то в другую. Но что это? Стоит посмотреть в Изнанку – и вижу не море, а черно-коричневую землю, и множество торчащих из неё рук, которые бросают корабль, играют с ним как с мячом. Руки исчезают, и теперь вместо моря под нами гигантская змея.

Змея блещет чешуей, дергает хвостом. Заметив его, моргаю в желании отогнать наваждение, но все равно вижу позабытую великаном вилку вместо него.

Айсен фон Манлингер, костюм которого полностью промок, командует матросами, подвешивающими на борты корабля круглые грузы. Чевинфорд стоит рядом и смотрит все время на меня. За штурвалом стоит двухметровый детина-пират, которого ветру сдуть точно будет трудно. Все чем-то заняты, и только альбинос стоит там же, где и стоял. Стоит взглянуть на него – и начинает казаться, что это и не человек вовсе, а статуя.

По левому борту он нас огромный вихрь. Отсюда он напоминает серо-черную колонну, подпирающую небеса. Приглядевшись, вижу на нем два красных глаза и постоянно то закрывающийся, то открывающийся рот.

Постоянно меняются запахи и звуки. Иногда кажется, что рядом с кораблем орет чудовище, прыгаю в Изнанку, желая отогнать его, но не обнаруживаю монстра, возвращаюсь обратно – и слышу уже детский плач.

То пахнет корицей, то цветами, то несет помоями. Спиральная радуга то появляется, то исчезает. Иногда трясет так, что кажется, корабль вот-вот переломится пополам. Поднимаю голову и вижу бредущее по тучам стадо коров. Особей с двадцать, если не тридцать, медленно идут по тучам головами вниз. Стоит приглядеться – замечаю, что у коров человеческие головы с тремя глазами на каждой. Третий там, где должен быть рот.

Чевинфорд что-то кричит, но из-за воя ветра не могу его расслышать.

Подбегает матрос, объясняет что-то жестами, проклятый капитан кивает, и пират убирается в носовую часть.

Мачта начинает шататься. Кажется, она вот-вот переломится, словно стебелек.

Наконец-то слышу голос капитана.

– Можешь усилить притяжение и сделать воздушный кокон? Айсен воспользуется системой смещения тяжести или как она называется.

Я не уверена, что смогу, а тем более здесь. Если с воздушным коконом проблем, надеюсь, не будет, то управление гравитацией – трудная штука, на которую способен далеко не каждый маг.

Но корабль качает так, что он и сам вот-вот перевернется. Палубу

заливает водой. В лицо холодными иглами бьет ветер.

– Попробую! – кричу я. – Но пусть держатся сильнее.

Ныряю в Изнанку, картина перед глазами искажается волнами, качка успокаивается. Начинаю плавно лететь вперед. Знаю, что в реальности ветер не стих, просто тут я его не чувствую.

Вижу, как руки под кораблем то удлиняются, то укорачиваются, подбрасывая нас все выше. Вижу как из пастей, вырастающих прямо из земли, тянутся длинные, змеиные языки. Вижу Древо Духов. Тут оно выглядит давно умершим, черным, прогнившим. Лишь сухие лепестки ржавого цвета кружат вокруг него, будто не хотят улетать и не могут вернуться обратно.

Я берусь за дело.

Воздушный кокон получается сразу. А вот с гравимагией приходится помучиться. Тем более Древо тут едва живое. Взываю к духам, прошу их помощи, но слышу лишь тихий шепот поглощенных этим местом сущностей. Он тихий, еле слышный, и будто бы звучит изнутри меня.

Все здесь просит меня убраться.

Но я стою на своем, взываю к духам. Один из них откликается. Не вижу его, просто чувствую. Даже не знаю что это за призрак по классификации сущностей. Связываться с неизвестно чем страшно, но другого выхода нет.

Обращаюсь к сущности на языке духов, и та соглашается. Странно это все. Ничего не прося взамен?

Такого не может быть, но выхода нет – соглашаюсь, и чувствую палубу под ногами. Я будто бы намертво приросла к ней. Словно стала весить тонну.

Вылетаю из Изнанки и тут же почти падаю, но заклинание сильно держит меня. Корабль трясется как в агонии. Трещат доски, летят щепки, местами видны дыры в парусах. Передняя мачта наклонилась.

Чевинфорд смотрит на меня, кивает фон Манлингеру, тот дергает за рычаг и корабль начинает переворачиваться. Кто-то из пиратов стоит на своем месте как вкопанный, кто-то держится за борты и канаты. Наверное, дух не очень сильный.

На палубу льется вода, но останавливается, почти касаясь её, лишь небольшие капли проникают сквозь заслон и висают в воздухе, будто не зная, куда им дальше направиться. Щит получился на славу.

Вижу исполинского сома, величиной с быка. Наверное, его потревожила моя магия и он поднялся с дна. Брызги летают в воздухе. Голова кружится. Но в мгновение все затихает. Мы перевернулись.

Вокруг лишь вода и мечущаяся туда-сюда рыба. Не знаю как мы плавнем в таком виде – без парусов, без нужной формы. Но Айсен фон Манлингер наверняка знает. Он дергает за какие-то рычажки, кричит, что нужно натянуть продольный канат.

Мне страшно. Кажется в любой миг магия может развеяться и тонны воды хлынут на нас. Поднимаю голову, вижу смотрящую с дна огромную пасть. Её хозяйина я не заметила в мире духов, а ведь мог перевернуть нас только так.

Чевинфорд усмехается.

– Не знаю, сколько мы так продержимся. – говорю ему.

– Мы почти на месте, – отвечает он.

***

Энергетический кокон понемногу тает. Вода проникает внутрь, но ни падать, ни подниматься не спешит. Парить в воздухе в виде бесформенных пузырей. Из одного такого маленькая рыбка смотрит мне в глаза. Я же понимаю, что долго не продержу этот щит. Еще минут пять, максимум – десять, и все рухнет. На палубу хлынет вода и всех нас смоем на радость морскому дьяволу и его чудовищам.

– Поднимаемся! – командует Чевинфорд, фон Манлингер дергает за рычаг, и корабль мигом переворачивается. Он пулей выпрыгивает на поверхность, во все стороны летят брызги, под напором воды ломается одна из мачт и с треском падает на палубу, чуть не придавливая одного из матросов.

Пузыри падают вниз, разбиваются о палубу. Один из них опускается мне на голову, окатывая водой, от чего становится дьявольски холодно. Я почти падаю, но измененная гравитация все еще действует. Спустя секунду вижу, что море вокруг нас гладкое, как стекло. В нем отображается девственно чистое небо.

Немного дальше небо резко переходит в тучи. Там все еще бушует гроза, поднимаются волны. Над головой будто круг из облаков. Ровный, правильный. Но в центре тихо. Совсем рядом находится покрытый зеленью остров. Самый обычный остров, каких миллионы. Пальмы колышут листвой, доносятся звуки, похожие на крики обезьян, с деревьев поднимается стая красных птиц.

Сердце подсказывает, что что-то здесь не так, но глаза любуются девственной природой.

Вдали на острове виднеется заросшая зеленью постройка к которой, похоже, давно никто не прикасался. Храм? Похоже на то.

– Возьмем шлюпку, поплывем туда, – объявляет Чевинфорд. – Я,

Айсен, Налькар, вы двое и ты, Анесс. Остальные почините корабль. Янегир за старшего.

Я молча киваю. Смотрю на альбиноса, который стоит во все той же позе, облокотившись о борт. Услышав слова капитана, он едва заметно кивает. Рядом с ним проносится Миш, останавливается, тихонько пищит, но Налькар не обращает никакого внимания на зверька.

Насмотревшись на альбиноса, Миш прыгает на руки. Но не к своему хозяину, а ко мне. Он смотрит на меня своими круглыми глазами, пищит, издает свои звуки, похожие на "миш-миш", а затем взбирается на мое плечо.

– Говорил же, ты ему нравишься, – говорит Чевинфорд с улыбкой на лице. Минуту тому он выглядел отстраненно, будто пребывал в другом мире, но сейчас улыбнулся.

Я возвращаю улыбку, поворачиваюсь к Миш. Зверек смотрит на меня большими глазами, снова спускается на руки, давая себя погладить, и мчится к Чевинфорду. Тот смотрит, как на воду спускают шлюпку, и жестом приглашает меня к ней.

Проклятый капитан поддерживает меня за руку, помогая спуститься по веревочному канату, где, не давая упасть, придерживает Налькар. Увидев, что капитан смотрит, альбинос сразу же отводит взгляд в сторону, убирает руки.

– Причалим вон там, – четко и ровно говорит он и садится у носа шлюпки.

Его голос ледяной и совершенно лишен эмоций, но в нем проскальзывают удивительно знакомые нотки. Смотрю, как он поднимает глаза к небу. Готова поклясться, мы виделись с ним, и не раз. Но это будто бы случилось в другой жизни.

Чевинфорд спускается в шлюпку, садится, приглашает меня усестись рядом, чем я и пользуюсь. Пара гребцов налегает на весла, и лодка тихо идет к берегу. Все молчат, словно ожидают чего-то. Рядом проносится большой жук с блестящими крыльями. Над головой кричит птица. Не похоже на Кардемикану.

На мгновение ныряю в Изнанку и вижу остров отсюда.

Понимаю, что это не остров.

Огромное яйцо непонятного, громадного создания. Оно покрыто грунтом, на нем растет трава, высятся деревья, есть обитатели из животного мира, но это яйцо. Скорлупа в одном месте немного пробита, внутри что-то мелькает, яйцо сотрясается, а я выныриваю в реальность и вижу, что "остров" действительно живой. В небо взлетает стая птиц, с

пальм сыплются кокосы и листва, где-то трещит дерево.

– Оно живое! Это яйцо! – вскрикиваю я.

– Конечно, яйцо, – отвечает Налькар. – Яйцо гигаморфа. Вызревает полторы-две тысячи лет. Маскируется под острова, может создавать свою флору, управлять климатом. Последний гигаморф отдал концы пятьсот лет назад. Но это яйцо как-то сохранилось. Может, где-то есть и другие.

Вот, значит, почему тучи обходят это место. Гигаморф! Один детеныш, который вот-вот вылупится, будет величиной с город, а что говорить про взрослую особь! Эти животные могли дышать под водой и когда-то заселяли дно океана. Сейчас же -возможно, где-то в пучине и осталась пара таких.

Лодка мягко причаливает к берегу. Тот совсем как настоящий – с песком, травой, грязью. Только слегка содрогается, снова замирает, спустя несколько секунд опять начинает вибрировать, заставляя песчинки перекачиваться.

– Он не вылупится пока мы здесь? – спрашивает Чевинфорд у Налькара.

– До вылупления несколько дней, может, даже недель, – отвечает тот и первым ступает на берег. Потом лодку покидает Айсен, матросы, я, и в конце Чевинфорд. Миш на его плече беспокойно оглядывается по сторонам, будто чувствует что-то неладное. Это чувствую и я.

Поверхность постоянно дрожит под ногами, снизу доносятся похожие на вой звуки. Над головой проносится большая красная птица, садится на ветку дерева, и я вижу, что это не совсем птица. У неё человеческая голова. Морщинистая, как у старца, без одного глаза и куда меньше, чем у людей, но она человеческая.

Существо смотрит на меня единственным глазом, будто оценивает, а затем порхает ввысь, оставляя по себе хвост из серебристых пылинок. Таких существ я никогда не видала, да и никогда не увижу. Они созданы яйцом и вымрут, когда то вылупится.

Смотрю вглубь острова. Вижу заросли деревьев и кустарников, порхающих повсюду бабочек, переплетения лиан. Из зарослей доносятся крики животных и птиц. Пахнет травой и солнцем. Солнце пробивается сквозь листву и рисует на земле причудливые фигуры.

– Нам туда? – спрашивает Чевинфорд у Налькара.

Тот качает головой.

– Если пойдем так, выйдем на другую сторону острова. К храму не попадем. Нам по краю, – отвечает тот холодным тоном, и забросив на плечо ружье, направляется по берегу.

Капитан идет вслед за ним, я рядом, Айсен с матросами прикрывают тылы.

– Здесь нужно чего-то бояться? – интересуется Чевинфорд. – Дикие звери? Люди?

– Всего, – отвечает Налькар и резко отпрыгивает в сторону.

Вижу небольшого красного жука, на которого альбинос чуть не наступил.

– Если прикоснуться к нему – он вмиг вырастет до размеров бегемота, – говорит он. – Осторожно.

Аккуратно обхожу жука, всматриваясь в него. Тот лежит словно мертвый. Приглядываюсь и вижу, что у него на панцире не просто черные точки, а миниатюрные глаза. Здесь нашлось бы чем заняться зоологам из академии.

Иду вслед за альбиносом по покрытой желто-горячим песком отмели. Волны раз за разом выбрасывают на берег ракушки и камешки, а иногда мелкую рыбу и крабиков. Смотрю на стоящий неподалеку корабль. Отсюда он кажется небольшим, почти что игрушечным. Складывается впечатление, будто любая волна может опрокинуть его. Похоже, здесь какая-то иллюзия восприятия.

Берег снова начинает трястись, я хватаюсь за ветку ближайшего дерева, чтобы не упасть. Звук такой, будто с горы падает гряда камней.

– Осторожно! – кричит Чевинфорд. Перед моими глазами мелькает клинок его сабли. Я даже не успеваю понять что происходит, а спустя долю секунды передо мной на песок падает разрубленная пополам змея. Обе её части шевелятся, двигаются друг к другу, дотягиваются. Змея мгновенно срастается и уползает прочь.

– Она не ядовита, – спокойно говорит Налькар. Он стоит к нам спиной, не поворачивается. – Идете дальше или так и будем стоять?

Альбинос говорит это со злобой в голосе. Будто бы капитан – его злейший враг.

На лице Чевинфорда мелькает оттенок злобы. Налькар резко поворачивается, и их взгляды встречаются. Какое-то время они смотрят друг на друга так, что мне кажется, они вот-вот набросятся друг на друга.

– Ты командуй на своем корабле, – первым прерывает молчание альбинос. – Здесь же вы без меня – трупы. Я тебя не боюсь.

– И зря, – отвечает проклятый капитан, и кладет руку на рукоять сабли.

– Ты вроде как бессмертен. Но кто-нибудь пробовал отрубить тебе голову? Или порезать на части?

Откуда он знает о Чевинфорде?

– Успокойтесь. Оба, – вмешивается фон Манлингер. – Думаю, всем будет мало толку, если вы друг друга поубиваете.

Налькар вздыхает, опускает взгляд вниз.

– Идем, – говорит он, направляясь вперед. Остальные молча следуют за ним.

Альбинос начинает меня пугать. Иногда кажется, что он смотрит на нас затылком. Фиксирует каждое движение и готов в любое время напасть. Чевинфорд так и держит руку на рукояти сабли. Кто-то из идущих позади нас матросов проверяет пистолет.

Мы сворачиваем с пляжа в заросли. Под ногами хрустят сухие ветви. Деревья странным образом колышутся, будто по своей воле, а не от ветра. Кажется, что кто-то смотрит на нас со всех сторон. Хочется заглянуть в Изнанку, узреть, как это место выглядит изнутри. Но страх берет свое. Весь этот остров – одна сплошная магическая аномалия. И неизвестно что в ней обитает.

Земля снова дрожит так, что я почти падаю, но меня вовремя успевает подхватить Чевинфорд.

– Держись, – говорит он.

Я держусь. Вижу, что одному из матросов не повезло как мне – он лежит на земле, пытается подняться, и тут же что-то хватает его за ногу. Чтоб его, Безымянный Бог! Что оно такое!

Матрос кричит изо всех сил. Выхватывает пистолет, но не удерживает, оружие падает на опавшую листву и сразу исчезает в ней. Чевинфорд бросается к нему, но Налькар хватается за плечо.

– Сдохнуть хочешь? Его не спасти!

Я вижу то, что держит парня, даже имя которого мне неизвестно. Человеческие руки. Множество рук. Все они сделаны из листвы, но судя по оглушительному крику моряка, довольно цепкие.

Я инстинктивно ухожу в Тонкий мир, но тут же чувствую на плече руку. Белую, как снег, руку Налькара. Он каким-то образом сдерживает мою магию – у инквизиторов свои приемы.

Вот сволочь!

Поворачиваюсь, убираю его руку, оборачиваюсь к матросу, но того больше нет, как и его крика. Лишь листья немного шевелятся там, где он стоял, а рядом валяется оброненный им пистолет.

– С ума сошел! – Чевинфорд смотрит на Налькара. – мы могли...

– Ничего не могли, – прерывает альбинос, делая шаг назад. – Погибли бы сами. Не знаю, как называется эта тварь, но...

– Это не твои люди, и не тебе решать спасать их или нет! – проклятый

капитан достает саблю.

– Не надо! – говорю ему, но он полон решимости.

Альбинос делает еще шаг назад, Чевинфорд идет на него. Что-то щелкает. Из листвы поднимается веревка, хватает проклятого капитана за руку и уносит ввысь. Альбинос тут же хватается за свое ружье. Выстрел убивает одного из матросов, второй получает брошенный точно в грудь кинжал.

Стою и смотрю как завороженная. Вижу, как Налькар с прытью леопарда подпрыгивает к фон Манлингеру, ударяет саблей. Ученый падает.

Безымянный бог! Зачем он это сделал? Мое сердце рвется, словно птица в клетке. Ладони потеют. Пытаюсь что-то сделать, но Налькар все так же блокирует мою магию. Он хватается меня за руку. Я сопротивляюсь. Бью его по лицу, но он даже не моргает. Перехватывает мои запястья, сильно сжимает.

Я кричу, а он смотрит на меня мертвым взглядом полупрозрачных глаз.

Слышу собственный крик. Чувствую, как хрипнет горло. Как исчезают силы. А альбинос все так же смотрит прямо мне в глаза.

– Не узнала меня? – спрашивает он.

Что он такое несет? Выродок!

– Не узнала? А ведь для тебя прошло всего несколько дней, тогда как для меня – вечность. Я обещал, что заберу тебя от этих пиратов. Я выполняю обещание.

Смотрю на него и вижу знакомые черты. Тот, у кого я их видела, был лет на десять младше. И не был альбиносом. И он вправду обещал.

– Ник?

– Теперь Налькар. Впрочем, я всегда им был, просто с этруссианским именем трудно поступить в магическую академию.

***

– Идем, – холодным, механическим голосом говорит альбинос и тащит меня куда-то за руку.

Я сопротивляюсь, пытаюсь ухватиться за ветку, но он сильнее, к тому же блокирует мою магию. Что с Чевинфордом? Куда он...

Безымянный Бог!

Налькар сжимает мою руку все сильнее. Я взываю от боли. Кричу. Хочется прикончить его. За что он так?

Часть меня все еще не верит, что альбинос и рыжеволосый сокурсник, влюбленный в меня до беспамятства – один и тот же человек. Может, это какая-то иллюзия?

Продолжаю сопротивляться. Налькар хватается меня и перебрасывает

через плечо, как мешок с картошкой. Я изо всех сил колочу его кулаками по спине, но тот никак не реагирует. Тащит куда-то по зарослям, периодически останавливается, срубая саблей двухметровые тростники. Обходит странное дерево серо-металлического цвета. Останавливается, стреляет в кусты и оттуда выбегает животное с двумя головами, двумя лапами и зеленой шерстью.

Мои руки устают колотить. Дыхание сбивается. Кажется, что грудь вот-вот разорвется. Приходит головокружение, раз за разом переворачивающее мир с ног на голову. Вижу, как дрожит земля. Дрожит так сильно, что кусты буквально выпрыгивают из неё с корнями.

– Остановись, – задыхаясь, шепчу я.

Альбинос или не слышит, или не хочет слышать. Он не сбавляет темп. Идет быстро и ровно.

– Остановись! – говорю чуть громче, и Налькар останавливается. Снимает меня с плеча, опирает о шершавую кору дерева. Не могу устоять на ногах – сползаю вниз. Перед глазами все плывет. Альбинос двоится.

Вижу, как он достает из наплечной сумки бурдюк, открывает крышку, протягивает мне, дает попить. Жадно глотаю холодную воду, и мне становится немного легче, хоть дышать все еще тяжело, а тело дрожит, как листья под дождем. Не могу понять – меня знобит или двигается земля.

– Что ты сделал с Чевинфордом, – шепчу я.

– Он в ловушке. Вряд ли сам сможет оттуда вырваться, – отвечает он. – Похоже, он тебя околдовал. Что тут у нас? Следы запретной магии?

Он приседает и внимательно смотрит мне в глаза, затем щупает пульс, прикладывает руку к моей груди, от чего по моей коже пробегает холодок.

– Вернемся за ним...

– Кажется, тут у нас какое-то внушение, – говорит альбинос. – Эти пираты, похоже, тебя обработали.

– Никто меня не...

– Я – инквизитор. Мне более понятны такие симптомы, – прерывает он. – И я вижу следы довольно искусного внушения. На корабле явно есть еще один маг. Где он? Кто он?

– Нет на корабле других магов, – фыркаю я и изо всех сил залепляю альбиносу пощечину.

В тот же миг у меня с новой силой начинают литься слезы. Проклятие! Что он сделал с Чевинфордом? Почему он так изменился? Он сказал, что для него прошла целая вечность, но как это возможно? Почему я не узнала его по ауре?

Миллион вопросов. Ни одного ответа.

Все происходящее напоминает жуткий сон, который все не хочет заканчиваться. Но это не сон. Это происходит. И чем больше я всматриваюсь в лишенное пигмента лицо Налькара, тем больше узнаю Ника. Наверное, как-то так он и выглядел бы лет в тридцать с лишним. Может, он попал в какую-то аномалию? Но это не объясняет его цвет кожи...

– Идти сама сможешь? Здесь опасно, – говорит он.

Не знаю, смогу ли я идти, да и не хочу. Желая лишь вернуться назад. Узнать, что с Чевинфордом и остался ли еще кто в живых. Впрочем, для этого хватило бы и забраться в Изнанку, но между мной и Тонким миром будто выросла нерушимая стена.

– Ты не сможешь пользоваться магией, – твердо отчеканивает Налькар. Как он меня блокирует, даже не прикасаясь ко мне? Чтоб его...

Альбинос ступает ко мне, склоняется, и принохивается, будто пытается что-то найти, как собака. Странно, но у него нет запаха. Вовсе. Он будто стерилен.

– Что с тобой произошло, Ник? – спрашиваю я.

– Со мной? – он криво ухмыляется. – Ты даже не представляешь, что я пережил, чтобы спасти тебя от них. Я прошел через настоящие пытки. Добровольно. С одной лишь мыслью – вытащить тебя из лап ублюдков-пиратов. Идем. Здесь опасно.

Налькар снова хватаяет меня за руку, куда-то тащит по кажущимся бесконечными джунглям. Над головой слышатся крики обезьян и птиц, в траве трещат насекомые, неподалеку проползает ярко-алая змея, которую Налькар перерубает саблей, но та, как и первая, двигается, пытаясь сложиться.

Мы приближаемся к блестящему на солнце монолиту. Он совершенно не похож на природное образование. Явно сделан человеком. Прямые углы, ровные края, форма правильного многогранника. Его поверхность сделана из зеркал, в которых отражаются деревья и кустарники.

– Видишь? – Налькар показывает мне свое отражение.

Я всматриваюсь и вижу тусклую фигуру. Она куда меньше, чем я на самом деле. Лицо небольшое, сморщенное, осунувшееся, нос вытянут, глаза переполнены безразличием. Так выглядят смертельно больные. Альбинос же выглядит точно таким же, каким вижу его повернув голову.

– Что это? – спрашиваю я.

– Артефакт, созданный жившими тут когда-то магами. Такой себе детектор проклятий, внушений и прочих воздействий. Тот, на ком их нет, выглядит в нем так же, как и в реальности.

Я читала про подобные, хоть ни разу не видела. У магов Тени действительно был другой подход к магии и масса всевозможных придуманных ими штук. Только Тень требует жертв, зачастую человеческих. Неизвестно сколько людей погибли в кровавых ритуалах, чтобы этот артефакт работал. Значит, Налькар не врет.

Но откуда проклятие или внушение? Может, и правда на корабле меня кто-то обработал? Временами с Чевинфордом я делала то, что не сделала бы никогда в жизни. Почему?

Но ведь и до этого...

Я, не смотря ни на что, вытягивала жизнь из всех подряд. Простой инстинкт самосохранения? Или чье-то воздействие?

Если мне что-то внушили еще до отплытия? Например...

Безымянный Бог!

Я смогла ранить Чевинфорда. Может, Архиепископ как-то вложил мне в голову то, что я должна это сделать? А потом отправил на корабль, на который должны были напасть...

Но что?

Убить проклятого капитана?

Но почему тогда я этого еще не совершила?

Может, не пришло время? Может, Архиепископу что-то нужно от Чевинфорда. А потом в один прекрасный момент я перестану себя контролировать, и...

– Пошли, – Налькар дергает меня за руку.

От взгляда на теневой артефакт меня начинает болеть голова. Будто бы внутри сидит небольшой бесенок и непрерывно долбит в барабаны.

Бесенок...

Одно такое существо цеплялось ко мне. А еще Инквизиция...

Безымянный Бог!

Но почему я не вижу каких-либо изменений в своей ауре? Ответ может быть лишь один – чары наложил куда более искусный маг, чем я. Опытный, талантливый, умелый, много знающий о запретной магии. Например, сам Архиепископ.

Как же болит голова! С магическими воздействиями всегда так. Они начинают сопротивляться, когда о них узнают. Чувствуют опасность.

Постоянно оглядываюсь назад. Мне кажется, что за спиной слышатся чьи-то шаги и оборачиваюсь в надежде увидеть Чевинфорда. Но вижу лишь гнущиеся от ветра деревья, странных зверей с лишними конечностями, взмывающих из зарослей птиц.

Сердце сжимается, будто само пугается.

Смотрю вверх и вижу, что над нами повисла серая низкая туча.

– Нужно идти быстрее. Сейчас начнется пальцедождь.

Что такое пальцедождь я не знаю, да и знать не хочу. Но облако над головой кажется неувовимо странным, правильным, будто рукотворным.

– Куда ты меня ведешь? – спрашиваю я.

– Тут есть одна пещера, – сухо отвечает Налькар. – Там безопасно.

Я снова сопротивляюсь. Пытаюсь вырваться, но рука альбиноса сжимает как тиски. Нога скользит по земле. Я кричу, но на мне отвечают лишь животные. Из леса доносится рев, клацанье, завывание, хрюканье...

– Тише! Малефаруса разбудишь! Еще с его курами пустоты не хватало разбираться! – говорит Налькар, одновременно прикрывая мне рот рукой. Я кусаю его. Изо всех сил. Но он, кажется, даже не чувствует боль.

Когда отпускаю, вижу капли крови на его белоснежной коже.

– Успокоилась? – спрашивает он. – Пошли!

И продолжает тащить меня через лес. Понимаю, что сопротивляться тщетно. Даже если сбегу – вряд ли мне здесь выжить в одиночестве. От этого наступает ощущение безысходности. Все, конец. Не знаю, что со мной собрался делать Налькар, Ник или кто он такой, но он похоже сошел с ума и явно замыслил что-то нехорошее.

Перед глазами что-то проносится. Раздается стук. Опускаю взгляд и вижу человеческий палец. Откуда он упал?

Замечаю, что палец двигается и сгибается в трех местах. Жуть какая!

Спустя секунду рядом с ним приземляется еще один. Падает он точнехонько в лужу, и вода обрызгивает мое лицо. Земля вздрагивает, словно желая скинуть меня..

– Пальцевый дождь! Бежим!

Я бегу. Точнее ноги сами несут меня. Слышу удары вокруг. Перед глазами проносится еще один палец, и еще. Чувствую, что вот-вот упаду и так и случается. Зацепляюсь за сухую ветку и оказываюсь лицом в грязи. Открываю глаза и вижу тянувшийся ко мне палец. Машинально отползаю и тут же оказываюсь на руках Налькара.

Страшно. Очень страшно. Давненько мне не было так страшно. В ушах с каждой секундой стучит все сильнее. Не хочу смотреть вокруг. Вглядываюсь в лицо Альбиноса. Он бежит со мной на руках, но на его лице не дрожит ни один мускул, будто этот человек и вовсе ничего не чувствует. А грохот валящихся с небес пальцев с каждым мигом все усиливается.

Вижу чернеющий вход в пещеру. Там виднеется какое-то синее свечение. Еще один артефакт? Но когда Налькар заносит меня внутрь, понимаю, что нет.

Прямо передо мной в земле большое углубление, на дне которого из-под треснувшей скорлупы выглядывает глаз. Огромный, с вертикальным зрачком. Он слегка светится, освещая нависшие надо мной зубья скал.

– Здесь мы в безопасности, – говорит Налькар. – Гигаморф не подпустит к себе аномалии.

Глаз всматривается в меня и от этого взгляда кожа становится гусиной. Снизу доносится тихий стон, будто бы существу внизу очень тяжело.

– Садись, – говорит Налькар, указывая на небольшое возвышение.

Я слушаюсь. Скала холодная, но ровная.

– Ночью угоним корабль, – продолжает он.

– Что с тобой случилось, Ник? – спрашиваю я, всматриваясь в его лицо.

– Что со мной случилось? – он мгновенно меняется. Лицо наполняется злобой. – Я пожертвовал собой, чтоб спасти тебя. Потому что все еще тебя люблю. Я стал сильным, ловким. Я смогу одолеть треклятого капитана в бою!

– Не нужно. Он не такой плохой...

– Не говори мне этого. Тебе это все внушили! – альбинос смотрит на меня так, будто разочарован во мне.

– С тобой что-то сделали.

– Я сам пошел на это. Добровольно. Не веришь? Глянь! Давай, загляни в мою память!

Налькар садится напротив меня. Опускает голову, и я снова чувствую, что могу пользоваться магией. Но понимаю, что против инквизитора она бессильна.

– Давай. Загляни в мою память, – шепчет он.

– Хорошо, – отвечаю я, а по щеке катится слеза. Хочется быть подальше отсюда. Никогда не приплывать в Кардемикану. Мне жаль и Чевинфорда, и Ника.

Кладу руки на голову альбиноса и мир начинает играть яркими красками и кружиться. Начинаю видеть его глазами. Проваливаюсь в прошлое и чувствую, что для него это действительно большой срок. С того времени, как Ник прыгнул за борт "Вендетты" для него прошло двенадцать лет.

Глава 14. Воспоминания альбиноса

Колючая галька ударила в щеку. Больно, благодаря этому я понял, что спасся. Доплыл.

Подниматься не было сил. Плевать на идущий с моря холод и мокрую одежду. Встать я не мог. Перед глазами виднелись расплывчатые огни,

башня с флагом Инквизиции на крыше.

Нужно спасти Анесс! Во что бы то не стало. Проклятие! Она осталась там.

В голове все перемешалось. Выуживать воспоминания приходилось по одному. Я попытался встать, но нога скользнула, и я сильно ударился челюстью о каменистый берег. Встать! Во что бы то ни было надо встать и искать тех, кто сможет помочь.

Но тело не слушалось. И я пополз вперед. Прямо к башне.

Анесс! Ну почему ты не прыгнула со мной? Мы бы доплыли вместе...

Почему ты меня не любишь? Безымянный Бог, почему ты на первом курсе смотрела на этого идиота Сигизмунда, который переспал с половиной девушек академии, а не на меня? Может, я не самый умелый и самый красивый, но...

Зараза! Ты даже моего настоящего имени не знаешь. Может, стоило сказать, что я не Ник, а Налькар. Что наполовину этруссианец, и что нам магия всегда давалась сложнее, чем остальным.

Что я не хотел быть магом. Но увидел тебя на ярмарке, и на следующий день пошел в академию, представился вымышленным именем и сказал, что хочу вступить...

Я заметил, что обращаюсь к ней как к богине. В каком-то смысле она для меня ей и была.

Послышались шаги, голоса, в глаза ударил яркий свет.

– Маг? – над ухом прозвучал мужской голос.

– Да, но чистый, – ответил женский.

– Откуда он тут взялся?

– Наверное, устроился на корабль, поссорился с капитаном и оказался за бортом. Давай его к шефу, она решит, что с ним делать.

Меня схватили под руки, потащили к башне. Говорить я не мог, только стонал. Но был рад, что меня заметили инквизиторы и ведут к своему главному. Я чувствовал, что меня ведут по ступенькам вверх, старался поднимать ноги, помогая своим сопровождающим, но ничего не видел. Может, тут было темно, а может, ослеп.

Потом ощутил на себе струю горячей воды. Когда зрение вернулось, увидел, что я одет, лежу на кровати. На мне серая рубаша и брюки. Наряд похожий на тюремный. На миг я испугался, что инквизиторы ошиблись и посадили меня под замок. Но комната, в которой я находился, не походила на камеру. Скорее уж на больницу.

Несколько выставленных в ряд металлических кроватей, рядом с каждой из них – по маленькому шкафчику, начищенный до блеска пол и

большое окно, слегка прикрытое темно-зелёными шторами. В комнате никого, кроме меня, не было. Я поднялся, подошел к окну, к счастью, не обнаружив на нем решеток.

Отсюда виднелся каменный пляж, и море, раз за разом бьющееся волнами о скалы. Из-за горизонта медленно выплывало солнце, оставляя на морской синеве красный румянец. Значит, я провалялся тут не так и долго. Нужно кого-то найти и рассказать об Анесс.

Я направился к большой деревянной двери, но та открылась раньше, чем мои руки успели к ней прикоснуться.

С порога на меня смотрела женщина. Высокая, крупная, но не толстая. На её строгом лице не было ни грамма косметики. На её правой щеке виднелся давний след от ожога. Темные волосы она завязала в пучок, от чего её лоб казался слишком уж высоким. Темно-зелёный форменный китель Инквизиции и белоснежные брюки лежали на ней будто бы она в них родилась. А белая портупья с позолоченной рукоятью сабли и несколько медалей на груди дополняли образ.

Надеюсь, она меня выслушает.

– Энельсидра Верхил, – представилась она, протянув мне руку для рукопожатия. – Можно просто Сидра.

Безымянный Бог! Верхил... Это же второй человек в Инквизиции! Всегда думал, что Э. Верхил, упоминавшийся в массе статей – мужчина.

– Анесс, моя сокурсница...

– Тебя как зовут? – прервала она.

– Ник... То есть Налькар. Я...

– Потом расскажешь что произошло, – она кивнула и шагом военного вошла в комнату. Какое-то время она смотрела в окно, будто высматривала там что-то. Затем резко, будто по команде, повернулась ко мне.

– У нас нет времени! – позабыв с кем говорю, воспрепятствовал я.

– Как раз времени у нас полно. Целая вечность, – холодно ответила она. – Ты и так тут провалялся больше недели. Ничего не помнишь? Ты иногда просыпался, ел, пил, снова отключался. Тебя укусил морской верблюд. Повезло, что молодая особь – смертельной дозы яда тебе не досталось.

Я смотрел на неё и не мог поверить. Больше недели? То есть теперь Анесс неизвестно где, и проще найти иглу в стоге сена, чем её? Меня вмиг захлестнуло отчаянье. Пальцы сжались в кулаки.

– Но здесь время идет иначе, – продолжила она. – На этом острове раньше работала группа магов. Они смогли замедлять время в определенных местах. А потом, когда вышел эдикт о чистоте магов,

колдунов истребили. Но почему нам не пользоваться их наработками? За ту неделю, что ты здесь пролежал, – она подошла к окну и указала вдаль, – там не прошло и минуты.

– То есть мы еще успеваем спасти её? – я с надеждой всмотрелся в ясные серые глаза инквизиторши.

Она была по-своему красивой. Правильной. Идеальные, ровные черты лица, которые не изуродовал даже шрам, правильная осанка, четкий, ровный голос, пропитанный силой и решительностью. Не стань она инквизиторшей – могла бы работать певицей или актрисой.

– Мы? Мы никого не спасаем, – ответила она. – Это вне юрисдикции нашей организации. А вот ты успеешь сделать все, что тебе нужно.

– Как? – поинтересовался я.

– Есть одна, – Верхил секунду помолчала, – программа. Видишь ли, маги постоянно совершенствуются, изобретают что-то новое, обретают новые навыки. Мы же пользуемся тем, что придумали сотни лет назад. Если мы ничего не изменим, рано или поздно даже небольшая группа колдунов Тени или некромантов сможет стереть этот остров с лица планеты. Наши ученые построили машину, способную создать идеального инквизитора. Проблема в том, что для этого нужен подопытный. Маг, который добровольно захочет отречься от магии и пройти путь до конца. Согласие испытуемого и его желание закончить программу – обязательное условие. Иначе машина не срабатывает.

– То есть вы хотите, чтобы я...

Инквизиторша мягко кивнула.

– Мы уже проводили эксперименты. Но у подопытных не было цели, чтобы завершить программу. А у тебя она есть.

Разве это вообще возможно? Впервые слышу о подобном. Нельзя отречься от магии. Просто невозможно.

Какое-то время я был в смятении. Смотрел в пол и думал, как мне поступить.

– Можешь подумать. У тебя есть время, – сказала Верхил, смотря на меня.

– Я согласен, – ответил я.

Я спасу Анесс. Чего бы то не стоило, вырву её из рук пиратов. Даже если на это у меня пойдет вечность.

– Хорошо, – кивнула инквизиторша. – Завтра утром приступаем.

Она усмехнулась мне, будто бы говорила "все будет хорошо". Я прекрасно понимал, что хорошо не будет. Будет больно, мерзко, трудно. Иначе бы нашлось множество добровольцев. Но я выдержу все. Любые

испытания, лишь бы спасти свою любовь.

***

За мной пришли утром. Еще даже рассвет не наступил. Двое мужчин с угрюмыми лицами повели меня по лестнице вниз, потом по узким серым коридорам. Кажется, мы были в подвале под башней. За одной из дверей нас ждала Верхил и невысокий человечек лет пятидесяти. Он контрастировал с инквизиторшей как небо с землей. Растрепанный, с заросшим лицом, сбитыми волосами, в грязном лабораторном халате.

А еще тут была машина. Странная машина. никогда доселе я не видал ничего подобного. Железный агрегат занимал всю стену. На нем виднелись рычажки, кнопки, масса трубочек, перекачивающих субстанцию болотного цвета. Все эти трубочки вели к двухметровому стеклянному ящику. Тут пахло химическими реактивами и гарью. Что-то трещало, гудело, стрекотало. Звук был отвратительным, режущим по ушам.

– Раздевайся, – не поворачиваясь ко мне сказал неухоженный человечек. – Чего стоишь? Раздевайся!

Я немного стеснялся стоящей здесь Верхил, но она мягко кивнула, я снял рубашку, затем брюки, оставшись в одних трусах.

– Исподнее тоже, – все так же не поворачиваясь, будто смотря на меня затылком, сказал человечек. Он все время возился с машиной: вставлял в неё какие-то пузырьки, дергал за рычаги, смотрел на показатели круглых счетчиков.

Что?

Я повернулся, посмотрел на Верхил. Та вертела в руках длинную тонкую сигарету. Ткнула её в рот, закурила и, выпустив облако дыма, посмотрела на меня.

– Не стесняйся. Я не женщина. Я инквизитор, – холодно произнесла она.

Что же, хоть кто-то оценит мои прелести. Я снял трусы, покосился на инквизиторшу, но та даже не взглянула в мою сторону. Пялилась в машину.

Человечек в грязном халате окинул меня взглядом, кивнул, открыл крышку ящика.

– Пулевые ранения были? – спросил он.

– Нет, а что?

– Если в тебе остался кусок металла – умрешь через пять минут. Мучительно. Полезай сюда.

Верхил повернулась ко мне, затянулась, выпустила дым в потолок и кивнула.

Ну, за тебя, Анесс.

Я сделал шаг внутрь, дверца за мной закрылась и наступила полнейшая, гробовая тишина. Не слышались звуки работы машины, шаги ютящегося рядом с ней человечка, даже мое собственное дыхание. Вообще ничего. Хлопнул в ладоши, щелкнул пальцами – ни звука. Может, я оглох?

Неухоженный человечек о чем-то говорил с Верхил. Он активно жестикулировал, показывал в один из датчиков. Инквизиторша молча слушала, потом сказала короткую фразу, кивнула, и человечек потянул за какой-то рычаг.

Затрещало так, что я чуть было не оглох. А спустя секунду посмотрел на свое тело и увидел как по нему выются молнии. Стало больно. Ужасно больно. Я кричал. По щекам стекали слезы. Каждая мышца, каждая клеточка тела будто бы желала порваться на части.

Меня рвало, глаза лезли на лоб, все тело охватывали судороги. Вены взжудись и казалось, что они вот-вот лопнут. Кости хрустели, будто крошились в пыль. Но я держался. Не смотря ни на что, держался. Я должен спасти Анесс. Чего бы мне это не стоило, должен.

Кровь текла из моих ушей, рта, даже глаз. Кожа пекла так, будто под ней завелась муравьиная стая. Один из зубов вылетел и упал на дно прозрачной коробки. Я бился о стены ящика, падал, вставал, снова бился, но боль только нарастала.

Не знаю, сколько это продолжалось. Пять минут или несколько дней. Время потеряло для меня значение. Была только ужасная пульсирующая боль.

Иногда я забывал кто я такой и где нахожусь. Терял осознание мира. Словно бешеный зверь колотился в своей клетке с прозрачными стенами, но те казались нерушимыми.

Лишь воспоминание о моей Анесс приглушало боль. Я должен её спасти. Не смотря ни на что!

***

Дни проходили одинаково.

Я просыпался и меня сразу же вели в стеклянный ящик, где мучили до беспамятства, а потом я снова просыпался. Однажды я посмотрел в зеркало и увидел, что мои волосы и кожа полностью потеряли цвет. Я стал похожим на тех, кто пережил пигментную лихорадку. Но это волновало меня меньше всего.

Магия почти перестала чувствоваться. Изнанка была закрыта для меня навсегда. И я не жалел об этом. Маг с меня все равно был неважный.

В один прекрасный день я начал видеть сны. Странные сны, уж очень реалистичные. В них я узнавал о местах, в которых никогда не бывал, о

свойствах запретной магии, дрался, фехтовал, стрелял, управлял кораблем.

А потом дошло – это не сны, а воспоминания. Не мои, а других инквизиторов. Их опыт, фрагменты их жизни. В основном боевые ситуации. противодействие магам и прочее, что может пригодиться. Но было и иначе.

Я видел, как какой-то инквизитор убил собственную жену. Будто бы она использовала магию Тени. Потом доказали, что он ошибся, но ему было плевать. Было плевать и мне. На все, кроме Анесс. Я обязан пройти через это и спасти её.

Однажды меня разбудили не рядовые инквизиторы, а сама мадам Верхил.

– Одевайся и идем, – сказала она.

Мне было плевать почему за мной пришла именно она. Быстро надел брюки и рубаху, обулся, пошел следом за ней.

Как ни странно, она не повела меня в подвал. Мы вышли на улицу. Тут было солнечно. Птички пели, солнце грело, дул легкий ветерок и все такое, но мне было плевать. Я шел за ней будто машина. Понимая, что цель у меня всего одна...

Она привела меня на тренировочную площадку. Тут стояли куклы для отработки ударов, мишени для стрелков, столики с разнообразным оружием от кинжалов до ружей, и пять магов.

Не знаю как, но я сразу понял, что они – чародеи Тени. Двое мужчин, две женщины и одна девушка лет восемнадцати. Наверное. она была красивой. Я не знал. Больше не мог отличать красоту и уродство.

Они боялись. И меня, и мадам Верхил, и этого места. Не знаю как, но я просто нюхом ощущал их страх. Чувствовал как они потеют. Слышал бой их сердца.

– Убьете его и вы свободны, – сказала им инквизиторша.

– Действительно отпустите их? – я посмотрел на неё, не понимая, зачем это все. Может, это и вовсе не я, а чьи-то воспоминания в моей голове.

– Я знаю, что ты победишь.

В этот момент я ощутил магическое воздействие от одного из магов. Кто-то из них на моих глазах превратился в огромного зверя с черной шерстью. Один из мужчин метнул в меня молнию.

Не знаю как, но мне удалось увернуться от выстрела. Думал, это невозможно. Схватил со стола первую попавшуюся саблю и начал рубить.

Они сопротивлялись. Пытались накладывать на меня проклятия, заставляли мое тело чувствовать боль, заставили ослепнуть. Но все это мне

было ни по чем. Я видел их без глаз. Чувствовал запахи, слышал звуки и молча рубил, так, если бы передо мной был сухой хворост.

А когда закончил, не почувствовав ничего, просто просил саблю и посмотрел на Верхил. Только тогда заметил, что на её лице появились морщины, а в волосы прокралась седина. Значит, времени прошло достаточно. Я готов спасти свою Анесс.

– Прекрасно! – восхитилась Инквизиторша, стараясь не смотреть на отрубленные части тела. – Еще немного и мы пошлем тебя на первое задание.

– Мне нужно спасти Анесс, – отчеканил я, смотря ей в глаза.

– Об этом поговорим позже, – ответила она.

Тогда я впервые на неё разозлился. По её глазам понял, что она не собирается меня отпускать. Если её дружки могут вживлять мне чужую память, то почему не могут убрать мою? О той, ради которой я согласился на все это.

В тот же день я понял, что нужно уходить.

Ночью выбрался в окно, незамеченным добрался до моря. Заметил пришвартованную там яхту Верхил. Ей можно было управлять в одиночку, вот только стерегли её три человека и бойцовая собака.

Их смерть была быстрой.

Я незаметно подкрался к одному из них, вытащил его саблю и лишил инквизитора головы. Потом оружие полетело во второго. Собака бросилась на меня и я разорвал её голыми руками. Оставшийся успел выстрелить в меня из ружья, но для меня он был слишком медленным. Я с легкостью уклонился от пули, приблизился к нему и сильно ударил кулаком по голове. Убили или только оглушил – не знаю, да и мне было плевать. Забрал у одного из них одежду, собрал оружие и отчалил.

На острове слышали выстрел. Начали сбегаться люди, стрелять, даже погнались за мной на бриге с двумя сотнями человек на борту. Но яхта была быстрой, а ветер попутным. Мне не пришлось убивать их всех.

Днем следующего дня я прибыл в порт. Из воспоминаний, вживленных в мою голову, мне было известно, что если кто может вывести меня на корабль с красными парусами, то его нужно искать здесь.

Зашел в портовую таверну. Заказал пива и закуски. Алкоголь не пьянил, вкус еды не чувствовался. Я вообще ничего не ощущал, кроме желания вытащить свою Анесс из лап пиратов.

Но кого не расспрашивал о проклятом капитане – все хранили молчание. Они знали кто он. Знали где его искать. Я видел это по их лицам, чувствовал вранье в их запахе, замечал изменения в тоне. Но не хотели

говорить.

Я допил пиво и взялся за рукоять сабли.

Они расскажут мне все. Даже если мне придется убить их всех до единого.

И тут в таверну вошел человек. Он не был похожим на, собравшееся тут отребье. Аккуратный вид, костюм, усы, никакого оружия. Я узнал его. Он был на том корабле. Фон Малингер или Манлингер. Не важно. Он знал.

Я был готов пойти за ним, но тут он объявил, что ищет проводника в Кардемикану.

А я знал Кардемикану. Знал как свои пять пальцев благодаря чужим воспоминаниям. Знал о ловушке, способной обезвредить бессмертного капитана. Знал обо всех опасностях этого места.

Там я и спасу свою Анесс.

– Я знаю Кардемикану, – поднялся я и посмотрел в глаза этому напыщенному джентльмену.

Тогда же почувствовал, что он не человек. Не знаю как. Может, он странно говорил, странно пахнул или еще что-то. Может, это существо и способно было дать мне отпор, но не в Кардемикане.

– Как зовут? – спросил он.

– Налькар, – ответил я.

Ему что-то во мне не понравилось. Может. он тоже почувствовал, что я не тот, кем кажусь. Но все же, всмотревшись мне в глаза, сказал:

– Корабль в порту. Отправляемся вечером.

Глава 15. Пушистый спаситель

Я отрываюсь от Налькара, падаю на пол пещеры и на миг встречаюсь взглядом с исполинским глазом, смотрящим на меня из дыры в полу. Тот закрывается полупрозрачной пленкой. Наверное, ему тоже больно.

Безымянный Бог! Что инквизиторы сделали с Ником? Я чувствую всю боль, которую ему пришлось пережить. Как ему выжигали магию и эмоции, оставив лишь одну – любовь ко мне. Как заставляли убивать. Вкладывали чужую память, вытеснявшую его собственные воспоминания.

– Теперь ты понимаешь? – прошипел Ник.

– Понимаю, но не могу быть с тобой, – отвечаю я.

Он стал сильнее, его тело возмужало, но я все равно не чувствую к нему ничего. А тем более сейчас, когда он напал на Чевинфорда.

– Почему?! – кричит он так, что стены пещеры начинают дрожать. По зубьям и сталактитам разносится громкое эхо.

– Потому что я не люблю тебя, – отвечаю я, замечая, как он мнет пальцы от злобы.

Налькар уже не тот парень, что учился со мной в академии. Ник умер, так и не добравшись до того острова. На его место пришло чудовище, способное забрать жизнь у кого угодно, если тот встанет у него на пути.

– Ты одурманена, – будто змея, шипит альбинос. – Ничего, мы найдем средство избавления тебя от проклятия.

– Но я не...

Договорить не успеваю. Налькар бросается ко мне, резким движением рвет мою рубаху, начинает нюхать меня. Становится страшно. Боюсь пошевелиться. Кажется, что любое движение может заставить альбиноса обнажить оружие.

– Ты пахнешь так же, как и тогда, когда я был еще жалким мальчишкой, не способным заслужить любовь, – сквозь стиснутые зубы шипит он.

Даже не замечаю, как Налькар укалывает меня кинжалом. Вижу, как по животу стекает струйка крови, но боли все равно не чувствую. Сердце сжимается, будто в предсмертной агонии. В ушах начинает стучать.

– Не бойся, – шепчет альбинос, беря каплю крови на свой палец. – Небольшой тест. Кровь людей под магическим воздействием на вкус отличается от обычной. Разницу смогу почувствовать лишь я. Или вампир, если кто из них еще бродит по свету.

Он облизывает свой палец и криво улыбается. Потом кивает.

– Похоже, тебе в еду добавляли немножко экстракта листьев думургии, – шепчет он. – Редкое растение, готовящее разум к сильному внушению. Только подготовка с его помощью длится полгода минимум.

– Значит, на корабле мне ничего не делали, – говорю я.

А вот до...

В академии почти каждый мой день начинался с визита в столовую, где кто-то запросто мог подсыпать мне немножко тертых листьев думургии. Безымянный бог! Не просто так я похожа на Элени. Меня специально такую нашли и что-то внушили...

– Не важно. Значит, кто-то другой заложил тебе в голову привязанность к этому Чевинфорду. Не беспокойся. Когда прибудем на материк, я смогу найти нужные зелья и избавить тебя от этого, – Налькар смотрит мне в глаза.

Затем резко опускается, будто падает вниз, слизывает кровь с моего живота. Она размазывается по его бледному лицу, от этого кажется еще ярче. Альбинос улыбается. Ему будто доставляет удовольствие делать это со мной. Я же содрогаюсь от каждого его взгляда и прикосновения.

У него по-настоящему сумасшедший взгляд. По нему нельзя понять,

что он вытворит в следующую секунду. Черты его лица остались теми же, только старше, а вот глаза – будто от другого человека. Их взгляд бежит ко мне, а мимика альбиноса в этот момент меняется на глазах. Уголки рта то поднимаются, то опускаются, брови то сходятся в центре, то расходятся порознь.

Я делаю аккуратный шаг назад, и Налькар сразу же вскакивает. Прижимает меня к холодной и колючей стене пещеры и целует в губы. Я сопротивляюсь, но он сильнее. Его руки держат меня как тиски.

– Не надо, – шепчу я. – Пожалуйста!

Чувствую, как по моей щеке бежит слеза.

– Не надо...

– Я ради тебя прошел долгий путь, – бормочет он, проводя пальцем по моей щеке, вытирая слезу. – Я прошел через такое, что мало кому даже снилось. И все ради того, чтобы спасти тебя.

– Тогда не трогай сейчас меня, – молю я.

На мгновенье появляется желание прыгнуть прямо в исполинский глаз, смотрящий на нас из ямы в пещере. Даже делаю шаг к нему, но останавливаюсь. Налькар же смотрит на меня и растягивает рот в улыбке.

– Впервые за многие годы я чувствую, что живу, – говорит альбинос, мягко проводя по моей шее пальцем.

Его прикосновение холодное и зловещее. Ощущение такое, будто по мне ползет ядовитая змея. Я отступаю еще на шаг. Одного сантиметра становится достаточно, чтобы я упала прямоком в исполинский глаз. Вся дрожу, и чувствую, что дрожь сделает свое – я упаду. От этого горло будто тисками сжимает. Но подходить к Налькару еще хуже.

Он смотрит на меня и снова пускает в ход свою кривую ухмылку.

Во белоснежным зубам проходит лучик света. он явно видит, что я вот-вот упаду, но какое-то время стоит и просто смотрит.

– Иногда мне кажется, что это все сон, – изрекает он. – Что я проснусь и инквизиторы опять потянут меня на мучения. Но ты реальна. Ты не наваждение. Я слышу, как бьется твое сердце.

С этими словами он делает шаг назад.

Я какое-то время стою в ступоре, боясь сделать даже малейшее движение. Смотрю на альбиноса. Тот опускает взгляд вниз, а потом резко поднимает вверх.

– Нам нужен костер, – говорит он. – Вечера здесь холодные. К кораблю пойдем посреди ночи, – отчеканивает альбинос и уходит.

А я какое-то время стою как вкопанная. Не могу пошевелиться. Мыслей в голове нет, лишь желание быть подальше отсюда. Лишь спустя

какое-то время делаю шаг к выходу. Чувствую, что магии как не было, так и нет. А если выйду из пещеры и уйду – меня точно ждет смерть.

Да и Налькар наверняка приглядывает за выходом. Он меня не отпустит. Он слишком привязан ко мне.

Подхожу к выходу, чувствую, что каждый шаг дается с трудом. Ноги будто бы сделаны из ваты. Вижу Налькара. Тот собирает под растущим неподалеку деревом сухие ветки, идет ко мне, раскладывает их в кучу, поджигает с помощью спички.

Костер начинает потрескивать, и этот звук действует мне на нервы. Что альбинос сделал с Чевинфордом? Где сейчас капитан? Погиб ли Айсен? Можно ли как-то вернуть старого-доброго Ника?

От этих мыслей кружится голова.

Опускаюсь на холодный камень и молча смотрю в огонь, пока Налькар с помощью ножа выстругивает из ветки подобие копья. Закончив, он кладет его рядом с собой, начинает делать еще одно.

В своих движениях он похож на машину, а не на человека.

– Зачем это? – спрашиваю его.

– Мои дружки из Инквизиции могут меня отследить. Надеюсь, мы уберемся отсюда раньше их, но нужно быть готовыми, не поднимая на меня взгляд, говорит он. – Тебе лучше отдохнуть.

Смастерив несколько копий, он отходит от меня и застывает в той же позе, в которой простоял все путешествие. Глаза его закрываются, но я все равно чувствую, что он смотрит на меня. Не спускает взгляд. И ни на одно мгновение не отвлекается.

Вслушиваюсь во все вокруг, ожидая, что или Чевинфорд, или Айсен найдут меня. Но шагов не слышно. Там лишь крики животных и птиц, доносящиеся из-под земли стоны, и медленно наступающая темнота.

***

Потрескивание костра, шум со стороны пещеры, рычание из-под земли – все эти звуки действуют на нервы. Запах сырости стал настолько привычным, что я его не замечаю. Стоит мне пошевелиться – Налькар вздрагивает, открывает глаза, смотрит на меня и снова становится в привычную позу.

Переживания за Чевинфорда не дают уснуть. Опасность снаружи и незнание пути к кораблю не дают попробовать бежать.

Посматриваю на Ника. Мне его жаль. Но почему он выбрал меня? Влюбись в другую – у него было бы все хорошо. Безымянный Бог!

Закрываю глаза, сворачиваюсь калачиком у костра, пытаюсь согреться. Лежу так может, несколько минут, а может, часов. Ощущение времени

потерялось окончательно. Мысли крутятся как на сумасшедшей карусели, и ни одна не задерживается в голове надолго.

Когда пойдем к кораблю – попробую предупредить команду. Это единственный шанс.

В какой-то момент чувствую, как рядом что-то шевелится. Теплое и пушистое. Открываю глаза, и вижу Миш. Миш смотрит на меня большими глазками, моргает, крутит мордочкой.

– Ты... Ты откуда тут взялся? – шепчу я, бросая взгляд на Налькара.

Тот открывает один глаз, но зверька за мной не видит..

– Знаешь, где Чевинфорд? – спрашиваю я, стараясь говорить еще тише.

Откуда он знает? Это же всего лишь зверек. Хоть зверьки бывают очень умны.

В душе появляется огонек надежды.

Миш смотрит то на меня, то на выход. Тыкает в меня большим, пушистым хвостом.

– Хочешь, чтобы я шла за тобой?

– Миш-миш-миш, – слышу в ответ.

– Он меня не отпустит, – бросаю взгляд на Налькара.

– Миш-миш!

Зверек срывается с места, бежит туда, где стоят сделанные альбиносом колья, прыгает на одно из них, те обрушивают остальные, и они все вместе падают на Налькара. Тот громко материться. Миш пищит, будто радуясь, я же мгновенно вскакиваю на ноги и бегу к выходу, на ходу прихватив зверька.

Миш пищит, легонько кусая меня за левую руку. Путь указывает?

Выбегаю наружу, сворачиваю, и оказываюсь на аккуратно вытоптанной кем-то тропинке. Земля содрогается под ногами. Впереди слышен пугающий звериный рык. над головой сияет россыпь звезд. Вверху проносится нечто. Нечто огромное, бросающее на меня хищную тень. Оно издает длинный, протяжный вой. Мне страшно. Ноги и руки дрожат, но отступать поздно.

– Анесс! – слышу крик Налькара и бегу.

Сама не знаю куда. Зато знает сидящий на руках зверек. Он покусывает меня то за одну руку, то за другую, а я поворачиваю то налево, то направо. Зацепляюсь за что-то, падаю, почти выронив Миш. Чувствую, как ветка больно бьет меня по щеке, но не обращаю на это внимание, вскакиваю и несусь вперед. Подальше от моего бывшего однокурсника.

Перед глазами происходит что-то невероятное: по воздуху медленно

проползает краб, мимо, громко скрипя ветвями, проходит дерево, среди высокой травы виднеются головы змей, в небесах среди звезд виднеется огромная воронка, через которую смотрит тот же глаз, что и в пещере.

Не знаю, что из этого всего опасно, а что нет. Прижимая Миш к себе, бегу вперед, чувствуя, как камыш бьет по ногам и шаги за спиной. Налькар догонит. Нужно спрятаться. И я знаю где. В Изнанке. Ведь он не маг, а значит, не сможет меня там достать. Или сможет?

Понятия не имею, чему обучают инквизиторов, а чему нет, но другого выхода нет. Закрываю глаза, но продолжаю видеть бродячие деревья, глаз в небе, проплывающую в воздухе гигантскую муруну.

А потом падаю сквозь землю вниз.

Мир сопротивляется. Не хочет меня пускать. Да и вообще утащить тело в изнанку – не простая задача. Но, кажется, все получается.

Миш прижимается ко мне, пищит. Зверек тоже боится. Поднимаю голову вверх и вижу, как с небес на глазах вырастают деревья. Целый лес появляется там, где только что были звезды. Посреди многообразия деревьев вырастает каменный храм.

Постройка разрушена – где-то в ней виднеются дыры, башни сломаны, статуя на крыше грозит в любой момент сорваться вниз. Все строение поросло мохом и лианами, по которым друг за дружкой прыгают всевозможные обезьяны.

Земля же превращается в небеса. Я стою на белоснежном облаке головой вниз. Подняв голову, вижу среди деревьев Налькара. Он обыскивает кусты, смотрит на деревья, заглядывает за каждый валун. Находит клочок ткани, оторвавшийся от моей одежды, принимает к нему, а потом материться на этруссианском и уходит.

Он знает, где я. И понимает, что меня здесь не достать. Но так же знает, что рано или поздно мне придется выйти.

Миш на моих руках пищит, покусывает за руку, указывая путь. Он ведет меня к Чевинфорду.

Иду сквозь Изнанку, пытаюсь уловить хоть каких-то духов. Но их здесь нет. Абсолютная пустота, будто бы это место отталкивает их. А потом понимаю, что все вокруг – один сплошной дух существа в яйце.

Вижу его. Оно огромно, достает своей головой на длинной шее до неба. Исполинская туша полностью закрывает собой горизонт. Вместо ног у него плавники, каждый из которых может закрыть собой солнце. Оно поворачивается, стараясь проломить скорлупу своего яйца, стонет. Земля начинает дрожать, по ней ползут трещины, в которые валятся кусты и деревья.

Спустя секунду вижу в мире Изнанки пустое место. Оно совсем маленькое, мне везет, что взгляд попал на него. Человек без души. Чевинфорд.

Приближаюсь к нему, а мир сопротивляется. Воздух словно сгущается, становится вязким, как кисель. Начинает вонять протухшей рыбой. В ушах шуршит, хлюпает и клацает, чем ближе я к проклятому капитану, тем громче становятся звуки.

Сильнее прижимаю Миш к себе и иду вперед. Зверек успокаивает меня. Он единственное нормальное, что есть в этом мире.

Остров над головой то уменьшается, то расширяются. Деревья тихо перешептываются между собой. Понимаю, что они обращаются ко мне. Просят идти отсюда.

Возможно, я приношу им какую-то боль? не знаю, но продолжаю идти к Чевинфорду.

Перед глазами мрачнеет. Проползающий перед глазами краб поворачивается, вижу смотрящий с его живота глаз. Человеку он не принадлежит, какому-то существу с крестообразным зрачком.

– Не иди туда. Развернись. Ступай обратно, – шепчут из него множество голосов.

Некоторые из них я узнаю. Голос мамы, Чевинфорда, Налькара, бывших преподавателей, даже Архиепископа. Этот мир копирует голоса из моей памяти, пытаюсь отпугнуть. Стараюсь не слышать и не видеть. Думать о чем-то другом и идти дальше.

Становится невыносимо жарко. Чувствую ручьи пота на спине, но продолжаю делать шаг за шагом. Ощущаю себя скованной тисками, прижимающими руки к телу. Кажется, меня вот-вот раздавит. Но я должна спасти Чевинфорда.

Внезапно становится легче. Чувствую секундное падение, затем удар. Что-то сильно режет в щеку. Звуки и запахи меняются. Чувствуется аромат цветов, стрекотание насекомых. Я выпала из изнанки. Вокруг меня – хищные джунгли. Что-то клацает, кричит, рычит.

Мое сердце сжимается. Кажется, что из кустов на меня что-то выпрыгнет. Но слышу человеческий голос, кажется, знакомый. Чевинфорда. Бегу туда. Миш начинает пищать.

– Чевинфорд! – кричу я.

– Я тут. Срежь эту треклятую веревку, – отвечает он.

На мгновение боюсь, что это какая-то аномалия. Но узнаю место, где мы с проклятым капитаном виделись последний раз. Прямо передо мной лежат два мертвых матроса. Почему-то их кожа потемнела.

Вижу саблю у одного из них, хватаю её.

– Перережь веревку, – откуда-то сверху кричит Чевинфорд.

– Где она? – спрашиваю я, оглядываясь по сторонам, но никакой веревки не вижу.

– Должна быть где-то на дереве. Как отрежешь, прыгай в сторону, чтоб не придавило.

Дрожащими руками начинаю обыскивать деревья вокруг. Не видно ничего, хоть глаз выколи. Одно из них на ощупь будто сделано из мяса. Поднимаю руку и вижу на ней странную синеватую слизь. Из дерева доносятся чавкающие звуки, я пячусь назад, касаюсь спиной шершавой коры и чувствую веревку.

Вот она!

Рублю саблей, слышу хруст веток, отпрыгиваю, цепляюсь за что-то и падаю. Чуть сама не напарываюсь на оружие в своей руке.

Оборачиваюсь, вижу поломанную клетку, из которой выбирается Чевинфорд.

– Думал, век здесь просижу, – говорит он.

Земля снова содрогается. Из-под земли слышен крик.

– Нам надо выбирать, – говорю я.

– Нам надо добраться до храма, – отвечает он.

– Тут опасно. Айсен мертв!

– Айсена так просто не убить, – отвечает проклятый капитан, подходит ко мне и заключает в свои объятия. Я сразу же чувствую себя в безопасности. Хотя понимаю, что здесь рядом есть существа, с которыми ему точно не справится. На душе теплеет. Все это место в моем разуме тает, как снег под летним солнцем.

Мы сливаемся в поцелуе. Чувствую его вкус, запах. Не верю, что у него нет души. Она есть. Должна быть.

А потом вспоминаю то, что мне говорил Налькар. об одурманивании, внушении.

Делаю шаг назад.

– Что с тобой? – спрашивает Чевинфорд.

– Налькар. Он почувствовал во мне внушение, – мой голос дрожит, а в голове такая карусель, что формулировать мысли становится трудно. – Может, меня послали специально, чтоб убить тебя. Нашли девушку, похожую...

– Мы справимся, – прерывает проклятый капитан.

– Может, мои чувства, вызваны...

– Отойди! – вскрикивает он, толкает меня в сторону и выхватывает

саблю из моих рук.

Я едва удерживаюсь на ногах. Поворачиваюсь, и вижу снежно-белое лицо Налькара. Он стоит с оружием наизготовку, в готовности вступить в бой. По его щеке стекает струйка крови, а взгляд напоминает звериный. Взор хищника, готового броситься на добычу.

– Ты её у меня не отнимешь, – словно змея шипит альбинос и бросается вперед.

Глава 16. Противостояние

Сабли со звоном ударяются друг о друга. Звучит выстрел, я даже не понимаю, кто и по кому выстрелил. А потом вижу, как на груди проклятого капитана затягивается огнестрельная рана.

– Так меня не убить, – говорит он, вертя саблю в руках.

– Попытаться стоило, – отвечает Налькар и снова бросается в атаку.

Звенят сабли, сверкают искры, в стороны разлетается трава и срубленные листья. Все происходит настолько быстро, что я не могу уследить за боем. Пытаюсь войти в Изнанку, помочь Чевинфорду оттуда, но не получается. Будто само присутствие Налькара блокирует магию.

Зараза!

Острые пролетает перед моими глазами. Брызгает чья-то кровь. Опускаю взгляд и вижу валяющийся у моих ног пистолет, который обронил один из матросов еще вчера. Хватаю его, пытаюсь прицелиться, но не могу. Они двигаются слишком быстро, а мне страшно попасть в Чевинфорда.

Я его ранила. Значит, могу и снова.

Вижу, как проклятый капитан отскакивает. Его брюки разрезаны возле колена, там виднеется небольшой разрез, но он мгновенно затягивается. Налькар какое-то время стоит ухмыляясь и я пользуюсь этим.

Стреляю.

Оглушительный грохот звенит в ушах.

Налькар успевает отскочить, но пуля попадает в руку. Он искривляется в гримасе, кровь стекает на траву, которая мгновенно начинает вянуть. Спустя секунду альбинос оказывается за мной. Не знаю, как он настолько быстро перемещается. Это не телепортация. Просто он очень уж быстрый.

Хватает меня за шею. Не сильно, но я все равно начинаю задыхаться.

– Она ведь может ранить тебя, – шепчет он, вкладывает свою саблю мне в руку и сжимает её.

Я пытаюсь вырваться, пытаюсь ударить Налькара, но он крепко держит меня. Мое сердце все сильнее дрожит в груди. Во рту образуется пустыня посуше Айхеллонской. В глазах начинает двоиться.

– Может, сдашься? – слышу голос Налькара, на что Чевинфорд лишь

становится в боевую стойку.

– Верь мне, – говорит он, смотря мне в глаза.

Удар метала о металл, еще один. Искры почти долетают до моих глаз. Налькар резко поворачивает мою руку то вправо, то влево, то резко меняет направление удара. Кажется, он вот-вот вырвет её.

Он слегка подталкивает меня вперед, я почти падаю, и тут же делает резкий выпад вперед. Острие сабли летит прямо в лицо Чевинфорда. Тот отскакивает в сторону, но лезвие слегка задевает его щеку. Вижу, как по ней бежит кровь. Рана не заживает.

Я снова ерзаю, пытаюсь высвободиться из хватки альбиноса, но тщетно.

– Беги! – кричу проклятому капитану.

– Ну уж нет, – отвечает он. – Я тебя не брошу.

И снова идет в атаку. Снова звенят сабли, а я вздрагиваю от каждого их соприкосновения. Рука болит так, что кажется, вот-вот поломаются. Я раз за разом пытаюсь вырваться из сковывающих меня тисков.

Альбинос шагает вперед, заставляет то же самое делать и меня. Чевинфорд отступает, пока не упирается спиной в дерево. Он боится меня ранить, действует осторожно, в то же время Налькар всеми силами пытается достать его.

Земля снова вздрагивает. Чувствую, что альбинос слегка шатается, и рвусь в сторону.

На этот раз получается. Падаю на высокую мягкую траву. Сабля выпадает из моей руки. Налькар безоружен. Поворачиваюсь, и вижу, как проклятый капитан пытается нанести роковой удар, но альбинос отпрыгивает в сторону и лезвие проходит мимо.

Он оказывается ко мне спиной, и я тут же прыгаю ему на спину. Не знаю, почему так происходит. Тело действует само по себе, забыв о страхе. Закрываю его глаза руками, чувствую его крик, падаю вместе с альбиносом на траву.

Чевинфорд сразу же хватается за мою руку, помогает подняться, и я смотрю на поверженного альбиноса. Он все еще жив, но ранен в сухожилие и встать вряд ли сможет. Его кровь окрашивает зеленую траву. Наверное, это ужасно больно, но на лице Налькара нет ни единой эмоции.

Он смотрит то на меня, то на Чевинфорда и не говорит ничего. Взглядом будто бы просит добить его.

Проклятый капитан же кивает в сторону поверженных еще вчера матросов. У одного из них из-за пояса выглядывает пистолет.

Мне все еще страшно. Дрожу с головы до пят. Чевинфорд обнимает

меня, прижимает к себе.

– Идем, – говорит он.

– Мы его так и оставим?

– Он выбрал свой путь, – отвечает проклятый капитан, а Налькар все так же смотрит на него прищуренным взглядом. Что это? Ненависть? Разочарование? Обида?

Его жаль. Зачем инквизиторы поступили так с ним?

– Идем, – говорит Чевинфорд, берет меня за руку и собирается уводить, но я вырываюсь, бросаюсь к Налькару. Альбинос молча смотрит мне в глаза. Нужно отнести его на корабль, подлатать...

– Уходите, – говорит он. – Инквизиторы отследят меня, заодно убьют и вас. Пусть ты не будешь со мной, зато жива.

Я ныряю в Изнанку, вижу там его травмированную, избитую душу. Чувствую, как ему больно, но он не обращает внимания на боль. Альбинос все еще не хочет меня отпускать, но понимает, что если не сделает этого сейчас, я могу пострадать.

– Иди. Я ранен. Буду только мешать, – слышу его голос. – Я выживу.

Чувствую и Чевинфорда. Проклятый капитан держит меня за плечи, потом хватает за руку, тянет подальше отсюда. Налькар же срывает с себя рубашку, обнажая белоснежный торс, перевязывает рану.

А я все еще пытаюсь вырваться.

– Отпусти, я должна ему помочь! – кричу я.

– Нет времени. Яйцо скоро вылупится.

– Но оно должно...

– Чувствуешь, как дрожит земля? – Чевинфорд смотрит мне в глаза. – Я за тебя отвечаю. Здесь и так погибли мои люди. Я сделаю все, чтобы больше никто не пострадал. Идем!

– Мы не бросим его...

– Бросим! – говорит Чевинфорд. поднимает меня на руки, уносит прочь. Я пытаюсь сопротивляться, но проклятый капитан держит крепко.

Извиваюсь как змея. Картинка перед глазами становится мутной, едва различимой. Над островом восходит солнце, пробивается лучами сквозь пышные заросли, режет мне в глаза.

Чевинфорд! Безымянный Бог, как он смеет! Колочу его руками, дергаю ногами, а он все сильнее прижимает меня к себе и смотрит в сторону, будто я мешок с картошкой. Долбанный мешок с долбанной картошкой!

– Отпусти, – кричу ему на ухо. – Слышишь? Я увольняюсь! Ноги меня больше не будет на твоём корабле!

Он останавливается, смотрит по сторонам, ставит меня на ноги, но не

отпускает, а потом целует. Я не хочу с ним целоваться. Смотрю по сторонам, вижу Миш. Зверек все это время двигался за нами, перепрыгивая с дерева на дерево.

На мои глаза наворачиваются слезы. Такое чувство, что будто вместе с поцелуем Чевинфорд всасывает в себя и мою душу.

– Отпусти! – кричу ему.

– Не могу. Нам нужно к храму, – холодно отвечает он.

– Сам туда иди!

– Там мне может понадобится помощь чародея, – спокойно говорит проклятый капитан, и от его спокойного взгляда становится не по себе. – А еще я не хочу, чтобы ты тут погибла.

– Ты ни о чем не думаешь, кроме своей мести! Вы с Ником похожи. Только по-разному одержимы! – кричу я ему в лицо, а он даже не моргает.

– Я не могу отпустить тебя на верную смерть. Он сказал правду – тут уже может быть корабль Инквизиции. Они ищут его, а не нас. Значит, у нас есть возможность...

– Да пошел ты со своей возможностью! – кричу я, пытаюсь безуспешно вырваться из хватки Чевинфорда.

Мои пальцы сжимаются в кулаки. Взгляд уже ловит спиральную радугу Изнанки. Она вьется над деревьями, проходит сквозь редкие белые облачка, с каждым мгновением сияет все ярче.

Все вокруг начинает оживать. Деревья и кусты двигаются, расходятся в сторону, обнажая присыпанный желтым песком пляж. Легкие волны выбрасывают на берег камешки и ракушки. Те лежат какое-то время, будто бы рассматривают чужой, удивительный мир. Появляется следующая волна и забирает их в родную среду.

На фоне ярко-красных рассветных небес вижу пару кораблей. Сперва кажется, что это очередная ловушка Кардемиканы, но спустя миг понимаю, что они настоящие. Изнанка позволяет видеть их сквозь преграды.

Крупный четырехмачтовый галеон и шхуна поменьше. На их мачтах развеваются флаги Инквизиции, а несколько забитых людьми лодок уже курсируют от кораблей к берегу.

– Налькар! Беги! – кричу во весь голос.

Небо начинает меркнуть. По нему будто бы разливаются чернила. Пять или десять секунд – и все небо покрывается черной, бурлящей жидкостью. Здешняя Изнанка не хочет, чтоб на неё смотрели. Чувствую, как густеет воздух. Как становится тяжело дышать. Как по моему лицу стекают капли пота.

Вываливаюсь из Тонкого мира и падаю прямо на грудь Чевинфорда.

Всхлипываю, вспоминая о Налькаре. Инквизиторы пришли за ним и с раненой ногой ему от них не уйти...

– Давай вернемся, – умоляю Чевинфорда. – Прошу тебя...

– Нет, – строго отвечает он.

– Он погибнет. Как ты не понимаешь?

– Понимаю, – твердо говорит он. – Но это не значит, что должна погибнуть и ты.

Безымянный Бог! Неужели я сама не могу решить, что мне делать? Я не его кукла! Не игрушка! Проклятый капитан не вправе распоряжаться мной как ему захочется!

– Идем, – Чевинфорд аккуратно проводит рукой по моим волосам. – Нужно отплыть отсюда до конца дня и желательно не попасться инквизиторам.

Он берет меня за руку, ведет через лес, периодически доставая саблю и срубая ей густые заросли. А я все плачу. Нет, проклятый капитан Чевинфорд. Я не буду с тобой. Не знаю, как тебя терпела твоя жена, но я – не она. Я буду делать то, что считаю нужным, а потому покину тебя при первой же возможности...

Мы проходим рядом с шумным водопадом. В его водах словно отражается картина – четыре человека и посредине пятый. Все одеты в балахоны, с капюшонами на головах. Тот, что посредине несет небольшую шкатулку. Остальные смотрят по сторонам.

Присматриваюсь к картине.

Похоже, это вода памяти. Эти четверо были здесь, но кто они такие? Жившие тут ранее чародеи?

Приглядываюсь еще внимательнее, и замечаю на пальце того, что в центре, архиепископское кольцо. Его ни с чем не спутать – массивное, с продолговатым синим камнем, а поверху гравировка на древнем руническом письме, означающая служение Безымянному Богу.

– Это он! Архиепископ! – вскрикиваю я, в надежде отвлечь Чевинфорда, а самой метнуться обратно к Налькару.

– Я знаю, – коротко отвечает капитан и ведет меня дальше. – Он приплывал сюда не раз и не два. Но никто, кроме приближенных к нему епископов, не знал, зачем он тут.

За деверьями вижу одну из колонн храма. Она слегка покошена, по её стене плетутся лианы, но все равно красивая. Блестит на солнце, будто вылита из чистого золота.

– Зачем строить храм на яйце? – спрашиваю я.

– Это мощный источник магической энергии, – отвечает Чевинфорд.

Миш прыгает ему на плечо, смотрит на меня, затем уставляется вперед. Капитан не отвлекается, чтоб погладить питомца и отпустить меня. Да и если бы отпустил – не знаю, добралась бы я до Налькара или нет. Остров меняется с каждой секундой. Где-то появляются деревья и кусты, где-то они исчезают; в любом месте может материализоваться хищник; тропинки извиваются как змеи...

Земля снова начинает трястись, теперь еще сильнее, чем раньше. Я падаю, Чевинфорд отпускает мою руку, но бежать не хочется. Понимаю, что к Налькару я путь не найду.

Неподалеку валится пальма. По сухому грунту ползет небольшая трещина, а потом все успокаивается.

– Успокоилась? – спрашивает проклятый капитан, поднимаясь из кустов и отряхивая одежду.

Я не отвечаю. Все думаю о Нике. Может, его уже настигли инквизиторы или чудовище. Или он все еще где-то в джунглях, один против этого острова.

– Идем, – зовет Чевинфорд. В этот раз за руку он меня не берет.

– Налькар...

– Он знает это место куда лучше, чем ты или я. Может, ему удастся выжить.

Может...

Это меня не устраивало, но я продолжала идти за Чевинфордом, а храм все больше виднелся из-за деревьев. Кому он посвящен? Тени? Кому-то из старых богов? Братьям и сестрам Безымянного Бога? Культам реликтов?

Впрочем, не важно. Больше всего мне хотелось убраться отсюда и сойти на берег в ближайшем порту. Чевинфорд внезапно стал мне чужим. Он беспокоился обо мне...

А может, и нет. Больше всего он беспокоится о том, как убить Архиепископа. Пока это не свершится, он не сможет ощущать что-либо, кроме ненависти. Да и после – не факт.

В десятке метров от меня обнаруживаю человеческую фигуру, хоть сразу видно, что это не человек. Фигура будто сделана из черного масла. Блестит на солнце, идет вперед через кустарники. У неё нет ни лица, ни глаз, ни одежды. Словно бы это...

...тень.

Тень Чевинфорда. А чуть дальше моя. Она едва заметна за кустами, потому я поначалу не разглядела её.

Что же это за храм, что магия Тени здесь способна прорваться в

реальный мир? Кто здесь жил и что за ритуалы тут проводились?

По моей коже проходит озноб. Меня это пугает, как пугало бы любого чародея. Теневой мир не знает жалости. Там обитают древние существа, которые только и думают о том, как прорваться в реальность, занять в ней чье-то место.

– Ты и Айсеном пожертвовал во имя своего Архиепископа? – спрашиваю я. – Иначе где он?

– Обратился после того, как его ранили, – не оборачиваясь, отвечает Чевинфорд. – Где он – не знаю. Он себя не контролирует. Но он вернется. Это не впервые.

Проклятый капитан совершенно безэмоционально говорит о своем друге. Абсолютно не переживает за него. Почему?

Иду вслед за ним, посматриваю то на ожившие тени, то на бездушного капитана, то на растительность вокруг. Она странная. Ветер есть, но ни один лист не зашевелится. Только те, что уже упали, кружат в воздухе. Иногда кажется, что это не деревья и кусты, а лишь декорации, что-то скрывающие от моего взора.

В воздухе копошится мошкара, где-то громко кричат птицы и животные, хоть никого из представителей местной фауны нет и близко. Я это чувствую. С магической точки зрения здесь – будто пустыня. Таким это место и предстает, стоит закрыть веки и нырнуть в Изнанку. Желто-коричневая, покрытая сетью трещин земля, иссушенные солнцем растения, прожаренный как на сковородке воздух, и высящийся впереди храм.

Из Тонкого мира он выглядит огромным и словно нависает над всем вокруг. Отсюда он виден таким, каким был до того, как его покинули люди. Золотистые башни сверху до низу испещренные неведомыми мне рунами и знаками. Центральное здание с широким куполом, наверху которого приютилась статуя человека в длинной мантии. Вокруг – аккуратно расставленные скульптуры, под ногами которых стелется травяной ковер, сверкают аккуратные ручейки. И все это стоит посреди бесконечной пустыни, единственный обитатель которой – неутомимый ветер.

Выхожу из Изнанки, смотрю на оставшиеся от храма руины.

Не похоже это на пристанище культа Тени. Там совершенно другая архитектура – висящие над землей торусы. Восточные культы и островные тоже не подходят. Тогда чей он?

Мы обходим огромный валун, и я удивляюсь еще больше.

Вход в руины находится прямо перед нами. Отсюда видна его высоченная, в три-четыре человеческих роста дверь. Если это вообще дверь.

Нет, скорее огромное зеркало. В нем отражаются деревья, кусты, трава, земля...

Все, кроме Чевинфорда и меня.

А еще звуки – здесь их просто нет. Абсолютная, гробовая тишина. Не слышно пения птиц, шелеста листьев, ветра...

На мгновение кажется, что я оглохла. Щелкаю пальцем, и звук, усилившись в тысячи крат, возвращается в виде эхо. Странно. Здесь ведь не может быть эхо. Что за заклятие наложили на это место?

– Попробуем войти внутрь, – говорит Чевинфорд и ступает к храму.

Не знаю, ощущает ли он то же, что и я, или нет. Он все-таки не маг, да еще и без души. Следую за ним.

Он подходит к зеркалу, осматривает его.

– В жизни такого не видел, – бормочет он под нос, достает саблю и бьет ею по зеркалу. Та отскакивает, не оставляя даже царапины.

– Надо было взять Налькара, – сержусь я, но Чевинфорд не обращает на меня ни малейшего внимания.

Он взирает в зеркало, будто пытаюсь там что-то разглядеть. Я же смотрю через Изнанку и вовсе не вижу зеркальной преграды. Передо мной огромная, исписанная рунами, но все же обычная дверь.

Вижу, как Чевинфорд прикасается к зеркалу пальцем и по тому идут волны. Он делает шаг – и буквально входит в стекло, как в воду.

– Стой здесь. Не иди за мной, – говорит он и исчезает.

Это портал, что ли? Но ведь таких огромных порталов быть не может, да и выглядят они совершенно иначе. А проклятый капитан тем временем полностью исчезает из виду, и мне становится страшно.

Я остаюсь в одиночестве, и кажется, что за мной наблюдают буквально отовсюду. Снизу, сверху, с огромного зеркала. Становится холодно. Начинаю дрожать.

Срываюсь с места и бегу вслед за проклятым капитаном.

Глава 17. Месть альбиноса

Прикасаюсь к зеркалу, и мне становится холодно, будто внезапно наступила морозная зима. Тело дрожит, кожа становится гусиной, зубы щелкают. С каждым движением становится холоднее. Рука в зеркале коченеет.

Чувствую прикосновение. Чевинфорд?

Он берет меня за руку, тянет к себе и картина перед глазами внезапно меняется. Теперь понимаю, почему здесь так холодно. Вокруг – огромная заснеженная равнина Слева расположился исполинский горный хребет, справа еловый лес, а прямо передо мной – каменный выступ, похожий на

алтарь. Над ним стоит статуя какого-то человека. Всматриваюсь и вижу, что это Безымянный Бог. Именно таким его изображают до того, как он отказался от тела и имени. Высокий, худощавый мужчина аристократичного вида с аккуратной бородой.

Снег беззвучно падает на голову, мороз иглами прокалывает щеки, от холодрыги кружится голова.

Чевинфорд набрасывает мне на плечи свой сюртук, я кутаюсь в него, но теплее не становится.

– Где мы? – дрожащим голосом спрашиваю я.

– Понятия не имею, – отвечает проклятый капитан.

Он прижимает меня к себе, немного согревает. Вместе мы подходим к тому, что я приняла за алтарь. Вблизи понимаю, что это могила, при чем очень старая. Передо мной массивное каменное надгробие, на котором виднеются затертые руны. Почему-то снег, попадая на него, сразу же тает. Кладу на него руку и чувствую тепло. Будто бы изнутри камень что-то согревает.

На надгробии нет ни имени, ни фамилии.

Я бы сказала, что это могила Безымянного Бога, если бы не знала, что его человеческое тело рассыпалось в прах при вознесении.

Может, это место поклонения ему?

Но где оно находится? Мы в горах Сайхерии? Или где-то в северных землях?

Взбираюсь на надгробие. Это хоть и кошунство, зато так теплее. Пытаюсь рассмотреть руны. Похожие на древневосточные. Но даже если это они, то чтоб разобрать смысл, понадобится специалист.

– Зачем сюда мог приходить Архиепископ? Что за шкатулку он принес сюда? – спрашивает Чевинфорд.

Ему и самому холодно, но виду он не подает.

– Пока не знаю, – отвечаю я и проваливаюсь в Изнанку.

Снежинки замедляются, почти останавливаются. Ветер перестает свистеть в ушах. Облака замирают, а среди них появляется спиральная радуга. Странно, но мир вокруг почти не изменился, только время будто встало. На мгновение начинаю сомневаться, что это изнанка. Все то же надгробие, та же статуя, те же величественные горные хребты и заснеженные ели.

Всматриваюсь во все вокруг, но не вижу ни единого намека на то, чье это надгробие и кто его построил. Все впустую. Может, Архиепископ и умеет читать подобные руны, знает, что за ритуалы здесь могли проводить, но я-то нет.

Собираюсь выйти в реальность, но мой глаз ловит небольшую шкатулку, стоящую у угла надгробия.

Ту самую, которую держал в руках Архиепископ в фонтане.

Приглядываюсь к ней – она сделана из дерева с металлическими вставками, покрыта черным лаком и резьбой. На её крышке тоже есть какие-то непонятные знаки. Но нет ни ручки, ни замочной скважины, ни чего-то другого, что могло бы помочь её открыть.

Прикасаюсь к шкатулке и чувствую расходящееся по телу тепло.

В ней явно есть магия. Но какая – не понимаю. Беру её в руки. Она тяжелая как для такого размера, я едва могу сдвинуть её с места. И, то ли мне кажется, то ли она действительно с каждой секундой все больше накаляется.

Выхожу из Изнанки.

Надеюсь, она пройдет вместе со мной?

Снежинки начинают двигаться все быстрее и быстрее. Их становится больше. В ушах гудит. Я будто падаю сквозь пелену. Пальцы от страха вжимаются в шкатулку.

Спустя миг оказываюсь в объятьях Чевинфорда. Чувствую себя так, будто неделю без сна и еды занималась тяжелой физической работой. Ноги подкашиваются, голова кружится, но проклятый капитан не дает мне упасть.

Смотрю вокруг и не вижу ни гор, ни сугробов, ни таинственного надгробия. Мы стоим посреди овитого зеленью древнего храма. Потертые фрески на стенах, поломанные колонны, дыра в потолке, через которую пробиваются лучи света. Здесь смердит затхлостью и пылью.

– Вот, – показываю Чевинфорду шкатулку.

– Что это? – спрашивает он.

– Не знаю. Было спрятано в Изнанке. Кажется, её принес сюда архиепископ. Как мы вышли?

– Я только моргнул, и был уже здесь. Думал, что потерял тебя, – он прижимает меня к себе, а по моему телу все еще бродит озноб.

Чевинфорд берет шкатулку, смотрит на неё, отпускает меня, пытается открыть, но тщетно. Она будто цельная.

– Пусть Айсен посмотрит, – говорит он и опускает нашу находку в наплечную сумку. – Я видел её у Архиепископа. Но не представляю, для чего она нужна и зачем он принес её сюда.

Чевинфорд кладет руки на мои плечи, но мне этого не хочется. Я делаю шаг назад.

– Давай выбираться отсюда, – говорю ему, в надежде, что мы пойдем

обратно тем же путем.

Проклятый капитан молча кивает и направляется туда, откуда мы пришли.

Это место изменилось когда я забрала шкатулку. Теперь здесь слышны звуки птиц и зверей, в ушах шумит легкий ветерок, шелестит листва...

Что же находится в этой шкатулке? И как она открывается? Нужно заклятие или достаточно кодового слова? А может, крышка откроется только для определенных людей? Нужно будет рассмотреть её поближе...

Вот только не хочется ничего такого делать для Чевинфорда. Он оставил человека на верную смерть!

– Может, вернемся за Налькаром? – спрашиваю я, замечая, что Чевинфорд поворачивает к берегу.

– Он убил моих людей, покушался на меня и тебя. Я не хочу, чтобы его нога ступала на мой корабль. На этом разговор закончен. Тем более за ним приплыли его дружки из Инквизиции.

Из-за пальм виднеются белоснежные паруса инквизиторских кораблей, мирно плескавшихся на волнах. Их люди уже искали меня в том порту и лучше бы им на глаза не попадаться.

– Пойдем в обход, – говорит Чевинфорд. – Надеюсь, моим людям хватило ума спрятать корабль, когда инквизиторы показались на горизонте.

– Эй, постойте, – слышу я из-за спины женский голос, поворачиваюсь и вижу ту самую женщину, которую видела в воспоминаниях Налькара. Мадам Верхил, второй человек в Инквизиции, идет к нам, помахивая в воздухе треуголкой.

Она точно такая же, какой Ник её запомнил – будто высеченное из камня лицо, широкие, как для женщины, плечи, аккуратная одежда, военная выправка. Она походит на статую, которой надоело стоять на постаменте, и она решила прогуляться.

– Я тут ищу одного человека. Альбинос. Длинные волосы. Зовут Налькар. Видели такого? – спрашивает она.

Я отрицательно качаю головой. Чевинфорд же кладет руку на рукоять сабли.

– Он, кажется, тебя искал, – продолжает инквизиторша и смотрит на меня исподлобья, а потом медленно переводит взгляд на Чевинфорда. – А ты, кажется, и есть тот, кого называют проклятым капитаном, – продолжает она. – Негоже так людей пугать. Некоторые в море боятся выйти. Корабль с красными парусами, команда призраков...

– Идите своей дорогой, и я вас не трону, – выпаливает Чевинфорд, встретившись с ней взглядом.

Сейчас что-то будет.

Я готовлюсь в любой момент нырнуть в изнанку. Напрягаюсь, как пружина, готовая расправиться в любой момент.

– Знаешь ли. ты ведь представляешь научный интерес, – продолжает мадам Верхил. – Говорят, тебя невозможно убить. сейчас узнаем. Мальчики!

Инквизиторы появляются мгновенно. Из-за деревьев и валунов, из-за кустов. Все в темно-зеленой форме. У каждого в руках оружие. Пистолеты, ружья, сабли, арбалеты – все нацелено в нашу сторону.

У меня внутри передергивает.

Всего инквизиторов – человек десять или больше. И каждый хочет нас убить.

Они со всех сторон. Все с гладко выбритыми лицами, с одинаковыми взглядами и при оружии.

Чевинфорд достает саблю.

– Только попробуйте! – выкрикивает он.

– Предлагаю пойти с нами добровольно, – усмехается мадам Верхил.

Я готова к бою, хоть понимала, что он проигран. Инквизиторы умеют сражаться против магов, а значит, мне точно конец. Мне не страшно. Даже наоборот, хочется продать свою жизнь подороже. Сдаться тем, кто проделал все те ужасы с Налькаром – лучше умереть.

– Эй, не меня ищете, – слышится голос.

Поворачиваюсь, как и все присутствующие, и вижу Налькара.

Он жив!

Альбинос идет к нам, опираясь на длинный шест. Его нога перевязана окровавленной повязкой. Он едва встает на неё. Кажется, что каждый шаг дается ему с невероятным трудом. Из-за его пояса выглядывает пистолет. Над правым глазом красуется свежая рана.

– Налькар! – вскрикивает мадам Верхил, хлопая в ладоши. – Вернулся. Все хорошо. Ты нашел для нас проклятого капитана. Сейчас поплывем...

– Ты воспользовалась мной, – прерывает альбинос. – Моими чувствами. Моим телом.

– Ну что ты, Налькар? – продолжает инквизиторша. – Знаешь, насколько ты ценен? Мы должны действовать вместе!

Гремит выстрел. От резкого звука я на мгновение закрываю глаза, а когда открываю их, вижу мадам Верхил с окровавленной грудью и дымящийся пистолет Налькара. Инквизиторы переглядываются. Они боятся его. Все смотрят на невысокого, щекастого коллегу, который наверняка только что стал старшим по званию в этой компании.

– Вас не должно быть вообще, – холодно говорит альбинос и, хромая, приближается к нам.

Я смотрю в его глаза. Взгляд зверя, не иначе. От такого мгновенно становится страшно.

– Взять их! – кричит щекастый инквизитор.

Один из них целится в Налькара, но тот, опираясь на здоровую ногу, бьет шестом по ружью, оно вылетает из рук хозяина, выстреливает. Пуля попадает в грудь его коллеги.

Чевинфорд саблей достает еще одного. Магия слаба, но я пытаюсь придать силы им обоим. Вижу, как Налькар даже не двигаясь, с помощью шеста кладет на траву еще двоих. Перекатывается по земле и становится рядом с проклятым капитаном.

– Спиной к спине! – кричит он.

Мы смыкаемся. Я ныряю в Изнанку, и все замедляется. К счастью, инквизиторы сосредоточены на Чевинфорде и Налькаре, а не блокируют меня. Вижу, как альбинос своим шестом бьет одного из них по голове, у второго выбивает из рук саблю и ловит её второй рукой. Проклятый капитан обезглавливает одного, стреляет в другого.

Вижу пулю, летящую прямо в грудь Ника. Воздействую на неё магией, и смертельный кусочек металла улетает в небеса. Отворачиваю от Чевинфорда арбалетный болт, притягиваю хозяина арбалета, и тот напарывается на саблю бездушного.

Миш прыгает на голову одного из противников, лишая того взора и давая возможность своему хозяину поразить его в грудь.

Инквизиторов не пугают смерти товарищей. Упав, они фанатично вскакивают и снова бросаются в бой, тут же получая либо саблей, либо шестом альбиноса.

Кто-то стреляет. Пытаюсь воздействовать на пулю, но Налькар успевает первым. Разрубает её саблей и бросает оружие в грудь стрелка.

Кто-то бросает дымовую гранату. Та взрывается и в глаза попадает едкий дым. Но из Изнанки я все равно вижу инквизиторов. Их души слишком правильные, будто созданные искусственно по единому шаблону. И они, одна за другой, переселяются в Тонкий мир.

Удар, хруст, брызги крови. Шест, обрушивающийся на голову противника. Сабля втыкается в живот. Я предаю сил обоим. Тяну энергию из изнанки, и наполняю ею альбиноса и Чевинфорда.

Последний инквизитор падает на траву и проклятый капитан добивает его своим оружием.

Я возвращаюсь в реальность и закашливаюсь от попавшего в легкие

едкого дыма. Падаю на траву.

Чевинфорд мгновенно оказывается рядом.

– С тобой все в порядке?

– Да, киваю я, наблюдая, как на проклятом капитане срстаются несколько порезов.

Налькар тоже выходит, опираясь на свой шест. Он окровавлен, на руке виднеется рваная рана, но его лицо все такое же спокойное. Ни единой эмоции.

– Ты спас нас. Пошли с нами, – предлагает ему Чевинфорд.

– Не могу, – отвечает альбинос. – Там – два корабля Инквизиции. По острову сейчас шастают пять сотен бойцов. Не меньше. Мы не одолеем их всех. Я знаю их тактику, построения, приемы. Знаю этот остров. К тому же они пришли за мной. Я отвлеку их. Уходите.

– Налькар, ты должен спастись! – выкрикиваю я.

– Они мне кое-что задолжали, – отвечает он. – Мою жизнь. Постараюсь взять долг сполна.

Альбинос делает шаг вперед, смотрит мне в глаза. На мгновение в его взгляде промелькает тот самый Ник, которого я знала. Слабый маг, не очень симпатичный парень, но все же хороший человек.

– Если я не могу быть с тобой, то хотя бы спасу твою жизнь.

– Ты погибнешь, – говорю я.

– Мне больше незачем жить, – отвечает он и переводит взгляд на Чевинфорда. – Одна просьба. Если уж она выбрала тебя – сделай её счастливой. Завяжи со всем этим, продай корабль, купи домик где-то на юге. Живите долго и счастливо.

Проклятый капитан поднимается, протягивает руку, и Налькар пожимает её.

Они стоят так какое-то время, смотрят друг другу в глаза, будто взаимно извиняются.

– Пойдете как планировали – попадете в засаду, – говорит альбинос. – Идите к берегу, увидите огромный красный цветок. Не пропустите. Оттуда – направо. Они думают, что там полно аномалий, но они активны лишь ночью. Если не напоретесь на хищника – выйдете к берегу рядом с местом, где мы причалили. У лодки будут дежурить два или три инквизитора. Если увидят, как она отчаливает, пустят залп с корабля. Удачи.

Чевинфорд кивает.

Я смотрю на них, а по щеке бежит слеза. Они убьют Налькара. С пятью сотнями человек ему никак не справится.

Становится тяжело дышать. Будто бы тяжелый камень лег на грудь.

Слышу вдали крики, вижу на холме инквизиторов. Человек двадцать.

– Уходите, – говорит Налькар.

– Спасибо, – отвечает ему Чевинфорд, берет меня за руку и ведет в сторону пляжа.

Я смотрю назад. На альбиноса. Он стоит нерушимо, как скала. В одной руке у него шест, в другой сабля. Разодранная одежда развевается на его высокой, жилистой фигуре. Длинные волосы задают пляс под порывами ветра.

– За мной пришли? Вот он, я! – кричит он.

Слышится выстрел, чей-то крик, а потом мы скрываемся среди деревьев.

Все вокруг мелькает как на бешеной карусели – листья, трава, насекомое с птичьими крыльями, бродячий на своих корнях дуб. Камыши больно бьют по лодыжкам. Кажется, что не хватает воздуха.

Издали слышатся звуки боя: крики, выстрелы, звон сабель. В просветах между кронами деревьев виднеются инквизиторские корабли. Один из них медленно разворачивается. С него к берегу плывут еще три шлюпки.

Чувствую, как подкашиваются ноги. Чевинфорд это понимает, потому берет меня на руки.

Смотрю в кусты и вижу, как оттуда на меня смотрит то ли морда, то ли лицо. Разобрать трудно. Вроде и человек, но глаза похожи на звериные, а во рту виднеются острые клыки.

Существо выпрыгивает из своего укрытия, пытается преградить нам дорогу, но тут же Чевинфорд разрубает его своей саблей.

Что это было? Зверь? Или мутировавший от пребывания здесь человек?

Земля начинает трястись. Вижу, как по земле идут трещины. Чевинфорд перепрыгивает одну из таких, как можно быстрее пробирается через заросли. Грохот все нарастает. От него кажется, что в голове стучат тысячи барабанов. Прибытие инквизиторов ускорило вылупление.

Мы выходим на пляж, где песок подпрыгивает от колебаний почвы. Валятся и ломаются деревья, животные от испуга бросаются в воду. Сидящий на плече капитана Миш испуганно смотрит по сторонам.

Чуть дальше – наша лодка и шлюпка инквизиции.

Инквизиторы рядом с ней обеспокоены внезапным землетрясением. Всего их трое – пара мужчин и женщина, хоть их лодка рассчитана на десяток человек как минимум. Позабыв про товарищей, они бросаются в шлюпку и отплывают.

Воевать, похоже, не придется.

Посматриваю назад – вдруг Налькар смог уйти? Но его нет.

Чевинфорд отпускает меня, толкает шлюпку в воду, садится за весла.

– Забирайся быстрее! – кричит он мне.

Хоть секунду. Вдруг Ник спасся...

Разумом понимаю, что вряд ли. Захожу в воду, перебираюсь через борт шлюпки. Чевинфорд налегает на весла.

Кажется, с кораблей Инквизиции нас заметили. Тот, что поменьше, разворачивается в нашу сторону.

– Где корабль? – спрашиваю я, чувствуя, как дрожит мой голос.

На что Чевинфорд громко свистит. и неподалеку от берега начинает сгущаться воздух. Из ниоткуда появляется облако клубящегося серого тумана, спустя секунду из него выплывает носовая фигура "Вендетты". Корабль в мгновение расправляет красные паруса и движется к нам.

– Веревку! – орет проклятый капитан.

Прямо на ходу кто-то бросает нам трос. Чевинфорд привязывает его к лодке, а я оборачиваюсь к острову, наблюдая то, кто мало кто видел из ныне живущих, а может, и вовсе никто. Рождение гигаморфа.

Глава 18. Долг

Остров разрывается на части. Трещит, хрустит, ломается. Деревья взлетают до самого неба. Часть покрытой травой скорлупы переворачивается в воздухе и падает прямо на фрегат Инквизиции. Корабль ломается пополам, разлетаются щепки. Даже из реального мира чувствуются возмущения в Изнанке. Сотни душ мгновенно пытаются найти путь в Тонкий Мир, но находит не каждая.

Может, вскоре здесь начнет плавать корабль-призрак, полный неупокоенных духов.

Посреди острова показывается гигантский плавник, потом длинная шея вырастает над островом. Существо настолько огромно, что его тень накрывает и нас, и второй корабль Инквизиции. Тот мгновенно забывает про нас и разворачивается.

Рядом со мной в воду падает пальма. Вслед за ней россыпь камешков. Один из них сильно ударяет меня по руке. Я вскрикиваю, а исполинское существо делает последний рывок, и остров буквально разлетается на куски. Гинаморф вертит огромной головой, рассматривая новый для него мир.

Одного его прикосновения хватило бы, чтобы отправить нас на дно. Но мы для этого существа лишь пылинки.

Из его пасти раздается крик. настолько громкий, что я прикрываю уши

ладонями в надежде не оглохнуть. Над водой вздымается хвост, который можно спутать со скалой, бьет о воду, вызывая огромную волну.

– Наверх! Быстро! – кричит Чевинфорд, хватаясь за скинутую нам веревочную лестницу.

Я и сама понимаю, что волна нас накроет. Хватаюсь за трап, ползу вверх, на ходу соображая, что можно с этим сделать.

Энергетический кокон вокруг корабля, но хватит ли сил?

Забираюсь на палубу, ныряю в Изнанку. тут настолько светло, что даже спиральной радуги не видно. Новорожденный гигаморф буквально забил здесь все под завязку своей высвободившейся энергией.

Что и хорошо!

Значит, есть откуда черпать силы, а существо и не заметит. Тут на всех магов континента хватит!

Как можно быстрее собираю энергию, формирую из неё щит. Быстро у меня не получается – где-то остаются дыры, но должно хватить чтоб мы вместе с кораблем не пошли под воду. Зато толчок от волны будет таким, что нас мигом выбросит из Кардемиканы.

Становится трудно, но продолжаю укреплять энергетическую скорлупку. А волна все ближе. Своей верхушкой она почти касается неба. Закрывает собой солнце, потом бросается на нас.

Корабль бросает из стороны в сторону как шарик. Вода повсюду – снизу, сверху, по бокам. Из трещин в пузыре она льется на палубу. Матросы что-то кричат, матерятся. Кто-то падает на палубу, кому-то везет меньше – он улетает за борт.

Вижу на волне огромную пасть, которая, кажется, вот-вот нас сожрет. понимаю, что это лишь проделки Кардемиканы, но все равно страшно. Огромные, сделанные из воды зубы, ломаются о энергетическую скорлупу. Вода все прибывает. Матросы ведрами выливают её за борт.

Чевинфорд!

Где он?

Оборачиваюсь, и вижу, что он помогает своей команде. Держит трос, пока кто-то привязывает его.

В какой-то миг нас переворачивает. Приходится полностью вложиться в усиление притяжения. Голова кружится. В ушах царит неистовый шум.

Судно носится, перепрыгивая из одной волны на другую. В какой-то момент мы поднимаемся так высоко, что тучи оказываются под кораблем. Кажется, сейчас будет больно...

Что-то скрипит. Паруса разворачиваются кверху и корабль зависает в небесах. В этот момент мои силы заканчиваются. Я падаю на палубу,

отдыхиваюсь. Вижу Фон Манлингера.

Одет он не как джентльмен и больше похож на остальных членов команды – грязная рубаша, штаны, одна из подтяжек которых порвана, растрепанные волосы.

– Летим! – говорит он с чувством гордости в голосе.

Я смотрю за борт и вижу там густые серые облака. Местами в них виднеются пробелы, а сквозь них проглядывает бушующее море.

Вспоминаю о Налькаре.

Вряд ли он выжил. Никто не мог бы выжить после того, как остров разорвало в клочья. И мы его там оставили! На верную смерть! Даже если бы яйцо не вылупилось, его убили бы инквизиторы. В лучшем случае. В худшем – до конца жизни ставили бы на нем эксперименты.

Зараза!

Чевинфорд подходит ко мне, но я смотрю на него исподлобья.

– Не прикасайся ко мне, – говорю ему. Я зла на него, он мог что-то сделать, но не сделал. По той же причине злюсь и на себя.

Весь мокрый Миш смотрит на меня большими и круглыми глазами. А его хозяин вздыхает.

– Мы не могли иначе поступить...

– Могли, – прерываю я. – Мы отдали его жизнь в замен собственной! Зачем мы вообще плавали туда? За этой шкатулкой, в которой хранится непонятно что? Мы даже открыть её не можем! А если сможем, понятия не имеем, что делать с содержимым.

Проклятый капитан делает шаг ко мне, пытается обнять меня, но я делаю шаг назад.

– Я хочу сойти в ближайшем порту, – говорю ему и быстро удаляюсь в каюту мага.

К сожалению, закрыть её изнутри невозможно, на случай шторма замков на кораблях не ставят, но, надеюсь, Чевинфорду хватит совести не являться сюда.

Сбрасываю с себя мокрую одежду. Надеваю длинную сорочку и падаю в кровать. Хочется спать. Веки смыкаются сами, будто к каждой из них привязали по гире. Надеюсь, мы зайдем в какой-нибудь порт и я спокойно покину этот корабль и я больше никогда не увижу проклятого капитана.

На какое-то время мне показалось, что у него ко мне чувства, но нет. Он просто увидел девушку в своем вкусе и решил развлечься. А если бы его поставили перед выбором или я, или месть Архиепископу, он несомненно выбрал бы месть. Потому что он любил в своей жизни лишь раз, свою погибшую жену.

Все это ранит мое сердце, хочется заплакать, но сил нет. Закрываю глаза и комната начинает кружиться, из-за чего кажется, что корабль снова попал в шторм.

Постепенно она исчезает. Как и весь корабль. Пропадают звуки. На все становится плевать.

Я во сне.

Стою посреди цветочной поляны. Рядом мягко кивают ели, роняют красные листья клены. Мимо пробегает заяц. По небу плывут редкие пушистые облачка.

– Ты мне должна, – слышу чей-то голос, поворачиваюсь, и вижу духа.

Полупрозрачная человеческая фигура сидит на пне посреди поляны. Подпирает рукой голову и смотрит на меня. У призрака нет глаз, но ощущаю на себе его взгляд.

– Помнишь, я помог тебе увидеть, кто принес на корабль змею? – говорит дух. – За тобой должок.

Чего тебе нужно? – спрашиваю я, понимая, что он не отцепится.

Если не выполню обещанное, он будет постоянно являться ко мне, создавать неприятности. Начнется полоса невезения. То я заболею, то зацеплюсь и упаду, то потеряю деньги или еще что-то. Убить он не убьет, трупы долгов не возвращают, но помучить может.

– Шкатулка, которую вы нашли, капитан отдал Айсену фон Манлингеру. Для исследований. Укради её и выброси за борт.

– Зачем это нужно? Что в ней находится?

– Верни свой долг, – говорит дух и исчезает.

***

Уснуть не могу, хоть очень устала.

Чувствую, как корабль касается моря, как его подбрасывает на волнах. Слышу, как кто-то громко говорит на палубе. Мысли мешаются.

Зачем духу понадобилась эта шкатулка? Почему мне нужно выбросить её за борт? Что в ней, в конце-то концов?

В итоге не выдерживаю, поднимаюсь, иду к каюте фон Манлингера и стучусь в дверь. Он открывает почти сразу же. Снова опрятно одетый, причесанный, в застегнутом на все пуговицы костюме.

– Добрый вечер, мисс Анесьенна, – приветствует он, склоняя голову. – Хорошо, что вы зашли. Чевинфорд просил меня разобраться со шкатулкой, а без помощи мага тут, кажется, не обойтись.

Шкатулка стоит на столе в его каюте. Рядом с ней несколько пузырьков, щипцы, какой-то аппарат с множеством линз.

– Проходите, – говорит он, уступая мне путь.

Если дух просит выбросить эту шкатулку, значит, она очень важна. Что это вообще за призрак? Он похож на дух недавно погибшего человека, но множество подобных сущностей может менять свой облик. Была бы здесь энциклопедия призраков...

Я вхожу в каюту, замечая, что шкатулка излучает едва заметное голубое свечение. Не замечала его раньше.

– Это похоже на так называемую "коробку Амирия", – говорит фон Манлингер.

– Амирия?

– Да, в академии ведь не изучают неразрешенных видов магии, – фон Манлингер искривляется. – Когда-то жил маг Тени по имени Амирий. Он придумал способ прятать информацию так, чтоб она не попала в другие руки. Такие вот шкатулки, которые может открыть или тот, кто положил туда предмет, или тот, кому она адресована. Верхняя крышка слегка зеркальна. Если приглядеться – в ней можно заметить собственное отражение. И откроется она только тому, чье отражение соответствует нужному.

– То есть можно использовать иллюзии...

– Нет, нельзя, – отвечает ученый. – Присмотритесь.

Он пододвигает к шкатулке стоящий неподалеку подсвечник, и я замечаю его отражение в крышке. Его звериное отражение. Зубы скалятся, Глаз горит, на морде виднеется густая шерсть.

– Так это не работает, – говорит он, отодвигая подсвечник. – Эта крышка всегда видит мир таким, какой он есть. Может вы, как маг, сможете как-то взломать или обмануть механизм?

– То есть её может открыть только Архиепископ, – говорю я про себя. – А если поискать похожего на него человека? Или родственника? Даже если их нет в живых, всегда остается некромантия.

Что я такое говорю? Я проведу ритуал некромантии? Да никогда!

Тут же чувствую, как дух наблюдает за мной и будто насмехается. Ждет, когда я отдам ему долг...

Но ведь он не просил выбрасывать содержимое. Он говорил о шкатулке. И если открыть её, забрать то, что в ней находится, а саму шкатулку отправить за борт – договор с духом будет считаться исполненным. Сдаваться я не собираюсь. Тем более какому-то призраку.

Правда, больше призрака, меня беспокоили слова Налькара о том, что мне что-то внушили. Не знаю что и почему, но неспроста я могу ранить Чевинфорда. Почему тогда до сих пор я не сошла с ума и не бросилась на него?

Наверняка кто-то на корабле знает это. Потому меня попытались убить. И может, он все еще тут? Заплатил одному из матросов, чтобы тот сдался вместо него, а сам спокойно ходит рядом и ищет способы чтобы напасть?

Вдруг он один из так называемых "чародеев часа", чья сила появляется только в определенное время суток или месяца, а потом исчезает, и магию в нем не разглядеть?

– Еще вопрос – если Архиепископ оставил шкашулку на этом острове, то зачем? – вслух думает фон Манлингер. – Для кого? Или он спрятал что-то важное для себя? Но зачем тогда это прятать на острове-яйце и не забрать перед вылуплением? Конечно, он не знал, что яйцо потревожат инквизиторы и гигаморф появится на свет раньше положенного, но в это время Его Святейшество должен присутствовать на восьмом магическом соборе в Дурмсенге.

– Там был портал куда-то в другое место, – говорю я. – Может, есть и другие, сквозь которые можно туда попасть? Знать бы, что это за место.

– Опиши его, – говорит фон Манлингер.

– Горы, много снега, похожий на захоронение алтарь, статуя Безымянного Бога. Если бы я не знала, что тело Безымянного Бога рассыпалось в прах, решила бы, что это его могила.

– Может, это не могила самого Безымянного Бога, но могила его имени, – предполагает фон Манлингер. – Судя по некоторым записям, легендам и слухам, когда Безымянный бог отрекся от имени, его похоронили. Архиепископы тоже отрекаются от имени, но не хоронят, а сжигают его.

– Это обычный показатель ритуал для публики, – отмахиваюсь я. – В нем нет ничего магического. Традиция и ничего более.

– Сейчас так и есть, – отвечает фон Манлингер. – Но есть записи, согласно которым отказавшись от имени становишься ближе к некоторым иногда запретным магическим практикам. Ты же чародейка и не знаешь, что имя – это магическая метка.

– Это я знаю. Имена часто используются во всяческих проклятиях, – отвечаю я, переводя взгляд на шкатулку.

Её крышка поблескивает в полумрачной комнате. Отчетливо чувствуется, что она наполнена волшебством. На острове я этого не ощущала. Но там множество помех. А вот здесь...

Не ясно только, сама шкатулка излучает магию, или её содержимое.

Надо бы провести с ней несколько экспериментов, попробовать реакцию на алхимические субстанции...

– Выбросить её за борт, – тихо шепчет дух.

Сдаваться ему я пока что не намерена. Впрочем, я сама заключила с ним сделку и сама же виновата во всем.

– Когда мы прибудем в порт? – спрашиваю я.

– Скоро. Нам нужно будет пополнить запасы и поискать кого-то, кто сможет разобраться с этим ящиком, если это вообще возможно. Уже хочется сойти?

Отвечать я не хочу. Не его это дело. Всяко, если я сойду, возможно, дух придумает для меня что-то другое. Да и под началом одержимого своей местью Чевинфорда находиться не особо хочется.

– Дождись, пока фон Манлингер уснет и выбрось её за борт, – шепчет дух, а я стараюсь не обращать на него внимания.

– А что, если сам Архиепископ сможет её нам открыть? он же сейчас на соборе? – спрашиваю я.

– Скорее всего. Всяко. он должен там быть.

– Если как-то подсунуть ему эту шкатулку. Возможно, увидев то, что внутри. он как-то выдаст себя.

– А это мысль, – отвечает ученый. – Расскажи об этом Чевинфорду.

– Может, вы? Не очень хочу с ним говорить, – кривлюсь я.

Фон Манлингер Усмехается, вздыхает.

– Он рассказал и об альбиносе, и о том, что он сделал, и о том, что на тебе может быть внушение. Он хочет спасти тебя.

– Я не просила меня спасать! И уж тем более не просила этого делать ценой жизни других! – я начинаю злиться. Пальцы сжимаются в кулаки, появляется желание кого-нибудь ударить.

– Если бы Налькар не пожертвовал собой, вы бы не выбрались с острова. Это был выбор Налькара, – отвечает фон Манлингер, подходит к шкатулке. – Поддай на неё немного магической энергии.

Я касаюсь Изнанки, зачерпываю оттуда силу, перебрасываю её на коробочку. Та слегка светится, немного мерцает, но открываться упорно не хочет. Она слегка потрескивает, воздух возле неё превращается в пар, от чего шкатулка начинает расплываться.

– Достаточно, – говорит фон Манлингер. – Можем уничтожить её вместе со всем содержимым.

– Продолжай, – тихо нашептывает дух, но я прекращаю.

– Пойди, выпишь. Обдумай все. А утром поговори с Чевинфордом, – говорит ученый. – Со шкатулкой сейчас, похоже, ничего не сделать.

Я выхожу из каюты, и тут же моя нога дергается сама по себе, падаю на доски и слышу смех духа.

Ну вот, началось.

К счастью, он не слышит мои мысли, и не знает, что я предприму. А мне и самой становится интересно, что же находится в этом треклятом ларце, и почему этот дух так не хочет, чтобы его открыли.

Поднимаюсь, отряхиваюсь.

– С вами все нормально? – спрашивает заметивший меня Айсен.

– Да. Все хорошо, – отвечаю я и возвращаюсь в свою каюту.

– Кто ты, дух? – интересуюсь я скорее сама у себя, так как понимаю, что он не ответит.

Дух и вправду молчит, я же ложусь на кровать и пытаюсь уснуть под медленное покачивание волн. Уже и эликсир против морской болезни не нужен. Привыкла. Как и к постоянным крикам матросов на палубе.

Что же может быть заключено в той шкатулке? Почему её прятать именно там, в горах? Содержимому нужен холод? Внутри что-то алхимическое? А если оно опасно?

Нет, вряд ли кто-то станет прятать подобное на яйце гигаморфа.

Это что-то связанное с самим Архиепископом. Возможно, способное убить его или дающее ответ на вопрос "что он такое?". Это если верить Чевинфорду. Но его самого могли обмануть. Его воспоминания похожи на поддельные.

Но кто? И зачем?

Дух снова появляется перед глазами, стоит мне закрыть глаза. Теперь я стою в тех же горах, где лежала шкатулка. Перед глазами тот же монумент с надгробием. Его почти не видно, потому что снег залепляет мне глаза.

Дух сидит на надгробии, так же, как и в прошлый раз подперев голову рукой.

– Сейчас ночь. Почти все спят. Самое время избавиться от этой шкатулки, – говорит он.

– Зачем она тебе? почему это тебе так важно, дух?

– Тебе ли не все равно? Я призрак. У меня свои призрачные дела, – кажется, что он усмехается, хоть никакой усмешки на полупрозрачной фигуре, естественно, нет.

Да и говорит он совсем не как дух. Те ведут себя иначе, говорят иначе. Они вообще немногословны, им трудно разговаривать с живыми. Трудно даже смотреть на нас.

А что, если это не дух, а проекция?

Видение, созданное чародеем, и посланное мне в голову?

Но тогда этот чародей должен быть где-то совсем рядом...

Глава 19. Душа бездушного

– Ты хотела мне что-то сказать? – слышу голос капитана и просыпаюсь.

Он стоит в углу моей каюты, опершись о стену, и смотрит прямо на меня. Миш сидит на своем привычном месте – на его плече. А взгляд направлен точно в мои глаза.

Вот уж Айсен! Все-таки сказал ему!

– То, что я хочу побыстрее уйти с этого корабля, – отвечаю я.

– Неужели? – усмехается он.

Его усмешка добрая, но меня она скорее злит.

– Да. Я не собираюсь здесь больше находиться, – говорю я.

Он подходит ко мне, приседает, пытается поцеловать, но я отодвигаюсь.

– Мне нужно сойти на берег, – немного призадумываюсь, и решаю рассказать ему все, как есть.

Про духа, который помог мне и требует отдать долг. Про то, что, возможно, это не совсем дух, возможно, на корабле притаился еще один чародей, которому сама природа помогает скрывать способности. Про шкатулку, которую мог бы открыть сам Архиепископ, если ему её подбросить.

– Бывал я на этих их соборах, – говорит Чевинфорд. – Не на самом соборе, но рядом. Первые люди церкви, самые сильные маги в мире, несколько влиятельных политиков, и тут через черный ход внутрь заводят с три десятка куртизанок. Думал тогда, мол, они тоже люди, им тоже нужно как-то развлекаться. Но на самом деле церковь прогнила насквозь.

Он снова наклоняется ко мне в надежде поцеловать, но я снова отодвигаюсь.

– Пойми ты, я не твоя жена. Я – другой человек. И мы друг другу не подходим. Может, твоя Элени согласилась бы на то, чтобы ты приносил в жертвы других, но я точно нет. Я сойду в первом же порту.

Чевинфорд поднимается, поворачивается ко мне спиной, тяжело дышит.

– Нет, – говорит он.

– Не отпустишь? – я начинаю злиться и чувствую, что все-таки выброшу за борт треклятую шкатулку.

– Не согласилась бы, – отвечает он. – Этим ты мне и нравишься.

– Так я сойду?

– Как хочешь. Но сперва помоги проложить курс на собор и блокируй магию, пока не работаешь, чтобы этот призрак ничего не натворил.

Чевинфорд покидает мою каюту. Блокировать магию? Может, и

сработает, но некоторые духи все равно могут натворить неприятностей, не мне, так команде. А если это не призрак, то не поможет.

Ладно, с курсом я помогу.

Одеваюсь, выхожу на палубу. День не очень погожий. На небе висят низкие серые тучи, моросит мелкий дождик. Холодно, сыро, да еще и ветер, как сорвавшийся с цепи пес, больно бьет в глаза и заставляет дрожать от холода.

Немного подправляю его направление. При таком ветре добраться сможем быстро. Встаю на рабочее место, смотрю на приготовленную для меня карту. Место, где проводится собор, не так и далеко. Почему они выбрали для собраний это место? Дурмсенг – старинный замок на берегу моря рядом с холодным течением. Климат там не важный. Небо постоянно закрыто тучами, круглый год лежит снег. Зато магической энергии хоть отбавляй. Раньше там была одна из самых старых магических академий.

Направляю ветер по курсу, ныряю в изнанку, посмотреть, что происходит под нами.

На горизонте вспыхивает спиральная радуга. Тучи становятся черными. Кажется, что наступила ночь, хоть вокруг светло. Море похоже на вязкий бурый кисель, сквозь который корабль пробирается с трудом. Вижу, что у корабля появились лапки, как у насекомых, которыми он помогает себе двигаться.

Иллюзии изнанки, конечно, но зрелище не из приятных.

– Выброси шкатулку, – слышу тихий шепот, и вижу созданный из жижи под нами рот.

Отворачиваюсь. Нахожу нескольких птицеящеров неподалеку. Внушаю им страх, и те улетают прочь. Бродячий кашалот под нами тоже получает иллюзию, будто наш корабль – черная акула – его естественный враг. Неподалеку замечаю спрута – тоже отталкиваю его подальше.

Кажется, все.

Только странный дух маячит передо мной в разных образах. То он – сделанное из воды лицо, то поворачивающаяся ко мне носовая фигура, то один из проходящих мимо матросов, а то и вовсе занимает собой все пространство вокруг.

– Выполни свой долг! Шкатулку не должны открыть! – шепчет он.

Голос становится все громче и звучит отовсюду. Я выбираюсь из Тонкого мира, и едва стою на ногах. Дух качает с меня силы с какой-то невероятной скоростью

Чтоб его!

Меня аж шатает из стороны в сторону. Почти падаю. Чевинфорд

подхватывает меня, помогает удержаться на ногах.

– Этот дух слишком силен, – бормочу я.

Нет, это не может быть иллюзия. Дух настоящий. Иначе я заметила бы мага из изнанки. Такую иллюзию нужно постоянно поддерживать. Но что-то в нем есть знакомое и близкое. Может, это призрак Налькара? Прицепился к кораблю и является мне...

– От него никак не отделаться? – спрашивает Чевинфорд.

– Нужен маг посильнее меня. Лучше всего – некромант. Или выполнить долг.

Проклятый капитан искривляется. Почему-то мне кажется, что на мгновение он решил избавиться от этой шкатулки.

– Нужно плыть быстрее, – говорит он. – Чем быстрее доберемся до Собора, тем быстрее откроем ее, и он от тебя отцепится.

– Не факт, что отцепится. Может убить в наказание за невыполненный долг. Интереснее зачем она ему...

– Не откроем, не узнаем, – говорит Чевинфорд и становится за штурвал. – Если что – на Соборе много магов, которые могли бы отвадить его.

– И вряд ли кто из них захочет мне помогать, – бормочу себе под нос, а потом чувствую легкое касание из изнанки.

Чертов призрак решил вселиться в меня и сам проделать все, что ему нужно. Я сопротивляюсь изо всех сил. Это буквально иссушает меня, голова начинает кружиться, зрение затуманиваться, слух пропадать.

Слышу голоса рядом. но не могу понять, что они говорят. В ушах стоит шум. А спустя мгновенье все приходит в норму.

Он отпустил меня?

Да неужели?

– Тебе надо отдохнуть, – говорит Чевинфорд, придерживая меня.

– Да, конечно, – отвечаю я. Точнее, мой рот сделал это сам. Проклятие! Дух вселился в меня и полностью контролирует мое тело. Зараза! Он спускается вниз, поглядывая моими глазами на каюту Фон Манлингера.

Какое же неприятное ощущение! Руки, ноги, голова, язык – все подчиняется кому-то другому. А я оказываюсь узницей в своем собственном теле. Пытаюсь подать какой-то знак, но не могу. Ничего не могу! Он держит меня как тисками!

Не могу даже плакать!

Мне горько, но на моих устах сама по себе появляется улыбка.

Открываю дверь в каюту и вижу шкатулку. Она стоит там же, где и стояла, и все так же слегка светится. Прикасаюсь к ней и чувствую. как по

коже проходит жар. От прикосновения ладони начинают гореть огнем.

"Уйди! Уйди из меня" – проносятся мысли в голове, но дух не желает слушать. Завязывает шкатулку в старую скатерть, вслушивается, есть ли кто-нибудь рядом.

Начинаю ощущать в голове чужие мысли. Мысли призрака. Как ни странно, как для духа они понятны.

В голове проносятся слова "клятва", "Архиепископ", "уберечь".

Дух дал клятву Архиепископу? Как это вообще возможно? Призраки не приносят клятв! Он сделал это еще живым? Но после смерти человек освобождается от всех клятв и обетов.

Разве что его тело все еще живо, но душа каким-то образом отделена от него!

Душа Чевинфорда!

***

Уж не знаю что за клятву принес проклятый капитан, но его душа так и не смогла упокоиться, все продолжает выполнять данное Архиепископу обещание.

Сейчас она ведет меня прямо к борту корабля, чтобы отправить шкатулку в воду.

"Чевинфорд! Это ведь ты!" – обращаюсь к духу мысленно. Он должен среагировать на имя. В мире духов оно значит куда больше, чем у нас.

"Мое тело предало меня! Но я все равно должен выполнять свой долг! А ты свой" – отвечает дух.

Перед моими глазами все меркнет. Палуба качается все сильнее. Никто на ней не обращает на меня внимания, а я спокойно подхожу к борту, и чувствую, как холодный ветер облизывает меня с ног до головы.

"Но ведь Архиепископ убил твою жену! Как ты можешь до сих пор ему служить?"

"Мое тело видело одно. А я видел совсем другое" – в моей голове раздается монотонный голос призрака.

Значит, все-таки, воспоминания проклятого капитана ненастоящие. Их наваял какой-то колдун. Только зачем? Сейчас не важно. Важнее остановить духа и остановиться самой.

"Ты можешь поговорить с собой через меня и все выяснить. Не нужно этого делать!"

"Он – больше не я! Он нарушил клятву, а я нет" – дух начинает сердиться. Делает он это как человек. Конечно же как человек, ведь его телесная оболочка жива и совсем рядом.

Мои руки поднимают шкатулку в готовности отправить её на съедение

черным волнам. Сердце начинает стучать все сильнее. Сопровождаюсь из всех сил. Нужно подать какой-то знак. Как то сообщить всем, что я одержима!

Но призрак стоит на своем. с каждой секундой я все ближе к тому, чтобы выпустить шкатулку. Воды здесь глубокие и холодные. Вряд ли кто сможет её достать.

Чувствую, как кто-то хватается меня за запястье.

Неужели!

Шкатулка вылетает из моих рук, с грохотом падает на палубу. Я поворачиваюсь и вижу лицо Чевинфорда. Чувствую его дыхание. Слышу бой его сердца. Он, похоже, сам не знает что происходит, только смотрит мне в глаза.

– Предатель, – говорю я, а точнее призрак, воспользовавшись моим ртом.

– Кто ты? – спрашивает Чевинфорд. Кажется, он понимает, что я одержима.

– Тот, кого ты предал, – отвечает дух.

Свой голос я не узнаю. Он хриплый и звучит подобно скрежету по металлу.

– Айсен, – Чевинфорд подзывает фон Манлингера, – кажется, она одержима.

Тот подходит. смотрит мне в глаза.

– Так и есть, – говорит он. – Только я не экзорцист и не знаю что с этим делать. Слышал про ритуалы, но проводить не возьмусь. Нужен кто-то более умелый.

Я начинаю выдираться из хватки Чевинфорда. Дух пытается заставить меня саму спрыгнуть с корабля. Я боюсь, пытаюсь за что-то ухватиться. К счастью, Чевинфорд крепко меня держит.

Во рту сушит. В голове царит настоящий круговорот.

– Лучше всего её заковать в антимагические кандалы, – предлагает фон Манлигер. – Дух может много чего натворить.

Чевинфорд вздыхает. Он явно недоволен предложением. Какое-то время стоит призадумавшись.

– Вы двое, вынесите из трюма клетку, – велит он.

Пара матросов неподалеку от нас кивают и направляются по лестнице вниз.

– Демоны могут добавлять силы своему телу. Клетка может её не остановить...

– Айсен, мне виднее что делать, – Чевинфорд косится на своего

товарища. – Подумай лучше о том, как мы доберемся до Дурмсенга без мага, и о том, где нам найти экзорциста.

– Вот видишь, – говорит моим ртом дух, – не стоило оставлять Налькарадохнуть на острове. Инквизиторы умеют изгонять духов. А она очень переживает. Злится на тебя. Считает, ты без души не только в прямом смысле.

Мой рот растягивается в широкой ухмылке.

Чевинфорду это не нравится. Он смотрит в мои глаза, а я смотрю в его. В его взгляде чувствуется забота обо мне, но в то же время ненависть к тому, кто в меня вселился. Знал бы он, кого сейчас ненавидит...

– Кто ты, демон? – спрашивает он.

– А то ты не помнишь меня? – отвечает дух. – Ты ведь предал меня! Ты предал все, за что боролся! Ты стал врагом тому человеку, которым ты был раньше! Ты преступник, Чевинфорд! Из благородного человека ты превратился в жалкое отребье..

– Заткнись! – выкрикивает проклятый капитан. – Плевать мне, что ты призрак. Я найду как добраться до тебя и заставлю страдать самыми страшными страданиями, которые может пережить дух!

Я плюю Чевинфорду в лицо. Пытаюсь удержаться, но призрак держит слишком сильно. Он должен ослабнуть! Рано или поздно у него закончатся силы, и тогда я попытаюсь высвободиться.

Начинаю вспоминать все, что я помню об экзорцизме и изгнанию духов. Как же это трудно! Вселившееся в меня создание чувствует, что я пытаюсь найти, и всеми силами не дает этого сделать.

Мысли все время улетают и кружатся. Начинаю вспоминать то детство, то учебу в академии, то вкус лимонных конфет. Что угодно, лишь бы не то, что нужно.

Ник погиб из-за меня! Не Чевинфорд виноват, а я! Нужно было еще в академии четко объяснить ему, что мы с ним не пара. Нужно было!

Сжимаю пальцы в кулаки, и понимаю, что это призрак играет на моей совести, навевает лишние мысли. Тем временем пара матросов выносит на палубу блестящую клетку, а проклятый капитан заводит меня в неё.

Дух сопротивляется.

Сперва кричит так, что я надрываю горло, потом начинает дергать руками и ногами. Когда дверь клетки закрывается, хватаюсь за прутья. Те холодные как лед. На самом деле нет, но из-за духа они обжигают.

– Отпусти меня, любимый, – говорю не я, а он, и в то же время на короткое время я ощущаю нечеловеческое блаженство.

Будто лечу в небесах, а Чевинфорд рядом. мы обнимаемся. Он кладет

ладонь мне на плечо. Наши губы касаются в поцелуе. По телу разбегаются приятные искорки тепла. Внизу живота слегка ноет, а проклятый капитан все сильнее прижимает меня к себе.

В этот момент понимаю, что дух не врет.

Он находит чувства во мне и выражает их моими устами.

Безымянный бог! Я действительно люблю Чевинфорда!

Мне страшно, что это все навеяно какой-то магией, но я чувствую, что все взаправду. Это не может быть просто иллюзия, внушение или самонастрой. Это что-то большее.

Сердце начинает буквально разрываться от одного взгляда на него.

– Вернись. Прошу тебя! Выпусти меня! – говорит призрак моими устами.

Я сдерживаю его как могу, но не получается. К счастью, проклятый капитан понимает в чем дело, и молча смотрит на меня.

Один способ экзорцизма удастся вспомнить, но, к сожалению, он здесь неприменим. Провести его можно только в храме Безымянного бога. Потом на ум приходит еще один, но тоже без толку. В этом нужны травы, растущие только на Жинберском полуострове, а это по меньшей мере неделя пути.

Конечно же, и самый простой способ. Но к нему я не хочу прибегать.

Ни за что!

Дух уйдет из меня, если кто-то добровольно предложит ему свое тело взамен моего. Возьмет на себя мои прегрешения и мой долг перед ним.

Но я не хочу этого!

Понимаю, что тут лишь один человек, способный на это. Пусть это его же душа, но что будет с ним, если она вернется в тело? Сойдет с ума? Покончит с собой? Кто знает, что будет, когда злейшие враги соединятся.

Не хочу этого.

– То-то же, – шепчет призрак и продолжает смотреть на Чевинфорда. Не сводит с него взгляд, дет, когда ему получится сбежать из заточения. А ведь в моем теле он способен ранить и убить капитана!

Безымянный бог!

На Дурмсенге должен быть экзорцист. Поскорее бы добраться до них, и не дать за это время призраку чего-то натворить.

Чувствую, что сущность во мне отступает, таится. Но это лишь уловка. Он хочет, чтобы меня выпустили. Я опираюсь о холодные прутья, подкладываю под спину смятый пиджак, и смотрю на море. Дух хочет, чтобы я рассказала Чевинфорду о том, как избавить меня от него. Но я не буду этого делать. Даже если призрак отберет мою жизнь.

– Нам понадобится чародей, – слышу слова фон Манлингера. – Впереди несколько блуждающих водоворотов, только маг сможет провести нас так, чтобы мы не угодили ни в один.

– А обходной путь? – интересуется капитан.

– Через пролив Кюнсена, скорее всего, нарвемся на риф. А обходить с другой стороны долго. Собор закончится.

– Пролететь над водоворотами не сможем? – Чевинфорд искривляется, ругается.

– Чтобы задействовать режим планера, нужен толчок. Как в Кардемикане, – отвечает фон Манлингер. – Сам по себе корабль не взлетит.

– Зараза.

– И я не знаю где взять такой толчок в этих водах, – вздыхает ученый.

Зато я знаю! Тут водятся киты Петруччи. Они, конечно, поменьше гигаморфа, но если заставить его выпрыгнуть из воды в нужном месте, мы получим нужное ускорение. Только в Изнанку заходить опасно. Дух в ней сильнее, может полностью подавить меня, а то и вышвырнуть из собственного тела, присвоив его окончательно.

Но выхода нет. Чевинфорд точно не захочет терять возможность добраться до Архиепископа.

Глава 20. Враг внутри

– Ты хотела мне что-то сказать

На палубе становится холодно. Дует ветер. Все небо покрыто вязкими, серыми тучами. Я кутаюсь в старое пальто, которое дал мне Чевинфорд. Опираюсь на прижатую к прутьям подушку, смотрю вдаль. Там, среди моря, на миг появляется хвост огромного кита. Раздается громкий плеск и животное уходит в море. Нужно будет найти такого, когда приблизимся к области вихрей.

Дух, кажется, уснул, хоть они никогда не спят. Могут затаиться, но не спать. Он следит моими глазами за всем происходящим. Я чувствую это. Особенно когда смотрю на Чевинфорда.

Тот стоит за штурвалом, периодически посматривая на меня. Спать не идет. Переживает, наверное.

– Капитан! – слышится чей-то голос и из-под палубы выходит высокий матрос с темной повязкой на голове.

– Чего тебе, Милтен?

– Когда я был мальчиком, подрабатывал помощником у экзорциста. Я кое-что об этом знаю.

– Ты владеешь магией? – Чевинфорд морщится.

– Нет, – отвечает матрос. – Я только помогал ему. То поднести, то

поставить, собрать травы для зелья и прочая ерунда. Но как выгнать духа помню.

Только бы он не сказал про добровольное принятие духа на себя!

– Где же ты раньше был?

– Спал. У меня была ночная смена.

– Говори, – кивает Чевинфорд.

– Духа можно изгнать, если кто-то добровольно согласится предоставить ему свое тело, – говорит матрос.

Да чтоб тебя!

– Кажется, придется возвращаться домой, – шепчет призрак в моей голове.

– Кто это может сделать? Ритуалы какие-то нужны? – интересуется Чевинфорд.

– Только тот, кто по своей воле предоставит ему свое тело.

– Не делай этого! – вскрикиваю я.

– Есть другие способы? – спрашивает капитан у матроса, не обращая на меня внимание.

– Да их куча. Только сделать трудновато. То им освященную землю подавай, то эликсиры из редких трав, то зеркало величиной три на три метра.

– Ясно, – отвечает Чевинфорд. – Спасибо, Милтен. А что будет, если я предложу свое тело?

– Понятия не имею, – отвечает матрос. – Я все-таки не экзорцист. Да и вы – особый случай.

– Благодарю. Можешь быть свободен.

Матрос кивает, уходит, а капитан переводит взгляд на меня. Он какое-то время мешкает, будто раздумывает, что ему делать дальше.

– Это...

Я пытаюсь сказать, что это за призрак, но тот сразу же заставляет меня замолчать. По моей щеке бежит слеза. Прошу тебя, не делай этого! Но дух лишь смеется где-то в моей голове. Тихий, злобный хохот разъедает уши. Кажется, что где-то во мне гремят тысячи барабанов.

– Позовите Айсена! – командует Чевинфорд.

Спустя несколько секунд сонный, растрепанный фон Манлингер появляется на палубе, на ходу застегивая рубаху.

– Что-то произошло? – спрашивает он.

– Я собираюсь отдать свое тело духу, – говорит он. – Если со мной что-то случится – пообещай закончить то, что я начал. Покончить с Архиепископом.

– Но...

– Никаких "но". Или да, или нет, – настаивает Чевинфорд. – Если я сойду с ума, потеряю контроль, тебе нужно добраться до Архиепископа. Корабль и команда в твоём распоряжении.

– Она того не...

– Да или нет?

Фон Манлингер вздыхает, смотрит на Чевинфорда недовольным взглядом, потом на меня.

Останови его! Ну же!

– Хорошо. Я сделаю это, – кивает ученый, в то же время дух начинает нашептывать мне на ухо.

– Кажется, я знаю, почему ты здесь, – говорит он. – Я чувствую это. Видишь ли, эта шкатулка зачем-то нужна Архиепископу, и почему-то он сам не мог её достать. Но он откуда-то знал, что его враг, Чевинфорд, заберет её. Как только он доставит шкатулку Архиепископу, ты должна будешь убить его. Это тебе внушили и от этого не отделаться. А потому, когда я вернусь в свое тело, убью тебя.

Безымянный бог! Значит, это конец! Я сомневалась до последнего. Вот только дух не врет. Я чувствую это...

– Держи, – Чевинфорд передает фон Манлингеру Миша. – В случае чего не хочу ему навредить.

Ученый кивает, берет зверька из рук капитана. Миш пищит, желая вернуться к хозяину, но ученый не отпускает.

– Не надо, – шепчу я, но треклятый призрак не дает мне сказать это громче. Он полностью парализует меня. Не дает пошевелить даже пальцем. В голове все мешается. Чувствую лишь дрожь и судорожное биение сердца.

Чевинфорд снимает с пояса саблю, отбрасывает её в сторону, подзывает к себе нескольких матросов.

– Когда в меня войдет дух, закройте меня в клетке и не слушайте меня, что бы я ни сказал.

Те послушно кивают, а капитан садится рядом со мной на корточки, усмехается.

– Сейчас я тебе помогу, – говорит он.

Не нужно! Так ты только хуже сделаешь!

Пытаюсь сделать что-то с помощью магии, но не чувствую Изнанку. Зараза!

– Призрак, ты слышишь меня? К тебе обращаюсь!

– Слышу, – отвечает дух моими устами.

– Я готов отдать тебе свое тело взамен её. Прими его. Ты не можешь

отказаться от самопожертвования.

– Не надо! – вырывается у меня в последний момент, но понимаю, что поздно.

Чувствую, как дух покидает мое тело. Ощущение приятное, будто бы с плеч сняли тяжелую ношу, но тут же вижу, как взгляд Чевинфорда затуманивается. Его пальцы то сжимаются, то разжимаются. Лицо искажается в гримасе.

– Закройте меня! – шипит он чужим, неестественным голосом.

Матросы хватают его под руки, открывают клетку, я мгновенно выпрыгиваю оттуда, бросаюсь к Айсену.

– Это его дух! Призрак Чевинфорда! – на ходу кричу я.

– То есть это его душа? Это же хорошо, – отвечает тот.

– Нет, потому что дух остался верен Архиепископу. Нужно придумать...

Что придумать? Я не знаю что делать в таких случаях. Да и вряд ли кто знает. Может, даже самые сильные маги не смогут тут помочь. Не было в магической практике, по крайней мере известной, такого, чтоб душа отделилась от тела, при том тело продолжало жить. Не было и такого, чтоб дух возвращался обратно в тело. Ну и тем более конфликтов между телом и душой точно не было.

Я смотрю на Чевинфорда. Вижу, что он борется. Наверняка он понял кто в него вошел и не согласен с ним. В его голове идет борьба с самим собой, в сравнении с которой схватка с Архиепископом – мелочь.

– Что посоветуешь? Ты единственный маг на корабле, – спрашивает меня Айсен, я же не могу трезво соображать. Чувствую слабость, головокружение и все прочие симптомы, которые бывают, когда из тела выходит вселившаяся в него сущность.

– Если бы я знала, – бормочу про себя и вижу, как Чевинфорд расплывается перед моим взглядом. Приходит темнота.

***

Просыпаюсь в своей каюте. Через небольшое окошко пробивается яркий свет. День обещает быть солнечным.

Мгновенно в голове всплывает Чевинфорд, пожертвовавший собой, чтобы спасти меня от духа. Чувствую укол в груди и резко вскакиваю с кровати, одеваюсь, несусь на палубу и почти сбиваю с ног Айсена.

Тот явно нервничает. Лицо напряжено, брови сдвинуты к носу.

– Как он? – спрашиваю я.

– Не ест, не пьет. Все время смотрит в одну точку. Он будто бы в коме. Но физически он в порядке.

Я прохожу мимо фон Манлингера в желании побыстрее добраться до палубы.

– Ветер стих, – говорит ученый. – Я не хотел вас будить, но все же постарайтесь нам его организовать.

Киваю и вырываюсь на палубу. Несмотря на солнечный день и ни единой тучки на небе тут холодновато. Холодное течение ощущается сполна. Море спокойное и похоже на зеркало. Неподалеку виднеется небольшой, скорее всего, необитаемый островок. Над ним кружат птицы. От корабля к островку плывет шлюпка с квартетом матросов на борту – наверное, Айсен отправил их за припасами.

Клетка стоит все там же. Чевинфорд сидит внутри и смотрит в пол. Если бы не еле заметные движения его грудной клетки, можно было бы подумать, что проклятый капитан умер.

Его лицо не выражает ничего и похоже на манекен. Подхожу к нему, вижу широко открытые, но пустые глаза. Он не замечает меня. Что же с ним происходит? Нужно побыстрее добраться до Дурмсенга. Там точно будут люди, которые знают что и к чему.

Я знаю только одну возможность, когда душа может вернуться в тело – некромантский ритуал. Но тогда трупы начинают вести себя как живые, а не живые как трупы. Может, дело в том....

Понятия не имею в чем!

Протягиваю руку сквозь прутья клетки, касаюсь руки Чевинфорда. Чувствую его пульс. Капитан едва заметно подергивается. Или мне показалось?

Нырять в Изнанку и вижу его оттуда. Душа у него есть, но выглядит как чужая. Она не подходит ему. словно бы на карету поставили колесо от велосипеда.

Обращаюсь напрямую к духу, но тот не отвечает.

Безымянный Бог! Все бы отдала, чтоб ему помочь, но не могу! От этого ноет сердце и сушит во рту. Почему он был жив без души. но как только та вернулась, впал в кому? Как ему помочь? Как?

Только побыстрее добраться до Дурмсенга.

Поднимаюсь, смотрю на спиральную радугу, на море, поменявшее цвет на зеленый, болотный. Ощущаю растущее на дне Дерево душ. Прикасаюсь к нему, пытаюсь попросить о ветре.

Давно никто тут не прикасался к Древу. Оно реагирует почти сразу. Живущие в нем сущности даже не требуют чего-то в замен. Ощущаю легкое дуновение ветерка, но в то же время чувствую присутствие тут кого-то, кроме нас.

Кажется, за островом есть корабль, но рассмотреть его не могу. Сам же остров отсюда кажется куда большим, чем в реальности. Весь он покрыт бело-молочной дымкой. Верхушки его деревьев уходят в небеса и исчезают в тучах. А среди них мелькает что-то, похожее на гигантскую руку, перебирающуюся с дерева на дерево.

– Нам надо уходить, – говорю я, выходя в реальность. – За островом чей-то корабль. Если там есть маг – они знают, что мы здесь.

– Проклятие, – говорит Айсен, берет подозрную трубу, всматривается в сторону острова. – Поднять паруса! Подойдем поближе к острову, заберем своих, и уходим.

Командир с него не очень. Даже голос не тот.

Над головой что-то щелкает, красные паруса мгновенно расправляются. Корабль медленно поворачивает к острову. Я пытаюсь подгонять его, управляя ветром. Но ветру нужно время, чтобы разойтись.

– Чей это корабль? – спрашивает фон Манлингер.

– Не знаю, но, кажется, большой. Может, торговый...

– Торговых путей тут мало, – бурчит ученый. – Наверняка боевой корабль Архиепископа. Или пираты.

– Пираты на нас нападут? – интересуюсь я.

– Смотря что за пираты. За голову Чевинфорда много где хорошо заплатят.

Смотрю на приближающуюся к нам с острова лодку. Гребцы изо всех сил налегают на весла. Я же пробую найти какого-нибудь крупного морского жителя. Если получится незаметно подвести к тому кораблю кого-нибудь покрупнее, может, заметив его, они изменят курс.

Замечаю неподалеку крупного кита.

Они не сильно восприимчивы к иллюзиям, но, надеюсь, все получится. Накладываю на кита иллюзию, будто преследующий нас корабль – стая верховодных рыб. Для него это деликатес.

Морское животное взмахивает хвостом, поначалу не понимая, что произошло, а потом бросается к цели. Надеюсь, их маг не заметит его раньше, чем он подплывет поближе.

Краем глаза вижу, как матросы забираются на борт, и тут же замечаю клетку, в которой находился Чевинфорд. Его в ней нет. Чтоб его! Сбежал! Только куда? Не прыгнул же он в холодные воды?

Оглядываюсь по сторонам и не вижу его на палубе.

– Клетка пуста! – вопит кто-то.

– Обыщите корабль, – отвечает фон Манлингер, а потом смотрит на меня. – Микал, сопроводи госпожу чародейку в свою каюту, – обращается

он к одному из матросов и тот послушно кивает.

– Но мне лучше быть тут! – препятствую я. – Тот корабль все еще может нас преследовать. К тому же скоро нам придется пробираться через...

– Вот потому лучше чтобы единственный человек со знанием магического ремесла на этом борту не пострадал, – отвечает фон Манлингер. – Иди с Микалем.

Да чтоб тебя! Безымянный бог! Из фон Манлингера такой же капитан, как из меня чешуйчатый дракон.

Да и что они сделают, когда найдут Чевинфорда? Он может не согласиться отправиться обратно в клетку. И теперь у него есть душа. Если из-за её отсутствия на нем мгновенно срастались раны, то не значит, что так же будет и сейчас!

– Не убейте его, – кричу я. – Он может быть уязвим.

– Не пытайся связаться с ним магически, – отвечает Айсен. Это может быть опасно.

Я знаю, что опасно. Знаю, что с его душой лучше не контактировать.

Иду вслед за высоким, крупным моряком в каюту, и понимаю, что обязана найти Чевинфорда через Тонкий мир.

Каков он сейчас? Тот ли это человек? Или же дух полностью завладел им? Пусть это его душа, но проведя много времени в Изнанке, в отрыве от тела, можно сказать, что это уже другая сущность.

Мне нужно с ним поговорить. Каким бы он сейчас ни был!

Думаю, смогу отличить его от остальных в Изнанке.

Как только оказываюсь в каюте, а мой сопровождающий скрывается за дверью, прыгаю в изнанку. Стены исчезают, вижу корабль, кажется, гвардейский, который все-таки изменил курс, оставив нас в покое.

Чувствую возмущения, будто рядом есть магическая аномалия. Энергия вокруг меня вязкая, похожая на кисель. В ней вообще проблемно что-то искать, но я продолжаю поиски Чевинфорда.

Как и моряки, обшаривающие все помещения подряд и заглядывающие в каждый закуток. Они его найдут, корабль не такой и большой, прятаться здесь особо негде. Мне нужно успеть первой.

Корабль кажется живым. Стены шевелятся, потолок плывет, пол будто бы желает меня стряхнуть. Смотрю на души вокруг, но не вижу ничего необычного. Может, теперь я не отличу проклятого капитана от остальных....

Ощущаю легкое касание к моему лицу. Чувствую запах и понимаю, что Чевинфорд рядом. В реальности.

Я смотрела вдаль и не видела что творится под носом!

Возвращаюсь. и чувствую крепкую хватку его рук. Ладонь зажимает мой рот.

– Ты же не будешь кричать? Правда? – шепчет он, с силой прижимая меня к себе.

Понимаю, что он изменился. По его голосу, по его касаниям. Он другой. Но какой?

Он резко поворачивает меня к себе, так, что моя голова начинает кружиться. Начинает целовать в губы, расстегивает мою рубаху.

– Постой, – говорю я. – С тобой что-то происходит.

Он поднимает взгляд на меня, усмехается. Его улыбка какая-то неестественная, будто передо мной картина, а не живой человек.

– Мне нужно от тебя кое-что, – говорит он. – Чтобы ты помогла вернуть мне корабль. Для начала – останови ветер.

Его язык касается моей шеи. Пытаюсь вырваться, но безуспешно. Звать пока что никого не хочу. Может, он откликнется?

– Постой, – шепчу ему. – Тебе нужна помощь.

– Я в полном порядке, – отвечает он, а потом его лицо искажает гримаса. Он хватается за свою голову, отступает на шаг.

– Видишь? – я бросаюсь к нему. – С тобой...

– Со мной... Уходи. Скажи Айсену, – бормочет он и я узнаю в его словах прежнего Чевинфорда.

В нем идет борьба. Даже не борьба, а целая война. Такое бывает, когда демоны пытаются вселиться в сильного, волевого человека. И я знаю, как здесь помочь. Нужно только войти в его разум, только как? Он мне не позволит!

Чевинфорд снова преображается. Лицо озаряется кривой ухмылкой. Он с силой толкает меня, я падаю на кровать, он нависает надо мной и начинает массировать мою грудь.

Не сопротивляюсь. Жду подходящего момента, когда он окончательно увлечется процессом, а я смогу дотронуться к его разуму.

Его поцелуи кажутся колючими. Я боюсь. Кажется, что вот-вот ему наскучит, и...

Его руки касаются моего лица, спускаются ниже, единым движением разрывают мою рубаху. Начинают массировать мои бедра. все сильнее и сильнее. На какое-то мгновение я снова вижу того самого Чевинфорда. Проклятого капитана, которого я полюбила. Может, не по собственному желанию, но полюбила.

Чувствую, как мои брюки падают на пол. Расходящуюся по телу жару.

Покачивание волн кружит голову. Проклятый капитан исследует меня, словно неведомый остров в поисках сокровищ.

В этот момент я ныряю в изнанку.

Надеюсь, получится.

Глава 21. Тень

Передо мной остров. Большой и пустой – ни деревьев, ни травы, ни кружащих в небесах птиц. Небо скрывают черные тучи, а под ногами такая же черная земля. Вокруг никого и ничего, кроме странного монолита впереди.

Я в голове у Чевинфорда. Но почему здесь так пусто? Почему нет ничего, кроме земли, воды и неба?

Смотрю на свои руки. Они действительно мои. Я не вижу его воспоминаний, а нахожусь в его разуме здесь и сейчас. Но где он сам?

Оставаться тут с каждым мгновением все труднее. Разум чувствует вторжение и пытается изгнать пришельца. В реальности я ощущаю, как проклятый капитан гладит меня, легонько кусает, облизывает. Если он захочет прогнать меня отсюда – прогонит незамедлительно и я никак не смогу удержаться. Невозможно проникнуть в разум человека и оставаться там против его воли. Но он, похоже, не против.

Иду к монолиту в центре острова. Черному монументу, похожему на осколок стекла, зависшему в воздухе не долетев до земли.

Похоже на один из монолитов Тени. Последователи теневых учений молились рядом с такими, проводили свои ритуалы, взывали к теневой сущности.

– Ты предатель! – слышу голос Чевинфорда, доносящийся из монолита.

– Я? – отвечает ему другой, принадлежащий ему же. – Предатель – Архиепископ, которому ты до сих пор служишь.

Подойдя ближе, вижу их обоих. Они оба за прозрачной стеной. Стоят друг напротив друга и всем видом показывают, что готовы вцепиться друг другу в глотку. Две копии одного человека. Две идеи, лишь одна из которых может доминировать над единственным телом.

– Не я заключил сделку с Тенью в желании отомстить, – говорит один из них.

– Я не помню, как я заключил её. Но даже если и так – сделал бы это снова.

– Ты пожертвовал свою душу взамен на возможность поквитаться с Архиепископом! А Тень только этого и ждет! Архиепископ и Безымянный Бог – все, что защищает мир от демонов и прочих темных сущностей!

Значит, его душа отошла Тени?

Все хуже, чем я думала. Она превратилась в демона, одержимого лишь воспоминаниями, в которых неизменно найдет путь к злу.

– Мне плевать на демонов и на Тень.

– Правильно. Не плевать лишь на самого себя.

Чевинфорд заключил сделку с Тенью в замен на то, чтобы стать бессмертным? Конечно, кто же еще может дать такое? А Тень пользуется им в своих интересах...

– Он забрал у меня мою жену, – кричит один из них.

– Или не он! – отвечает второй. – Я помню, как некто лишил меня сознания! А потом холодные воды и договор с Тенью! Тень услышала твою ненависть и пришла. Кто-то пользуется тобой, чтобы навредить всему миру! Душе невозможно вложить ложные воспоминания. Только разуму.

– Ты считаешь, что не Архиепископ её убил?

– Я не знаю кто.

– Я все видел своими глазами...

– Помнить, что видел, и видеть – не одно и то же.

Я стою и всматриваюсь в их словесную дуэль. Кажется, вот-вот вылечу из этого мира. Нужно как-то образумить их пока не поздно. Пока Чевинфорд окончательно не сошел с ума.

Я пытаюсь пройти сквозь прозрачную поверхность монолита, но та тверда как алмаз. Оба воплощения проклятого капитана смотрят в мою сторону, наверняка чувствуют мое присутствие.

– Она здесь. Ощущаешь? – спрашивает один из них. – И ей тут не место.

– А может, самое место?

– Проснись. Её прислали, чтоб убить тебя! Уж не знаю, Архиепископ это или нет, но она одна смогла тебя ранить. Она опасна!

– Я сказал нет!

В этот момент чувствую, как в реальности Чевинфорд кладет руку мне на шею, легонько сдавливая. Сильнее у него не получается – вторая ипостась мешает.

– Не надо, – шепчу я, но он все еще борется с собой.

– Архиепископ специально нашел девушку, похожую на Элени. И когда придет время, она убьет тебя! Так что лучше предотвратить это сейчас.

Дышать становится тяжело. Будто бы воздух стал густым и не проходит через горло. Чувствую боль. Слышу хруст.

– Нет, – все прекращается, он отпускает меня. – Этого не будет!

– Предпочитаешь умереть?

– Лучше умереть, чем...

– Чем что? Ты её любишь? Но на это и был расчет.

Мне снова становится трудно дышать, но не могу даже крикнуть.

– Вспомни как все было! – кричит один из них, и по стеклу передо мной бегут трещины. Оно трещит, рассыпается, и моим глазам предстает абсолютно другой мир.

Вокруг темно. Ничего не видно, кроме очертаний чего-то большого и движущегося впереди. Оно похоже на гигантский клубок больших и маленьких змей, каждая из которых движется по своей собственной воле.

Воплощение Тени!

Именно таким его изображают во всяческих учебниках, хоть там же говорится, что у Тени вовсе нет формы. Альтернативный тонкий мир в противовес Изнанке, где живут демоны, черти, злобные духи, призраки тех, кто при жизни совершил большое зло. Именно оттуда происходит все зло в мире, и именно от неё мир защищает Безымянный Бог.

Чевинфорд лежит перед этим созданием, широко разведя руки в стороны. Он поднимается, кашляет. Из его рта выливается вода.

– Что ты? – спрашивает он, увидев над собой Тень.

– Я – всегда лишь отражение. Тебя или кого-то другого. Вопрос в том, что нужно тебе? Зачем ты здесь? Раз ты тут, то тебе что-то нужно. Попасть сюда можно только по-настоящему кого-то возненавидев.

– Я хочу отомстить. Убить Архиепископа, – отвечает Чевинфорд, поднимаясь на ноги.

– Архиепископ Безымянного Бога? Похоже, наши цели совпадают. Но чтобы совершить ритуал Тени, нужно принести жертву.

– И чего тебе нужно?

– Тебе, а не мне, – отвечает Тень. – Расстаться со своей душой. Она будет постоянно где-то рядом с тобой. Будет наблюдать за тобой. Ты будешь чувствовать её. Но не сможешь понять что это. А когда ты выполнишь то, что задумал, соединишься со мной.

– И зачем мне отказываться от своей души?

– Затем, что ты дал клятву. Клятва дается душой, а не разумом. И без этого ты не сможешь пойти против Архиепископа. У тебя ничего не выйдет. Так ты согласен? Ты сделаешь что задумал и мы станем едины. Мне нужны такие люди.

– Умеешь ты торговаться, страшилище, – отвечает Чевинфорд. – Где расписаться?

Мир снова вздрагивает. Чувствую, что дышать мне все труднее, а

разум проклятого капитана все сильнее хочет избавиться от нежеланного гостя.

– Ты предал то, что было тебе дорого! – слышен голос, идущий одновременно отовсюду. – Ты предал сам себя. Ты заключил договор с силами, от которых клялся защищать мир! Мало того, ты станешь их частью, как только совершишь то, что задумал. И даже не подумал о том, что тебе эти воспоминания мог вложить кто-то другой.

– Кто?

– Я не знаю. И ты не знаешь.

Нужно что-то сделать. Спасти Чевинфорда от самого себя. Если так продолжиться дальше – он сойдет с ума или умрет. Только что? О подобных случаях не пишут в учебниках по магии.

– Слышишь, дух! Ты меня слышишь?! – кричу я.

– Что? – доносится голос отовсюду.

– Тень сильнее, чем ты. Ты должен следовать договору, – говорю я. – Тебе плохо. Ты призрак, неспособный воссоединиться с миром духов. Но ты обязан исполнить договор. Иначе погибнешь. Просто перестанешь существовать.

– Я знаю, – отвечает дух. – Но лишь одно существо способно расторгнуть договор с Тенью. Это Безымянный Бог. А обратиться к нему напрямую способен только Архиепископ. Необходимо, чтоб он выжил. Иначе мое тело станет добычей Тени, а я никогда не обрету покой.

– Этому не бывать, – отвечает другой Чевинфорд. – Я не жалею о сделке. Но ты должен придерживаться условий и не мешать мне.

– Мешать я тебе могу. Но не сейчас, – говорит дух. – Придет время – и я вернусь. Сделаю все, чтобы Тень меня не получила.

Я снова вижу Чевинфорда. Он стоит передо мной и слегка шатается, будто пьяный. Он смотрит на меня так, будто хочет извиниться. чувствую, что в реальности он отпускает меня.

Мы снова стоим посреди черного острова. Только монолита на нем больше нет. На моих глазах из темной почвы вырастает трава, деревья, кусты. Небо светлеет, на нем появляются облака. Слышно пение птиц и стрекотание сверчков.

– Извини, – говорит проклятый капитан, смотря мне в глаза.

Я пугаюсь, отступаю назад. Если он убьет меня здесь – мой разум навсегда может быть заключен здесь, в мире, созданном его воображением.

– Убьешь меня? – спрашиваю я.

– Нет, конечно, – отвечает он. – Извини, что впутал тебя во все это. Если бы знал, что будет так, настоял бы та твоим уходе. Я люблю тебя.

Он подходит ближе, обнимает меня. Чувствую в нем борьбу двух противоположностей. Ощущаю, как он изо всех сил борется с собой. Но нежно прижимает меня к себе, обнимает, не желает навредить.

Я прижимаюсь к нему. Кладу голову на его грудь.

Говорят, что чувства исходят из души. Кто-то согласен с этим, а кто-то нет. Смотря на проклятого капитана, человека без души, который смог полюбить, понимаю, что есть что-то выше Изнанки, духов, Древа и прочей магии.

– Она опасна, – шепчет голос отовсюду одновременно.

– А я когда боялся опасности? – отвечает Чевинфорд и целует меня в губы.

Поцелуй в этом мире кажется невероятно долгим. Я буквально таю в его объятьях. Кажется, что мое тело разносится в пространстве. Не ощущаю ни земли, на которой стою, ни воздуха, ничего. Только его поцелуй.

Открываю глаза уже на постели. Вижу перед собой лицо Чевинфорда, но все еще слышу голоса в его разуме.

– Я доберусь до Архиепископа. Для начала – поговорю с ним. Может, он сам предал своего бога.

– Я могу быть опасна для тебя, – говорю я. – А ты для меня. Твоя душа принадлежит Тени. Да и за телом она придет.

– Плевать, – отвечает он. – Если будет нужно – брошу вызов даже Тени.

Я все еще не понимаю что произошло. Чевинфорд воссоединился со своей душой или нет?

– Если чары спадут, у меня могут пропасть чувства к тебе, – шепчу я.

– Сама не чувствуешь, настоящие они, или нет?

– Чувствую, что настоящие. Но есть чародеи...

– Не будем о чародеях, – прерывает он и снова целует меня в губы. Касается пальцами груди, опускается вниз, легонько пощипывает за бедро.

Я обхватываю его руками, касаюсь языком мочки уха. Она соленая и приятная на вкус. Слегка закусываю её. Он тем временем взъерошивает рукой мои волосы, срывает с себя рубашку.

На мгновение перед моими глазами проносится картина – команда в поисках капитана вламывается ко мне в каюту и наблюдает картину...

Чевинфорд поднимает меня, кладет на кровать.

– Что там произошло? Что с духом? – спрашиваю я. Это все не дает мне покоя.

– Он все еще здесь, – отвечает капитан, снимая с себя рубашку и

расстегивая брюки. – И он вернется, когда я доберусь до Архиепископа и исполню уговор с Тенью.

– А что потом?

– А потом – будет видно. Давай не думать об этом, – говорит он, поднимает меня на руки, кружит, кладет на кровать.

Будет видно... Тень придет за ним. Да и дух не успокоится. Но думать об этом сейчас не хочется.

Понимаю, что я без одежды. Даже не заметила, как она исчезла.

Чевинфорд проникает в меня и исследует самые потаенные места моего тела. Чувствую, как внизу живота собирается жар. Как же горит! Я вся пылаю в его объятьях.

Жар взрывается и тепло разносится до самых кончиков пальцев, придавая мне энергии. Вспомнился один из преподавателей, который с умным видом говорил, что секс, особенно если за ним стоят чувства, делает чародея сильнее. Мы все смеялись. Оказалось, правда.

Обхватываю Чевинфорда ногами, переворачиваю. Он падает на узкую кровать, почти что сталкивая меня на пол. Мы хором смеемся. А потом я забираюсь на него и начинаю танцевать.

Закрываю глаза, чувствую его аккуратные прикосновения к моему животу, а потом груди. Каждое касание приносит мне какое-то неземное удовольствие. Склоняюсь к нему, слышу его дыхание, биение его сердца.

В какой-то момент, пытаюсь совершить танцевальное движение, не удерживаюсь и падаю с кровати. снова начинаю смеяться и Чевинфорд вместе со мной.

А потом дверь резко открывается и в нас уже целятся несколько пар глаз. Матросы в недоумении переглядываются между собой, не понимая что делать. Их рты открываются от удивления.

Я же смотрю на них и смеюсь, не спеша прикрывать наготу.

– Уйдите, – кивает им капитан.

Но те не спешат уходить.

– Мистер фон Манлингер! Мы нашли его! – кричит один из них.

***

– Айсен, со мной все в порядке! – объясняется Чевинфорд, застегивая рубашку. – Лучше подумай о том, кто мог внушить мне видения об Архиепископе.

– В тебя вселился дух! – настаивает ученый.

– Я похож на одержимого?

Мне тоже не нравится то, что происходит. Я смотрю на капитана сквозь изнанку и не вижу души. Дух ушел. Но что он сказал напоследок, я

не слышала. Он сказал это только своему хозяину.

– Духа в нем нет, – говорю я.

– Это моя душа, – вздыхает капитан. – Она говорит, что я предал сам себя. Может, так и было.

– И что теперь? – спрашиваю я.

– Мне нужно поговорить с Архиепископом. Если это не он убил Элени, он может знать кто это сделал. И он ответит.

– Откуда ты знаешь, что она вообще мертва?

– Не знаю. Просто чувствую. Курс на Дурмсенг. А ты, – он смотрит на меня, – помоги нам туда добраться.

– Нас просто так не пустят в Дурмсенг, – встречается Айсен. – Там множество чародеев, инквизиторов, солдат. Они сотрут нас в порошок.

– Сможешь спрятать корабль? – Чевинфорд смотрит на него.

– От магии? Не знаю.

– Уж постарайся. Мы подойдем поближе и ночью высадимся на шлюпке.

– А дальше? – интересуюсь я. – На собрания не пускают чужих.

– А дальше будет видно.

Чевинфорд берет Миша, гладит его. Зверек довольно мурлычет. Узнает своего хозяина. Это хорошо. Обычно животные первые чувствуют влияние потусторонних сил на своих хозяев.

Я шагаю на борт корабля. Холодный ветер развеивает мои волосы и холодит лицо. Впереди из белогривых волн выпрыгивает небольшая рыбешка. Смотрю за ней и думаю о том, что будет, когда шкатулка откроется? что будет со мной? Захочу ли я убить его? смогу ли контролировать себя?

Я зла на того, кто это сделал со мной, не меньше Чевинфорда. Он долгое время готовил меня к этому, и я даже не догадываюсь, какие заклятия на меня наложены. Вспоминаю улыбку архиепископа, вытащившего конверт с моим направлением на корабль. Его заботливый голос, внешность доброго дедушки.

Неужели он?

Мог ли этот человек годами относиться ко мне как к скоту – кормить, ухаживать, а в один прекрасный день отвести на бойню?

Может, мне внушили и желание попасть на практику на корабль? Море – все-таки опасное место, многие предпочитают практику подольше, но спокойнее, но меня всегда тянуло к нему.

Впереди уже виднеется аномальная зона. Огромный вихрь, похожий на движущийся столб, танцует по морю. От вихря можно уйти, а вот

водовороты куда опаснее, их не заметить, если не подойти вплотную

Нырять в Изнанку, и небо становится выше. Тучи поднимаются так высоко, что становятся почти незаметными. Вихрь изменяется. Изгибается, пестрит цветами, превращаясь в спиральную радугу.

Я осматриваю все вокруг в попытке найти кого-то крупнее, чтоб тот придал нам ускорение для взлета. Замечаю крупного кита, плывущего неподалеку от нас.

– Приготовьтесь к взлету, – кричу я, приманивая кита поближе.

Тот с удовольствием плывет к нашему кораблю, воспринимая его как самку своего вида. Сейчас выпрыгнет. Так эти животные заигрывают.

– Держитесь, – кричу я, выпрыгивая из Изнанки и оказываясь в объятьях Чевинфорда.

– Держу тебя!

– Сам держись! – воплю я, и мне становится страшно, потому что неподалеку из воды поднимается фонтанчик кита.

– Айсен, готов? – спрашивает Чевинфорд.

– Всегда готов! – отвечает ученый. – Что, если...

Договорить он не успевает. Рядом будто гремит взрыв, а спустя секунду из водной пучины поднимается исполинский хвост кита. Он достает почти до кормовой мачты, и бьет по воде так, что я на мгновение глохну.

Брызги падают на голову. Кто-то кричит. Спустя секунду нас бросает вперед с невероятной силой, но Чевинфорд стоит как вкопанный и держит меня в своих объятьях. Корабль подпрыгивает на волнах, будто хочет от них оторваться, но море не отпускает.

– Залп из кормовых орудий! – слышу крик Айсена, а затем оглушающий взрыв.

Чевинфорд заботливо прикрывает мои уши.

– Выпустить крылья! – командует ученый.

Слышу скрежет. Понимаю, что море отдаляется от нас, а облака становятся все ближе.

– Повернуть паруса!

Кроваво-красные "крылья" мгновенно поворачиваются. Я ныряю в изнанку, немного помогаю кораблю, на время облегчая его массу. Вижу вокруг белесую дымку, и понимаю, что это облака. Корабль проходит сквозь них, и в глаза резко режет солнечный свет.

Значит, мы взлетели!

– Нам нужно побыть вместе, – говорит Чевинфорд, поглаживая меня по волосам. – Возможно, это наш последний шанс. Когда придет время,

Тень обязательно возьмет свое.

Глава 22. Дурмсенг

В небесах холодно и непривычно.

Непривычно смотреть на проплывающие внизу облака вместо моря. Непривычно встречаться взглядом с пролетающими мимо птицами. Непривычно осознавать, что лишь несколько досок отделяют меня от пропасти.

Корабль шатает так, что кажется, он вот-вот перевернется, и я отправлюсь вниз. Кутаюсь в теплое пальто, которое дал Чевинфорд, и слежу за духами небесных обитателей.

Это тоже непривычно. Они движутся куда быстрее, чем обитатели моря. Мне едва удастся отогнать внезапно выпрыгнувшего из облаков птицеящера, который чуть было своим длинным острым клювом не пробил дыру в парусах.

Аккуратно прохожу к борту, смотрю вниз. Облаков становится меньше. Отсюда как на ладони видны мелкие островки, поднимающиеся из глубин хвосты китов, бушующий внизу водоворот.

Кажется, Дурмсенг должен быть совсем рядом. Аномальная зона с кучей вихрей и водоворотов внизу вроде как создана когда-то обитавшими тут чародеями, не смогшими убрать последствия неудачного магического эксперимента.

Корабль начинает медленно планировать вниз. Проходит меж двух серых туч, пролетает через ключ птиц, и я вижу его. Серый замок с небольшими окнами, построенный будто бы чтоб отдать дань геометрии. Ровные углы, прямые линии, точные пропорции.

По углам четыре прямоугольные башни, на каждой горит огонь. В центре замок, построенный словно из аккуратно сложенных кубов, цилиндров и конусов. Над ним по ветру трепещет синий флаг церкви Безымянного Бога.

Замок стоит на скале над самым морем. О его подножие раз за разом разбиваются волны.

Чуть дальше виднеются поля и горы, местами лежит снег. Вижу, как из моего рта поднимается облачко пара, и еще сильнее кутаюсь в пальто.

Рядом двое матросов распыляют какой-то эликсир с не самым приятным запахом. Наверное, для того, чтоб с берега не увидели корабль.

– Приготовится к посадке! – кричит капитан, я изо всех сил уцепляюсь руками в борт и чувствую резкий толчок. Чуть не падаю, но Чевинфорд во время подхватывает меня.

Море шипит, разбрасывается холодными каплями. Несколько из них

приземляются мне на лицо, от чего по коже проходит озноб.

– Корабль Архиепископа, – говорит Чевинфорд, показывая на выглядывающий из-за скалы порт. Хотя я никогда не видела личное судно Его Святейшества, но узнать его нетрудно. Огромный корабль с четверкой мачт и поблескивающей золотом обивкой. Даже отсюда видна вся роскошь корабля. Синие паруса из дорогущих тканей, не рвущиеся ни под каким ветром, роспись бортов, огромный прибор на корме, наверняка помогающий кораблю ходить быстрее.

– И что дальше? – спрашиваю я, замечая расхаживающих по берегу солдат. – Просто вломимся туда?

– С другой стороны скалы есть проход для эвакуации на случай пожара или нападения. О нем мало кто знает и вряд ли он хорошо охраняется. Через него можно попасть в подвалы замка.

– А что дальше?

Проникну в комнату Архиепископа. Она в одной из башен, но не знаю в какой. В каждой из них по равноценной гостевой комнате, – говорит Чевинфорд. – Но какой-нибудь слуга с ножом у горла точно расскажет, где искать Его Святейшество.

– А потом убьешь его, – я смотрю в глаза Чевинфорда. – Как и любого, кто встанет у тебя на пути.

– Ты такого плохого мнения обо мне? – спрашивает он, смотря мне в глаза.

– Я помню твоё нападение на "Южную звезду".

– Я не зверь, – отвечает он, касаясь моего лица. – И не получаю от этого удовольствия. Да и убивать никого не собираюсь. Хотя бы потому, что сторожевые собаки за милую учуют труп и вся охрана будет меня искать.

– Пойдешь один?

– Айсен меня сопровождает.

– Я с вами, – твердо говорю ему, смотря в глаза. – Вам понадобится маг. Или хотя бы кто-то разбирающийся в магии.

– Не хочу тобой рисковать, – отвечает Чевинфорд. – К тому же если тебе действительно внушили убить меня...

– Я с вами, – стою на своем.

Я его не отпускаю. Сидеть здесь и нервничать – что может быть хуже? К тому же и в самом деле я пусть и не самый сильный чародей, но могу почувствовать магическую ловушку или заметить скрытого с помощью волшебства стражника. К тому же там могут быть духи-стражи. Хотя их использование давно запрещено из-за негуманности, но кто их знает, как защищено это место.

– Хорошо, – кивает капитан. – Если хочешь – пошли. Только подумай до ночи. Тебе не обязательно погибать там, если погибнем мы. Если не вернемся – корабль направится в ближайший порт, и...

– Я решила! – твердо стою на своем я.

– Хорошо, идем, – Чевинфорд зовет меня в свою каюту.

Тут все так же, как и прошлый раз, когда была здесь. Много пыли, разбросанные вещи. Лишь за портретом Элейни капитан регулярно ухаживает. Надо будет как-нибудь убраться в этом месте.

Чевинфорд достает из стола небольшой ящичек, открывает его, и достает оттуда кольцо с ярко-зеленым камнем. Берет его мне, надевает на палец. Кольцо сразу же подстраивается размером под мою руку. Всматриваюсь в свое отражение в камне, чувствую заключенную в нем силу, и понимаю, что мне досталось.

Безымянный Бог!

Да это же изумруд из шахт Денесвейра!

Редчайший артефакт, способный мгновенно перенести своего владельца в назначенное место. Заряда, правда, в нем лишь на одно использование, и после он становится обычным украшением.

– Как пользоваться знаешь? – спрашивает Чевинфорд.

Я киваю.

– Где ты его взял? он стоит целое состояние! – удивленно спрашиваю я.

– Ограбил одного барона, ярого приверженца Архиепископа с год назад. Держал его на черный случай. Если окажемся в безвыходной ситуации – пользуйся. Он перенесет тебя в домик в Киренаке. Он мой. В карты выиграл. Там есть все необходимое и тебя никто не знает. Если хочешь – можешь там жить.

Я киваю, хоть понимаю, что вряд ли воспользуюсь кольцом, если нас пленят. Буду с Чевинфордом до конца.

– Пообещай, что используешь его, если окажемся в безвыходной ситуации.

– Не...

– Или пообещай или останешься здесь, – настаивает он.

Злуюсь на него, но пытаюсь понять. Я бы на его месте тоже настаивала бы, чтобы он был подальше отсюда.

– Хорошо. Воспользуюсь.

– Пообещай...

– Обещаю, – киваю я.

– Хорошо. Отплывем после заката, – говорит он мне, а потом резко

хватает за запястья, прижимает к себе и целует.

Эх, если бы он согласился просто развернуться и уплыть отсюда, наплевав что на треклятого архиепископа, что на все остальное. Но этого не будет. Чевинфорд пойдет до конца, даже если за это поплатится жизнью.

***

Над морем простирается туман. Густой настолько, что его можно зачерпывать ложкой. Будто облака спустились с небес, накрыв собой море.

– Туман – это хорошо, – говорит фон Манлингер, ползая в шлюпку. – Нас в нем точно не заметят.

Может, и хорошо, но как-то жутковато. Я спускаюсь в лодку, беру стоящий рядом фонарь, освещаю все вокруг. Из-под воды слышится тихое рычание, и кто-то мог бы подумать, что там затаился хищник, но это лишь синий кардинал – небольшая рыбка, отпугивающая жуткими звуками тех, кто решит ею полакомиться.

Чевинфорд садится на весла. Миш как обычно смотрит за всем с его плеча.

– Тут могли магических ловушек наставить. Посматривай, – говорит мне капитан и я ныряю в Изнанку.

Туман не исчезает, даже наоборот, он гуще, чем в реальности. К тому же он едкий, словно дым. Попадает в глаза, заставляя их слезиться. Зато замок прекрасно виден отсюда, потому что он находится сверху. Будто сама земля изогнулась под прямым углом, и если глянуть вверх – виднеется тянущееся к небу море, упирающееся прямо в стены Дурмсенга.

Слышу мягкий плеск вод. Чувствую внизу стража – двадцатиметровую змею, готовую сожрать любого, кто приблизится. А Чевинфорд еще меня брать не хотел!

Змея защищена от иллюзий, но защиту явно накладывал такой себе маг, мне быстро удастся её преодолеть и сделать нас невидимыми для хищника.

Из-за тумана почти ничего не видно. Возможно, его специально напустили и забросили сюда множество морских хищников. Но кроме змеи не чувствую ничего, да и сама змея выглядит так, будто случайно здесь оказалась. Очень странно, думала, это место защищают лучше.

На морском изгибе начинает немного трясти, будто волны усиливаются. Мир поворачивается, а замок оказывается впереди и теряет свой вид. Жесткие прямые линии изгибаются, строение становится выше, начинает слегка светиться, а спустя миг превращается в огромный радужный цветок, растущий прямо из скалы.

Они что, черпают энергию прямо из спиральной радуги?

Похоже на то, ведь та внезапно меняет направление и уходит напрямиком в цветок. Тот насыщен силой настолько, что рядом с ним в воздухе летают разноцветные шарики – остатки непоглощенной магии.

Как это возможно не знаю. Всегда думала, что до радуги способны дотянуться лишь бесплотные духи. Но выглядит красиво.

– Все спокойно, – говорю я, не выходя из Изнанки. От зрелища невозможно отвести глаз, настолько оно яркое и необычное. Мой голос кажется мне чужим. Более тонким, певчим.

– Это и тревожит, – отвечает фон Манлингер еще более незнакомым и противоестественным голосом, похожим на рычание. На мгновение даже сомневаюсь, что говорит он.

Мы подплываем к нависшим над нами скалам. От них отваливаются мелкие камешки, но не падают, а висят в воздухе. Ощущение такое, будто мы идем в ловушку. Впрочем, Чевинфорд в любом случае не отступит.

– Вон проход, – говорит он, я выхожу из Тонкого мира, и все теряет краски и необычность. Передо мной лишь монолитная скала, а в ней чернеет подобная пасти дыра пещеры.

Но даже здесь чувствую, что это место просто переполнено магией. Любой чародей, оказавшийся здесь, становится сильнее. Поначалу мне приятно от этой мысли, но потом я представляю силу Архиепископа, и мысли о своих силах отступают.

Лодка касается берега, Чевинфорд помогает мне подняться на скалу. Здесь светло как днем, хоть небо и затянуто тучами. Кажется, что светится сам воздух.

– Не забыла что обещала? – Чевинфорд смотрит на меня как на маленького провинившегося ребенка.

– Нет, коротко отвечаю я, после чего капитан делает шаг ко мне и целует в губы.

Я закрываю глаза, и мне кажется, что я таю в его объятьях. Это все похоже на сон. Кажется, что вот-вот проснусь в своей комнатухе в академии и Чевинфорд, его корабль, все места, в которых мы побывали, останутся лишь воспоминаниями. Местами сладкими, а местами и не очень, но все равно будоражащими и незабываемыми.

– Идем, – говорит капитан, беря меня за руку, а второй поднимает фонарь.

– Уверен, что проход до сих пор не засыпали и мы не уткнемся в стену? – интересуется фон Манлингер, поднимая свой фонарь.

– Не проверим – не узнаем, – отвечает Чевинфорд и ступает в пещеру.

Как только входим внутрь, понимаем, что зря мы взяли фонари. На

стенах и потолке пещеры светятся многочисленные синие сталактиты, прекрасно освещая путь. Сама пещера, несмотря на маленький вход, большая. При желании тут можно было бы разместить хоть бальный зал.

– Раньше тут такого не было, – говорит Чевинфорд.

– Они, похоже, питаются от магии. И, судя по цвету, выросли недавно, – отвечает ему фон Манлингер.

И вправду, магической энергии становится все больше. Кому и зачем нужно её столько? Тысяча магов может век пользоваться ею и не использовать до конца. К тому же это опасно. Можно призвать демона или создать аномалию.

– Что они питают всей этой магией? – спрашиваю я саму себя.

– Возможно, какие-то эксперименты, – отвечает фон Манлингер.

Мы идем вперед и каждый наш шаг сопровождается отбивающимся от стен эхо. Я сжимаю руку Чевинфорда, а ощущение такое, будто делаю это в последний раз. Что, если Тень придет за ним, как только он расквитается с Архиепископом.

А я не знаю как этому помешать. Договор уже заключен. А значит, помешать его исполнению нельзя. От этой мысли сводит скулы, а по телу мчится дрожь.

Проход впереди сужается. Пещера идет вверх. Пройдя по нему несколько сотен метров, вижу поднимающуюся кверху лестницу. Наверное, вход в замок.

Чевинфорд взбирается вверх, поднимает крышку.

– Тихо. Кто-то идет, – шепчет он.

Наверху и в самом деле слышатся шаги и голоса. Капитан исчезает за дверцей, а спустя секунду раздается удар, хруст, звук падения чего-то тяжелого.

– Где Архиепископ? – слышен голос Чевинфорда. – В какой он спальне?

– Иди...

Снова удар. Он же его убьет!

Я поднимаюсь наверх, хоть фон Манлингер пытается меня задержать. В полутьме вижу прижатого к полу стражника и Чевинфорда, держащего саблю у его горла.

– Где он? – спрашивает капитан. – Не скажешь – убью.

– На балу. Тебя все равно не пропустят.

– Бал?

– Бал в центральном зале.

– Зараза, – вскрикивает Чевинфорд и оглушает стражника ударом

рукояти сабли по голове. Затем достает веревку и начинает связывать ему руки и ноги.

– Чтоб его все! Не успели! – ругается он. – На бал нам и вправду не пройти. В этот раз, наверное, собор начался раньше. Сегодня окончание. А завтра Архиепископ отплывает домой.

– Что за бал? – интересуюсь я, смотря на стражника через Изнанку. Жив, к счастью.

– В последний день собора проводят бал. Куча яств, танцы и прочее подобное.

– Гостей наверняка много. Почему мы не можем пройти как гости?

– Потому что там даже последний прислужник владеет магией. Нас как минимум не пустят потому, что не маги, – отвечает фон Манлингер, поднимаясь по лестнице. – Как максимум – заметят, что у Чевинфорда проблемы с душой, а я и вовсе не человек.

– Но я-то могу пройти...

– Может, и можешь. Но не пойдешь. Слишком опасно, – отвечает Чевинфорд. – Лучше вернемся и подождем его в море.

– В море нам его не одолеть. У него корабль – настоящая плавучая крепость. К тому же с ним ходят три фрегата сопровождения, – говорит фон Манлингер и смотрит на меня.

Чевинфорд исподлобья смотрит на Айсена, потом на меня.

– Возможно, это единственный наш шанс, – говорит он.

– Я хочу пойти, – отвечаю я.

– Пройдешь, а что дальше? – вздыхает Чевинфорд.

– Гляну что да как. Может, попробую заставить его выйти из зала.

– Я не хочу, чтобы он и тебя убил.

Что-то изменилось в Чевинфорде за последнее время. Уверена, немного раньше он послал бы меня и не на такое и глазом не моргнув.

– Вы как хотите, – говорю я, – а мне интересно, Архиепископ ли наложил на меня чары.

– Проклятие! – Чевинфорд хлопает себя по колене. – Только если что – пользуйся артефактом.

– Ты же не пойдешь на бал прямо так? – осматривает меня фон Манлингер.

И вправду, одежда не то, что для бала, а и для любого приличного общества не подходит. Парусиновые штаны, рваный жакет, грязная рубаха. В таком меня и близко не подпустят.

– Тут постоянно живут несколько магов. Например, мадам Кенелери. Я её знал раньше, – говорит Чевинфорд. – И знаю, где её комната. Думаю,

сможем что-то одолжить у неё. У вас приблизительно один размер.

Выглядит капитан недовольным, но все же идет вперед.

Мы проходим по одному узкому коридору за другим. Холодные, высокие стены иногда кажутся лабиринтом без конца. Стражи здесь немного. Лишь изредка нам приходится останавливаться и ждать, пока уйдет очередной делающий обход стражник.

– Нас ждут, – говорю я. – Не знаю почему.

– Я уверен, что никто из моей команды не станет служить Архиепископу, – отвечает капитан.

– Один предатель уже был. А может, и до сих пор есть, – говорю я.

Мы поднимаемся по лестнице. Видим двух беседующих стражников.

Чевинфорд делает нам жест остановиться, сам же тихо подкрадывается к ним и несколькими молниеносными движениями отправляет обоих в отключку.

– Наденем их форму, – говорит он. – В ней нас если и узнают, то не сразу. А тебе сюда, – показывает он мне дверь.

Глава 23. Безымянный бог

Похожей на принцессу я не стала, но кое-что в комнате нашлось.

Длинное зеленое платье из шелка, немного косметики и черный парик. Надеть его быстрее, чем заниматься своими растрепанными волосами. К тому же так меня не сразу узнают, ведь тут могут быть те, кто учились со мной в академии.

Смотрю в зеркало, и вижу, что больше не похожа на бездомную. Вполне себе симпатично, разве что платье чуть великовато. А так – симпатичный, не слишком открытый, но и не излишне целомудренный наряд с эффектом переливания цвета, аккуратное лицо, выглядывающее из-под угольно-черной челки, и черные туфли на каблуке, к счастью, оказавшиеся моего размера.

Только бы проживающая тут мадам не узнала на мне её вещи. К сожалению, ни одного её портрета здесь нет и я не представляю кого лучше обходить стороной.

Свои тряпки я забросила под кровать. Надеюсь, если хозяйка внезапно вернется, не сразу заметит пропажу.

Стуча каблуками, выхожу в коридор, и вижу Чевинфорда и фон Манлингера. Тоже преобразившихся. Первому форма идет, сидит как влитая, разве что сидящий на руках Миш не вписывается в антураж. А вот неатлетические формы ученого видны сразу. Китель на нем висит как на вешалке, а брюки ему пришлось слегка подвернуть.

– Лучше вам близко к кому-либо не подходить, – говорю я.

– Я останусь здесь. Поброжу немного, пересчитаю стражников, узнаю их маршруты, примечу лучший путь для отхода. Вас проводит Чевинфорд.

Я киваю, беру под руку капитана и мы идем по мрачным коридорам замка. Наверное, со стороны мы хорошо смотримся. Жаль, что этого не вижу.

Какое-то время мы молча блуждаем по лабиринтам-коридорам. Кому вообще пришла в голову такая архитектура и как те, кто здесь живет и работает, её запоминают? Чевинфорд напряжен и явно нервничает. Я, впрочем, тоже.

В итоге я вижу высокую дверь, из-за которой доносится музыка. Рядом со входом лишь один стражник. Он оперся о стену и явно больше хочет оказаться в кровати, чем здесь.

– Дальше я сама, – говорю капитану. – Он узнает, что ты не из них.

– Подожди. Тут стража постоянно меняется. Менялась раньше, – отвечает он. – То курсантов военной академии на практику пришлют, то инквизиторов, то еще кого.

– Что ты задумал?

– Идем, – усмехается Чевинфорд и ведет меня вперед, снимая на ходу фуражку и прикрывает ею Миша.

Сквозь Изнанку вижу, что стражник у входа владеет магией. Для полноценного чародея мало, но военных обучают прикладным заклинаниям, и если что пойдет не так, передать своим сигнал опасности или шарахнуть телекинезом он сможет.

– Эй, – обращается к нему капитан.

Стражник смотрит одним глазом, зевает, становится по стойке "смирно". Совсем молодой парень где-то моего возраста.

– Брось ты эти формальности, – говорит Чевинфорд. – Меня сменить тебя прислали.

– О, так про меня не забыли? Думал, – не пришлют, – усмехается парень. – Ненавижу подобные мероприятия.

– Иди отоспись. Только передай своим, что командир говорил посмотреть, что в северном крыле. Там слышали какой-то стук, наверное, кошка в окно влезла, но лучше проверить.

Стражник кивает, на мгновение закрывает глаза, посылая телепатический сигнал своим коллегам. Потом кивает и быстро уходит.

– Пусть идут подальше отсюда, – говорит Чевинфорд. – Дальше я идти не могу. Увидят, что не маг. Если что – используй кольцо.

Я молча киваю, шагаю к двери, и тут же Чевинфорд хватается за меня за руку, притягивает к себе и целует в губы. Хочется остановить время на этом

моменте. Сделать так, чтоб он застыл. Но, к сожалению, он заканчивается.

– Будь осторожна, – говорит Чевинфорд.

– Хорошо, – отвечаю я и открываю дверь.

Зал за ней не просто большой – он огромен. На высоченном потолке красуются исполинские люстры со свисающими блестяшками, вполне способными оказаться настоящими драгоценными камнями. Под ногами начищенный паркет. Впереди на сцене приятную, медленную мелодию играет оркестр. Вокруг кружат пары. Женщины в нарядных платьях с огромным количеством украшений, мужчины в строгих костюмах с эмблемами магических школ на груди. По залу благодаря заклинанию летают подносы с напитками и яствами. Никакой obsługi – здесь только приглашенные. К счастью, никто не обращает на меня внимание. Все увлечены танцами, разговорами и весельем.

Архиепископа замечаю сразу. Он стоит рядом со сценой, облаченный в белоснежный костюм. Рядом с ним высоченный, больше двух метров мужчина и женщина в золотистом платье. С улыбками на лицах они ведут какую-то веселую беседу.

Как же мне его вывести отсюда?

Уходить сам он не собирается. Отходит от своих собеседников, заводит диалог с другими.

– Можно пригласить вас на танец? – спрашивает незнакомый светловолосый мужчина.

На вид ему лет сорок с лишним. Его густые волосы цвета пшеницы завязаны в хвост. Большие зеленые глаза смотрят прямо мне в лицо. Острый нос будто вырезан из дерева. Под узкими губами красуется широкий, волевой подбородок. Одет он в темно-серый костюм без галстука или шейного платка.

Готова поклясться, где-то я его видела.

Неужели он меня узнал?

Ладно. Постараюсь не паниковать раньше времени. Может, просто похож на кого-то. Или же я настолько нервничаю, что готова в каждом видеть врага. К тому же лучше уж танцевать, чем стоять и пялиться в Архиепископа. Подозрений меньше.

Я киваю, он берет меня за руку, ведет в центр зала. Мы начинаем медленно кружиться в такт музыке. А танцевать-то я совсем разучилась. Пытаюсь вспомнить движения...

Хоть в принципе мне не до этого.

Куда важнее привести Архиепископа к Чевинфорду.

– Вы так смотрите на него, – говорит мой партнер по танцу.

Он танцует хорошо. Куда лучше, чем я.

– На кого? – пытаюсь состроить непонимание я.

– Не притворяйтесь. Знаете на кого. А еще я вас тут не видел раньше. У меня при моей работе хорошая память на лица.

Ну все. Попалась. Наверняка это кто-то из архиепископской охраны или полиции. От этой мысли я начинаю дрожать и сбиваться с ритма.

– Вы из разведки? Верно? – слегка ухмыляется он. – Или из личной службы безопасности Его Величества?

Я молчу. Почему он решил, что я из разведки? Или, тем более, из королевской спецслужбы?

– И не притворяйтесь, что не узнали меня. Впрочем, думаю, мы тут по одному и тому же делу, – усмехается он. – Какая разница кто доберется до правды? Если и вправду замешан какой-то из запрещенных видов магии, он достанется нам.

Нам – кому?

Я всматриваюсь в его лицо и понимаю. Вместе с тем еще более содрогаюсь.

Практики запрещенных видов магии достаются Инквизиции. А танцующего со мной человека я видела в газетах и на портретах. Конечно же, это он, хоть на рисунках его лицо слегка моложе и с небольшой аккуратной бородкой.

Первый инквизитор, Рионелл Кортис Третий собственной персоной.

– Я понимаю нашего короля. Он никогда не доверял Инквизиции, – продолжает он. – И запретил бы нашу деятельность на его землях, если бы не международный пакт о противодействии темным магическим искусствам. Потому он предпочитает своих людей, а не нас. Но по тому же пакту...

– Что вы знаете? – решаю подыграть я.

– Я знаю лишь, что наш Архиепископ что-то практикует, но не знаю что именно, – отвечает Инквизитор. – Возможно, это ошибка. Он – самый сильный чародей из ныне живущих. Но мы не раз направляли официальные прошения объяснить его занятия. Он ни разу не ответил. А месяц назад мы перехватили тайное письмо к нему от некоего "О". Содержимое нам не удалось расшифровать. Но результат магической проверки показал, что "О", возможно, реликт. Или много контактирует с реликтами. Вы знаете, что должно произойти?

– Нет, – отвечаю я. – Но представляете, какой будет скандал, если Инквизиция обвинит Архиепископа в темной магии? Может даже дойти до массовых беспорядков.

– Поэтому я и здесь, – отвечает Кортис. – Собираю информацию. А когда её будет достаточно – подстроим нападение пиратов или инсценируем несчастный случай. Все будут думать, что он погиб, король объявит национальный траур, его святейшество же окажется у нас и благодаря нашим методам расскажет все до конца.

– Но ведь Архиепископ – по сути единственный человек, который одним указом может распустить Инквизицию. Или снять вас с должности. Официально вы подчиняетесь Церкви Безымянного Бога. Как вы можете действовать против него.

Инквизитор усмехается.

– Архиепископ и Церковь – не одно и то же. Мы все приносим клятву. Клятву Безымянному Богу, а не человеку. И если Его Святейшество практикует запрещенную магию – мы обязаны ему помешать. Архиепископа все же выбирает коллегия епископов, а не сам Безымянный Бог. Обычные люди, пусть и сильные маги. А значит, они могут ошибиться.

– Возможно, он не человек, – говорю я. Сама не знаю почему.

– Мы тоже это подозреваем. Но кто тогда? Реликт?

– Не имею понятия.

– Он точно не вампир. Серебра он не боится. Дракона тоже можно исключить. Возможно, оборотень. Всяко, кое-какие законы он уже нарушил. Не так давно отправил корабль прямо в лапы пиратам. Так называемому проклятому капитану. Как приманку, послав вслед за ним боевой корабль. Мы узнали это, опросив выживших с тех кораблей.

У меня внутри что-то переворачивается. Из глубин сознания поднимаются выстрелы пушек, летящие щепки, звон сабель..

– Многие там выжили? – спрашиваю я, чувствуя, как дрожит мой голос.

– Большинство. К счастью, неподалеку от места битвы находится остров, – отвечает Инквизитор.

Я же посматриваю на Архиепископа. Он стоит ко мне затылком, пьет вино из высокого фужера, разговаривает с невысокой женщиной, в которой я узнаю директора одной из академий. Кажется, что даже не смотря на меня, он наблюдает. Фиксирует каждый мой шаг и выжидает момент, чтоб напасть.

Мелодия заканчивается, оркестр начинает играть новую. В этот раз быстрее. Кортис отпускает меня, поднимает бокал с пролетающего мимо подноса.

– Зачем им столько магической энергии, – спрашивает он скорее самого себя, чем меня. – Здесь хватит чтобы с сотню лет обогреть и

освещать столицу.

– Тоже об этом думаю, – отвечаю я.

Вытягиваемая из Изнанки энергия пульсирует здесь везде – в стенах, в людях, в их нарядах. Только зачем? Надеюсь, Архиепископ не решил устроить магический взрыв?

– Спасибо за танец. Еще увидимся, – говорит инквизитор и уходит.

Смотрю ему в след. Интересно, знает ли он про то, что случилось с его первой заместительницей? Причастен ли он к превращению Налькара? Наверняка. Вполне симпатичный господин на самом деле – настоящее чудовище, которое убьет любого, если на то по его мнению будут причины.

Снова смотрю на Архиепископа.

Можно попробовать перевернуть один из подносов, летающих по залу, на его белый китель. Тогда он вынужден будет направиться в туалет. Близко подходить к нему страшно, но надеюсь, он меня не узнает. Мы с ним виделись всего-то несколько раз. Точно так же, как и множество студентов академии.

Ладно, попробуем.

Тело дрожит от страха, но сдерживая его, иду вперед. Рядом с Его Святейшеством как раз пролетает один из подносов с двумя бокалами. Подхожу, толкаю их телекинезом, и спешу отойти в сторону. Поворачиваю голову, и вижу, что у меня получилось. Бокалы действительно полетели в сторону Архиепископа.

Но не долетели до него.

Оба повисли в воздухе, как будто кто-то остановил время. Капли жидкости остановились в нескольких сантиметрах от Его Святейшества.

Зараза!

Архиепископ поворачивается, берет в руку один бокал, ставит его обратно на поднос. Второй оставляет себе. Я спешу отвернуться, но тут же слышу тихий голос.

Голос того самого милого дедушки, который, как мне когда-то казалось, вот-вот угостит конфету. Теперь он меня по-настоящему пугал. От него волосы вставали дыбом, а кожа неприятно жгла.

– Я вас ждал, – говорит он. – Вы ведь принесли мне кое-что?

– Я? – не оборачиваясь говорю ему. – Извините, Ваше Святейшество. Вы ошиблись...

– Не надо придуриваться, мисс Анесьена. Я знаю, что вы принесли мне шкатулку, как я и хотел. Отведите меня к ней.

У меня внутри холодеет я дрожу. А потом резко поворачиваюсь и смотрю ему в глаза. Они кажутся мне мертвыми. Не выражающими

абсолютно ничего.

– Не нужно глупостей, – говорит он. – Вы же, наверное, догадались, зачем я послал вас к Чевинфорду. Одно слово – вы убьете его и принесете мне шкатулку сами. А если отведете меня, может, я вас отпущу.

На мгновение я чувствую неудержимую ненависть к Чевинфорду. Мне хочется убить его. Уничтожить. Кажется, что вот-вот я потеряю контроль над собой, схвачу нож и побегу к нему. Спустя миг все проходит.

Безымянный Бог!

Как я могла думать о таком?

– Так идем?

– Да, – киваю я и вся дрожу. Если бы секунду назад проклятый капитан был передо мной, уверена, что приложила бы все силы чтоб его уничтожить. Я не могла сопротивляться! Как это происходит? Почему? Что за заклятие? Какой маг мог бы наложить такое?

– Чевинфорд предал меня, – говорит Архиепископ. – Он заслужил казнь.

– Вы убили его жену, – шиплю я.

– Я? – удивляется Архиепископ. – Так он думает? Но я её не убивал, поверьте. Лишь знаю, что она исчезла. И что потом он сошел с ума. Заключил договор с Тенью и поклялся меня убить. Впрочем, тебя это не касается. Забрать шкатулку может не каждый. Добраться до нее простым смертным не по силам. Их не пропустила бы зеркальная завеса. Но Чевинфорду помогала Тень, а тебе – я. Значит, нужно было использовать своего врага. К счастью, ты оказалась под рукой. Девушка, похожая на его жену. В его вкусе. И я отправил тебя к нему. Взять шкатулку, принести мне, и для страховки, если что пойдет не по плану.

– Смертному не по силам? – озлоблено шиплю я. – Кто же вы?

– Идемте лучше заберем шкатулку и покончим с этим, – говорит он.

Моей ненависти нет границ. Не важно кто такой или что такое Архиепископ, но я его ненавижу. Эта сволочь использовала меня в своих целях! Эта сволочь едва не убила меня!

Ненавижу его.

– Осторожнее в своих эмоциях, – говорит он.

Иду за ним, желая, чтоб он исчез. Чтоб его никогда не было. Чтоб Чевинфорд наконец-то уничтожил его.

Проходим сквозь дверь и оказываемся в пустом коридоре. Где капитан? Может, его уволокла стража?

Но тут же сбоку резко открывается дверь. Показывается рука с саблей. Клинок останавливается в сантиметре от шеи Его Святейшества.

– Ну вот и встретились, – говорит Чевинфорд, выходя из комнаты и смотря в лицо Архиепископу. – И что теперь скажешь? Будешь молить о пощаде? Ты не успеешь воспользоваться магией.

В глазах проклятого капитана пылает ненависть. Чувствую, что он едва сдерживает себя, чтоб не сделать выпад.

– Костюм не помни, – отвечает Архиепископ. – Это пондуссийские ткани. Очень тонкая работа. Портной – настоящий мастер. Не хорошо будет, если я впервые надев этот костюм, поврежу его. Костюм испортишь, а меня не убьешь.

– Почему это? – шипит Чевинфорд.

– Меня нельзя убить, – отвечает Архиепископ. – Да и незачем тебе этого делать. Ведь я не убивал твою жену. Ты исчез, даже не поговорив со мной. Я бы все объяснил. Но ты решил податься в пираты.

– Уходи, – Чевинфорд смотрит на меня. – Используй кольцо.

Я не спешу этого делать. Не могу оставить его здесь. Просто не могу. Чары это или нет – я на это неспособна.

– Идем лучше. Ты отдашь мне шкатулку и мы поговорим. Заодно выясним что произошло с Элени. Думаю, это понятно. А уж тем более мне.

Архиепископ открывает дверь, из-за которой только что появился капитан. За ней находится роскошный кабинет. Массивный деревянный стол, обитый синим бархатом стул, такие же шторы закрывают окна. В углу стоит переполненный книгами шкаф. Тут нет ни светильников, ни фонарей, но все равно светло. Кажется, что светится воздух.

Архиепископ спокойно входит внутрь. Пропускает нас.

– Присаживайтесь, – говорит он. – И опусти саблю. Я никогда не был твоим врагом. Ты мне всегда нравился. Впрочем, сейчас, когда все прояснится, ты можешь вернуться на службу. Впрочем, я совсем не тот Архиепископ, которого все видят. Да и вообще уже не Архиепископ.

Он проходит за стол, садится в кресло, смотрит на Чевинфорда, который не спешит опускать оружие.

– Ты меня не обменишь, – говорит он.

– Я и не пытаюсь, – отвечает его святейшество. – Могу поклясться своей жизнью. Даже заключить договор Рампетти. Если сойду – умру.

Его святейшество усмехается. А я смотрю на него сквозь изнанку и понимаю, что он не человек. Не знаю что, но точно не человек. Его душа – совсем не такая, как у людей. Она ярче, сильнее, странной формы. Никогда такого не видела.

– Кто вы? – спрашиваю я.

– Сперва вот это, иначе вы мне не поверите, – Архиепископ достает из

стола небольшой бутылек и открывает его. По комнате распространяется прохладный мятный запах, который не спутать ни с чем другим. Зелье Рампетти. Действует оно где-то час, и если сказать неправду за этот час – ждет мгновенная смерть.

Архиепископ открывает бутылек, выпивает содержимое.

– Ну и гадость же.

– Так кто вы?

– Я? Я – Безымянный Бог, – отвечает он.

Глава 24. Конец света

– Ага. А я – киренакский король! – вскрикивает Чевинфорд. – Хватит морочить мне голову.

Миш внимательно смотрит с его плеча то на меня, то на Его Святейшество.

– Я не могу врать под этим зельем, – абсолютно спокойно говорит Архиепископ.

– Значит, ты – Безымянный Бог!

– Да. Я решил воплотиться в этом мире. И мой первый слуга здесь отдал мне свое тело.

– Не вижу чего-то я божественности, вселенской доброты и прочего...

Да и зачем Безымянному Богу человеческое тело? Он и так повсюду, в каждом существе, в древе душ.

– А кто сказал, что Безымянный Бог добр ко всем? – усмехается Архиепископ. – Бог преследует свои цели. Заботится о том, чтобы в его мире все было в порядке. Меньше войн и катаклизмов, больше успехов и развития. Но это не значит, что он должен думать о каждом конкретном человеке. Улучшение жизни мира – лишь статистика.

Он разводит руками, и продолжает:

– К тому же люди в большинстве случаев сами виноваты в своих бедах, а я не могу лезть в дела каждого. Если бы хотел – сделал бы людей неразумными марионетками.

– А как же корабль, который ты отправил на гибель? – спрашиваю я.

– Что такое один корабль? К тому же большинство моряков выжили.

– Там было два корабля.

– Второй я не посылал. Он случайно оказался рядом. Да и опусти ты уже свою саблю. Я не убивал твою жену и не делал тебе лично ничего плохого. Тебя вовсе не было тогда на корабле. Я знал, что ты придешь, потому приготовил судовой журнал, – Архиепископ полез под стол и достал оттуда пухлую книжицу. – Вот, посмотри. Там фамилии всех, кто был тогда на корабле. Ты должен был там быть. Но исчез. Не пришел во время. Тебя искали, но не нашли. А спустя время ты объявился. В качестве пирата.

Чевинфорд, не опуская сабли, медленно подходит к столу, открывает судовой журнал, а Архиепископ лишь улыбается. Я не могу поверить, что он и есть Безымянный Бог. Наверное, каждый считает, что встретив его,

упадет на колени и начнет кланяться. Но мне не хотелось. Пусть он хоть сотню раз бог, из-за него погибли десятки моряков, именно он сделал со мной то, что сделал.

Как после этого можно молиться такому богу?

Только из страха.

– Если не ты это сделал, тогда кто? – спрашивает Чевинфорд.

– Никто. Твоя жена жива. Я чувствую каждого, кто использует мою магию в этом мире. Она живет где-то в Мануоке или его окрестностях. Точнее не знаю.

– Врешь, – выпаливает Чевинфорд.

– Съезди и найди её, – разводит руками Архиепископ. – Она, похоже, тоже думает, что ты погиб.

– Тогда кто мог вложить мне подобные воспоминания?

– Вот это правильный вопрос, – усмехается Его святейшество. – Это необычайно тонкая работа. Обычный чародей, даже Архиепископ, не смог бы этого сделать. За столько времени иллюзия развеется. Разве что к этому причастна Тень. Мой враг забрал моего человека и использовал его против меня.

– Тень не может действовать самолично, – встречаю я. – Тени всегда нужен кто-то, через кого она сможет взаимодействовать с миром. Так же, как Безымянному Богу нужен Архиепископ и церковь.

– Тоже верно, – кивает Его Святейшество. – Кто-то из живых захотел встать на этот путь. Кто-то настолько сильно желавший это сделать, что смог призвать Тень. Или же он был не человеком. У реликтов довольно сильная связь с Тенью, ведь они – её порождение. Кстати, одного из них я чувствую тут, в этом замке. Не вы его привели?

– Безымянный Бог, – вскрикиваю я по привычке.

Он хотел отомстить за своих родителей и за свой вид! Он договорился с Тенью, чтобы та в нужный момент предстала перед Чевинфордом! Именно он мог попытаться убить меня, подбросив змею! Потому что я мешала его планам.

Айсен фон Манлингер!

Мы с Чевинфордом переглядываемся. Оба понимаем, кто за всем стоит.

– Дайте мне шкатулку, и я смогу остановить его. Пока ему на помощь не пришла сама Тень.

– Что в ней? – спрашивает Чевинфорд.

– Мое имя. Имя, вобравшее в себя магию другого мира. Я оставил там ловушку, желая поймать его. Но сам забрать её не мог. Согласно законам

миров, бог одного мира не может проникнуть в мир, сотворенный другим. Как и его прямые последователи. Вот вы – смогли. Обретя это, я сотру Тень с лица мира, – говорит Архиепископ и исчезает, а спустя секунду уже стоит за нами с сумкой Чевинфорда в руке.

На такое не способен ни один чародей!

Архиепископ открывает сумку, достает шкатулку, открывает её. Его лицо тает в усмешке, он жадно вдыхает воздух, но ничего не происходит.

– Это не она! Вы подменили её? – кричит он. – Где настоящая шкатулка?

На лице Чевинфорда отражается непонимание. Это не он. И не я. Айсен!

– Она в море, – слышу хриплый голос за спиной, оборачиваюсь и вижу лицо, а точнее морду Айсена. – Где точно сам не помню.

С острых клыков стекает слюна. Единственный глаз горит красным. Клоки шерсти на голове торчат в разные стороны. Он не смотрит на нас. Глядит на Архиепископа.

– Зачем, Айсен? – спрашивает Чевинфорд, направляя саблю на него.

– Мне нужен был союзник. Сам бы я не справился, – отвечает чудовище. – А ты сделал все как надо. Навредил его церкви, нашел для меня его силу, дал возможность избавиться от неё. И привел меня к нему.

– Тебя контролирует Тень! – вскрикивает Архиепископ.

– Ты не лучше Тени! – отвечает Айсен. – По твоему приказу погибли вампиры, оборотни, драконы. Я убью тебя!

Чудовище с ревом бросается вперед, сбивая меня и Чевинфорда с ног. Я сильно бьюсь о пол, но вижу что происходит. Там, где только что стоял Его Святейшество стоит настоящий вихрь. Станы трещат. Осколки пола падают на пол. Стена вот-вот проломится.

Иногда из вихря выглядывают щупальца. Щупальца Тени!

Айсен фон Манлингер полностью отдал себя ей!

Над головой гремит. Стены прогибаются. Слышны чьи-то крики.

Два бога сошлись в поединке. А значит, люди могут не уцелеть.

– Уходим! – кричит Чевинфорд, бросает саблю, хватая меня за руку и тащит в открытую дверь.

Слышен оглушающий стук. Наверное, одна из башен замка развалилась. Земля дрожит не меньше, чем яйцо гигаморфа, а мы бежим по коридорам-лабиринтам. Рядом пробегает мужчина в дорогом костюме, другой несет на руках орущую женщину в голубом платье. По многовековым стенам ползут трещины. Потолок валится на голову.

Это место переполнено магией. Сейчас каждое сверхсущество

использует её.

Безымянный Бог!

Может произойти магический катаклизм, угрожающий всему миру!

Чевинфорд ломает одну из дверей, поднимает меня на руки, выпрыгивает через окно на улицу.

– Уходи! – кричит он. – Используй кольцо.

– Не могу, – отвечаю я, понимая, что на больше, чем одного человека оно не рассчитано, а без Чевинфорда я никуда не уйду.

Над морем поднимаются огромные, движущиеся в разные стороны волны. С неба тянутся исполинские смерчи.

– Улетай же! Ну! – Чевинфорд ставит меня на землю и протягивает мне Миша. – Забери его. Он маленький. Улетит с тобой.

– Это может угрожать всем! Где бы я ни была! – отвечаю я. – Море может замерзнуть. Солнце начать восходить с запада или вовсе исчезнуть! Звезды погаснуть! Мир изменить форму! Это магический катаклизм невиданной силы, и или что-то предпринять здесь, или мир может погибнуть!

– И что ты предпримешь?

Я смотрю на чародеев, с криками выбегающих из замка. Сам замок буквально ходит. Шатается из стороны в сторону, роняет пыль и части окантовки.

– Идем! Я знаю что, – говорю я, направляясь к перепуганным чародеям.

На лицах тех отражается печать страха. Женщины кричат, мужчины пытаются их успокоить, хоть и сами не на шутку перепуганы. Отовсюду доносятся голоса:

– Что это?

– Я чувствую Тень!

– Как нам убраться?

Голоса доносятся со всех сторон, а магическая энергия буквально жжет из изнанки. Хоть вокруг настоящая зима, но жарко, как посреди лета.

– Это катаклизм! Теперь все! Мир изменится навсегда! – бормочет первый епископ, второй человек в церкви после Архиепископа.

– Нет, если мы закроем это место. Отправим его в Изнанку! – говорю я.

– То есть? – он удивленно смотрит на меня.

– Некоторые вещи можно прятать в изнанке от посторонних. Так? А что, если отправить туда все это место? Да, замок большой, но магов здесь хватит, энергии тоже.

– Но ведь там – Безымянный Бог! – вскрикивает епископ. – А Изнанка – другой мир. Если мы отправим туда Безымянного Бога, то путь в наш мир для Изнанки закроется! Вся магическая энергия идет через него. Мир лишится магии!

– Если мы этого не сделаем – мы лишимся мира! – отвечаю я.

***

Маги быстро готовятся к ритуалу. Кто-то из них понимает, что если не остановить происходящее, то начнется если не конец света, то кое-что похуже, а кто-то просто боится за свою жизнь. К счастью, для того, чтоб отправить это место в изнанку, не нужны ни редкие ингредиенты, ни особая местность, ни узкопрофильный специалист в малоизвестных областях магии. Нужно лишь много, очень много энергии и чародеи, которые способны её направлять. И первого, и второго предостаточно.

Замок рушится все сильнее.

Одна из башен падает, поднимая вверх столп пыли. В стороны летят камни. Земля дрожит. Вот она – битва двух богов. Непосредственное столкновение, способное погубить всех.

Чевинфорд лишь наблюдает за всем.

– Как я мог не разглядеть в Айсене предателя, – ругается он. – Мы с ним познакомились так давно...

– Люди меняются, – отвечаю я.

Может, Айсен всегда был одержим ненавистью к Архиепископу, а может, она появилась только после смерти его родителей. Но отдать свое тело Тени...

Впрочем, и Чевинфорд сделал то же самое. Ненависть толкает людей на такие поступки, которые трудно себе и представить. Но Тень не придет за ним, если удастся запечатать это место.

Земля дрожит, ломаются деревья. Кажется, что даже низкие серые тучи в небе готовы в любой момент упасть на голову Маги становятся шестиугольником. Конечно, есть риск закрыть себя вместе с богами, но лучше так, чем допустить катаклизм.

– Я помогу им.

Чевинфорд мгновение думает, будто решает, отпускать ли меня, а потом говорит одно лишь слово – возвращайся. Понимает, что так или иначе сделаю по-своему.

Становлюсь в круг. Смотрю на стоящего в центре епископа, который всем заправляет.

– Готовы? – спрашивает он.

Я киваю, хоть страшно до жути. Нет ничего хуже, чем остаться в

Изнанке навсегда.

– Прогоним богов из нашего мира, – епископ говорит это с осторожностью, будто боится их прогневить, я же ныряю в Изнанку, и сразу вижу богов.

Они огромны. Закрывают собой все небо. Один из них предстает в виде исполинской белой птицы, а другой в виде переплетения щупалец. Они пытаются одолеть друг друга. но ни у одного не получается. Сперва побеждает Безымянный Бог, потом берет верх Тень, и так по очереди.

Бесконечная битва, которая для нас затянется на годы и десятилетия, а для богов за это время пройдет лишь миг. В Изнанке время идет иначе. Может, они и вовсе его не чувствуют.

Я вижу души магов, окружающих богов энергией. Боги даже не замечают этого, продолжают свой бой. Слышен ужасающий, пронизывающий вой, звуки ударов, крик. Вижу, как замок распадается на куски. Под ним появляется огромная трещина.

В реальности её нет. Только здесь.

Замок раскалывается на две половины. Становится жарко. Глаза слезятся. Больше всего хочется выйти из изнанки.

А Тень тем временем опутывает щупальцами своего противника. Он бьется, пытается высвободиться. Откусывает отростки, мгновенно превращающиеся в змей. Они опускаются вниз. Прямо в появившуюся расщелину.

– Выходим! – кричит кто-то.

А я не могу выйти. Что-то будто манит меня остаться здесь. Услаждает слух, рисует перед глазами красивые пейзажи с множеством деревьев, травы, аккуратными домиками.

– Выходи! – вижу, как лицо Чевинфорда появляется на тле идеалистического пейзажа. То в небесах, то среди деревьев. Изнанка превращается в настоящий магнит, затягивающий внутрь все, что находится близко. Боги желают забрать с собой как можно больше своих творений.

– Вернись ко мне!

Я стараюсь отрешиться от всего. Не смотреть, не слушать, не нюхать. Сосредоточиться лишь на Чевинфорде. Его облике, его голосе.

Все вокруг темнеет. Абсолютная, беспроглядная тьма обступает со всех сторон. Нет ни звуков, ни запахов. Темнота и тишина. Я осталась в изнанке? Похоже на то. Чтоб его все? Что дальше? Что со мной будет?

По щекам катятся слезы. Все тело дрожит, и тут же я понимаю, что чувствую эту дрожь. Значит, Тонкий мир не поглотил меня полностью.

Пытаюсь поднять веки. Те весят тонну. Вижу небольшой просвет. Пушистую мордочку Миша, а потом и лицо Чевинфорда.

– Мы справились? – спрашиваю я.

– Похоже на то.

– Я поднимаю голову, вижу замок, в мгновение ока ставший руинами. Приходящих в себя чародеев. мягкий снег, сыплющийся с небес. Изнанки больше нет. Я не чувствую её. Они заперты. Может, навечно, а может, когда-то мы узнаем о них.

Мир теперь полностью лишен магии. Может, именно этого и добивался Айсен? Был ли в этом его план?

То письмо Архиепископу от некоего "О" – оно от него?

Пожертвовал ли он собой, чтоб лишить мир волшебства?

Мы никогда не узнаем.

– Что дальше? – я смотрю в глаза Чевинфорда.

– Еще одно путешествие, – отвечает он.

Эпилог. Жена капитана

Путешествие оказалось долгим. Без магии пришлось держаться берегов и безопасных протоков. Ступив на твердую землю, чувствую настоящее облегчение.

Никогда раньше не была в Мануоке. Смотрю и любуюсь желтой листвой высаженных вокруг деревьев. Листья срываются, покрывают плотным ковром черепичные крыши домов, мощеные камнем аллеи, падают в переставший работать из-за отсутствия магии фонтан, выполненный в виде поднявшей голову рыбы.

Здесь по-своему красиво. Аккуратный городишко, построенный на холме, откуда открывается вид на девственный лес. Дети, играющие в какую-то игру, прячась среди деревьев небольшого парка. Снующие по улицам повозки. Крупные белые птицы, облюбовавшие крыши.

– Газеты! Свежие газеты! Местное отделение Инквизиции разгромлено, – доносится голос.

– Ах ты ж пьяница несчастный, иди домой уже! – кричит какая-то женщина.

– Подайте на пропитание бывшему магу, – выпрашивает сидящий на перекрестке человек, облаченный в драную мантию.

Может, и я скоро окажусь на этом же месте. Трудно нам придется без магии. Но что сделано то сделано. Придется учиться жить иначе.

– Я узнал, где она, – говорит Чевинфорд, выходя из таверны. – Идем.

Он становится рядом со мной, беру его под руку и мы направляемся по узким аккуратным улицам в город.

– Как у тебя с душой?

– Кажется, она вернулась, но ничего не требует. Магии же нет. Души потеряли часть способностей. А может, теперь их вовсе не существует.

И я не могу больше посмотреть сквозь Изнанку и узнать что и как. Всяко, капитан недавно поранился ножом, когда резал еду. Значит, стал обычным человеком.

Миш все так же сидит на его плече. Все такой же резвый и преданный. Он прыгает мне на руки, я поглаживаю его по шерстке, зверек довольно пищит и мурлычет.

Мы долго петляем по улицам, Чевинфорд все время молчит. Возможно, когда он увидит её, уйдет, оставив меня в одиночестве? Магия исчезла, но мои чувства к нему никуда не делись. Они все так же сильны.

Но если он решит, что хочет быть с ней, это его право. Главное – чтоб он был счастлив.

– Вот здесь, – он указывает на небольшой каменный домик с большими окнами.

– Пойдешь к ней? – спрашиваю я.

– Я должен её увидеть.

И тут дверь домика открывается. На пороге появляется женщина. Она действительно похожа на меня. Такие же волосы, похожий овал лица, глаза. Разве что старше немного, но вполне могла бы сойти за сестру.

– Мама, а в зоопарке мы увидим слонов? – из дома выбегает девочка лет трех, бросается ей на шею.

– Увидим. И бегемотов. И даже леопардов, – отвечает Элени, поправляя одежду дочери. – Сейчас только папу дождемся. Жакир, где ты там?

– Уже иду, милая, – слышится мужской голос из дома, а спустя секунду на пороге появляется высокий светловолосый мужчина, одетый в клетчатый костюм.

– Готова посетить зоопарк? – усмехается он девочке.

– Да-а-а! – радостно прыгает та, хватая родителей за руки. – А вы купите мне сладкой ваты?

– Конечно, милая.

Они скрываются за углом. Кажется, Элени нас не заметила.

– Ты не подошел, – говорю я.

– Она счастлива. Ей лучше, чем со мной. Мы три года прожили вместе, но так и не завели детей. Я постоянно был в море, она тоже работала. Все откладывали. А он, похоже, смог дать ей то, что не мог я. Думал, может, она в нищете после того, как магия исчезла. Может, ей нужна помощь. Но у неё все в порядке. Восставший из мертвых бывший муж будет нехстати. Тем более я тоже нашел свое счастье.

Он обнимает меня, я склоняю голову на его плечо и чувствую себя в безопасности. Так тепло. Так приятно.

– Что дальше?

– Отправимся в мой домик в. На повозке, моря мне до конца жизни хватит. Думаю, денег хватит, чтобы открыть там небольшую лавку. Только скажу ребятам, пусть уплывают без меня.

Мы возвращаемся в порт.

Чевинфорд повеселел. Он всю дорогу рассказывает, как откроет свое дело, мы поженимся, заведем детей – мальчика и девочку. А я слушаю и поглаживаю Миша.

Местный порт совсем небольшой, лишь несколько торговых судов и наша "Вендетта", паруса которой заменили на обычные, белые.

– Отвезешь на Райчули, – слышу знакомый голос, поворачиваю голову и вижу человека в широкой шляпе и длинном кожаном плаще. Его левая нога заменена деревянным протезом, а поверх белой как снег кожи чернеет скрывающая отсутствующий глаз повязка.

– Налькар! Ты жив!

Моему удивлению нет границ. Смотрю на него, его кривую усмешку, несколько шрамов на щеке.

– Меня так просто не убить, – отвечает он, опираясь на трость. – Инквизиторы. Ненавижу их за все, что они со мной сделали. Магии нет, но они продолжают действовать. Будто боятся. Мне нужно на Райчули. Там видели главного инквизитора.

– Плыви, – говорит ему Чевинфорд. – Бери корабль и плыви. Мне он больше не нужен. Он твой.

– В самом деле? – усмехается Налькар.

– Да, – кивает Чевинфорд. – Мы сделаем как ты советовал. Поселимся в Кардемикане, поженимся.

– Сделай её счастливой, – говорит альбинос, протягивая руку для рукопожатия, и Чевинфорд пожимает её.

– И тебе удачи.

Налькар оборачивается и, хромая, уходит.

– Сейчас найдем повозку, – усмехается Чевинфорд, обнимает меня, целует в губы, а я тону в его объятьях. Хочу прожить жизнь рядом с ним и никогда не расставаться. Жить спокойно до конца дней, никогда больше не подвергаясь опасности. Растить детей и любоваться долгими киренакскими закатами.

Надеюсь, так и будет.

Изображения для обложки взяты с ресурса shutterstock.com

Автор обложки Оксана Северная